

РУКОВОДСТВО
къ
ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМУ ЧТЕНІЮ
УЧИТЕЛЬНЫХЪ КНИГЪ
ВѢТХАГО ЗАВѢТА.

Изданіе второе.

—Разумѣши ли яже чтеши?
—Како убо могу разумѣти, аще
не кто наставитъ мя! (Дѣян. 8, 31).

КІЕВЪ.

Въ тип. И. и А. Давиденко, (аренд. С. Бульжешко и В. Давидецко).

1873.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 1 Сентября 1873 года.

Понятіе объ учительныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта.

Учительными книгами Ветхаго Завѣта называются книги, содержащія въ себѣ изложеніе вѣры и правила благочестивой жизни, написанныя богодухновенными лицами и нѣкоторыми благочестивыми мужами.

Число и наименованіе ихъ.

Къ учительнымъ книгамъ Ветхаго Завѣта относятъ обыкновенно слѣдующія каноническія книги: книгу Іова, Псалтирь, Притчи Соломона, Екклесіастъ и Пѣнь пѣсней; къ нимъ присоединяютъ и признаваемыя Православною церковію за неканоническія—книгу Премудрости Соломона и книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова. Всѣхъ книгъ семь.

К Н И Г А І О В А.

Названіе книги.

Книга Іова получила свое названіе отъ лица благочестиваго Іова, который, какъ въ своей жизни, соотвѣтственно своему имени (*יוב — терпящій отъ врага*), представляетъ примѣръ терпѣливой добродѣтели, страдающей отъ навітовъ врага,—такъ и въ своихъ обширныхъ бесѣдахъ съ друзьями и самимъ Богомъ доказываетъ, что страданія его незаслужены.

Очеркъ содержанія.

Іовъ, — благочестивый житель Идумеи, отецъ большого семейства, обладатель многочисленныхъ стадъ и рабовъ, знаменитѣйшій между сынами Востока, — дѣлается предметомъ клеветы сатаны, явившагося предъ Богомъ среди ангеловъ Его и старавшагося доказать Богу, что благочестіе Іова свекорыстно. Но ни внезапная потеря стадъ и рабовъ, ни смерть дѣтей, по допущенію Божію причиненная діаволомъ, — ни собственные страданія отъ страшной проказы, извѣстной на Востокѣ подъ именемъ *элефантиазиса* (слоновой болѣзни), — ни совѣты жены, пришедшей въ отчаяніе при видѣ постигшихъ Іова несчастій, — не могли поколебать благочестивой твердости Іова и его смиренной преданности воли Божіей. Твердо убѣжденный въ томъ, что его страданія не заслуженны Іовъ защищаетъ свою невинность отъ неправильныхъ нападокъ и подозрѣній трехъ своихъ друзей, Елифаза, Валдада и Софара, которые, явившись для утѣшенія Іова, старались вмѣсто того, доказать ему, что онъ навлекъ на себя такія страданія тайными грѣхами. Вызванные на бесѣду, послѣ семидневнаго молчанія, жалобами Іова на тяжесть страданій и проклятіемъ имъ своего дня рожденія, друзья Іова троекратно другъ за другомъ возобновляютъ свои бесѣды съ страдальцемъ и каждый разъ Іовъ съ непобѣдимую силою опровергаетъ ихъ доказательства и повергаетъ свою невинность на судъ самаго Бога, такъ что заставляетъ ихъ замолчать, а одного изъ нихъ (Софара) и совсѣмъ не вступать въ третій разъ въ споръ съ нимъ. Попытка Еліуса, молодого и доселѣ безмолвнаго свидѣтеля споровъ Іова съ друзьями, — стать посредникомъ между спорящимися, ограничивается лишь повтореніемъ высказанныхъ уже друзьями Іова мыслей и не заслуживаетъ со стороны Іова никакого отвѣта. Наконецъ, самъ Богъ является Іову и указаніемъ на непонятность для человѣка самыхъ обыкно-

венныхъ и ближайшихъ къ нему явленій міра физическаго и животнаго, приводитъ Иова къ признанію непостижимости судьбъ Божіихъ въ мірѣ нравственномъ. Успокоенный этимъ явленіемъ Господа, Иовъ отказывается отъ своего желанія разгадать причины своихъ бѣдствій и, оправданный самимъ Господомъ предъ друзьями, приноситъ о нихъ жертву Богу; самъ же вознаграждается отъ Бога новымъ семействомъ, стольже многочисленнымъ, какъ и прежде, и сугубымъ противъ прежняго имуществомъ на долгія лѣта своей остальной жизни.

Мѣсто и время жизни Иова.

Писатель кн. Иова называетъ мѣстомъ жительства Иова страну Уцъ (по греч. *Οὐς* или *Αἰς*—Авситидійская страна), которая составляла одну изъ сѣверныхъ областей Аравіи и получила свое имя отъ Уца потомка Сеира (Быт. 36, 20.28), а Сеиръ вмѣстѣ съ Исавомъ—Едомомъ составили одинъ народъ Идумеянъ и населили часть Аравіи по сосѣдству съ Палестиной, на юго-востокъ отъ Мертваго моря. Такимъ образомъ, очень естественно считать Иова однимъ изъ потомковъ Исава. Къ этому предположенію приводитъ насъ и то обстоятельство, что въ кн. Иова преимущественно изображаются предметы свойственныя Аравіи и въ частности Идумеѣ,—напр., ручьи текущіе съ горъ и скоро высыхающіе отъ жаровъ, какъ это бываетъ въ горахъ Сеира (6, 15.18, 24, 19), караваны оеманскіе и савейскіе (6, 16. Оеманъ и Сава въ Аравіи. Ис. 21, 11,14; Пс. 71, 10). Друзья его также принадлежатъ къ Идумеѣ или сосѣднимъ съ нею странамъ. Елифазъ—оеманитянинъ, Валдадъ—савхейнинъ, или шеухить, какъ кажется, потомокъ Авраама, изъ сыновъ Хеттуры, жившихъ на В. отъ Палестины, въ предѣлахъ Аравіи (Быт. 25, 1,6), Софаръ—минейскій, или наамитскій (Миней—жители Аравіи. 2 Пар. 26. 7; Наама—городъ въ южн. части кол. Иудина. Нав. 15. 41).

Что касается времени, въ которое жилъ Іовъ, то оно несомнѣнно принадлежитъ ко временамъ патріарховъ. Такъ, онъ занимается скотоводствомъ; самъ, какъ глава семейства, приноситъ жертвы за своихъ дѣтей; живетъ не менѣе 200 лѣтъ (долголѣтіе свойственное только патріархамъ); совершаетъ судъ по обычаямъ временъ патріархальныхъ (29, 7). Въ его время употребляется *кеситъ*—монета, извѣстная во времена Іакова (Іов. 42, 11; Быт. 33, 19, по русск. перев.). Образъ богоявленій—тотъ же, что и патріархамъ. Кромѣ того, въ книгѣ Іова нигдѣ не упоминается ни о жрецахъ, ни о законахъ, ни о событіяхъ и обычаяхъ временъ послѣ Моисея. Богъ, указывая на свою мудрость и могущество, отрывающіяся въ явленіяхъ міра физическаго, не упоминаетъ о чудесахъ совершенныхъ имъ для народа еврейскаго въ Египтѣ и Аравіи.

Время происхожденія книги и писатель ея.

О времени происхожденія книги Іова и о писателѣ ея существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія.

а) Естественнѣе всего сначала представляется то мнѣніе, что книгу Іова написалъ самъ Іовъ, такъ какъ ему ближе всего могло быть извѣстно содержаніе бесѣдъ его съ друзьями и съ Господомъ, и такъ какъ онъ самъ выражалъ желаніе, чтобы страданія его были записаны въ книгѣ (19, 23.24). Это можетъ быть подтверждено и тѣмъ, что писатель близко знакомъ съ предметами той страны, гдѣ жилъ Іовъ. Но нельзя не замѣтить, что писатель книгъ въ *настоящемъ* ея видѣ очевидно былъ іудей, такъ какъ онъ считалъ Іова жителемъ востока (1, 3), и говоритъ объ Іорданѣ, какъ самой великой рѣкѣ, извѣстной ему (10, 18). Языкъ его чисто еврейскій, хотя съ нѣкоторыми идиотизмами, свойственными арабскому и сирскому. Наконецъ, появленіе книги въ кодексѣ свящ. еврейскихъ книгъ заставляеть искать писателя кн. Іова между евреями.

б) Посему нѣкоторые (Оригенъ, Іаковъ Едесскій, Ефремъ Сиринъ) полагають, что кн. Іова обязана своимъ происхожденіемъ Моисею, который долго жилъ въ землѣ Мадиамской, въ Аравіи, — гдѣ могъ узнать объ Іовѣ и его страданіяхъ и составить книгу для своихъ единоплеменниковъ, страдавшихъ въ Египтѣ. Моисею собственно приписываютъ прозаическую часть книги, а бесѣды считаютъ переводомъ съ арабскаго, — и такое мнѣніе утверждаютъ на довольно-замѣтномъ различіи языка въ этой и другой части. Но несмотря на такое различіе, книга Іова представляетъ цѣльное и единое сочиненіе, и отнюдь не есть переводъ, а первоначально написана, можетъ быть на основаніи какихъ либо письменныхъ памятниковъ сохранившихся отъ Іова, на еврейскомъ языкѣ, весьма — впрочемъ — отличномъ отъ языка Моисея, какъ по жесткости выраженій, такъ и по многимъ образамъ и понятіямъ, которыхъ нѣтъ у Моисея. Притомъ, если бы Моисей составлялъ книгу Іова, то конечно изложилъ бы и родословную знаменитаго Іова; но такого родословія въ книгѣ нѣтъ.

в) Нельзя признать писателемъ этой книги и Соломона (какъ напр. Григорій Богословъ), хотя въ наставленіяхъ опытной мудрости у того и другого есть сходство; но рѣчь Соломона носитъ печать большей искусственности и замысловатости, тогда какъ въ книгѣ Іова она сильна, проста и груба для слуха.

г) Скорѣе всего можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что кн. Іова произошла во времена Езекии, именно въ той ученой средѣ, во главѣ которой стоялъ пр. Исаія (Ему приписываютъ Григорій вел. и Сvida), которая такъ много оставила намъ письменныхъ памятниковъ отъ этого времени. Сходство слога въ кн. Іова съ выраженіями пр. Исаи, книги Притчей, получившей свое окончательное образованіе не раньше ц. Езекии (Притч. 25, 1), и Псалтири; большая обработка языка разнообразныя свѣденія — астрономическія и техническія, философскій характеръ книги, ука-

заніе на Халдеевъ, какъ на грабителей (Іов. 1, 17), а съ такимъ характеромъ они появляются въ исторіи не раньше времени Озіи ц. іудейскаго и Манайма ц. израильскаго (4 Ц. 15, 19): все это говоритъ въ пользу такого мнѣнія. Впрочемъ, его можно принять съ тѣмъ ограниченіемъ, что первоначальнымъ основаніемъ книги послужилъ письменный рассказъ самого Іова о своихъ страданіяхъ и краткій очеркъ бесѣды его съ друзьями, - и что писатель время Езекии, близко знакомый съ Идумеей, придалъ тому первоначальному разсказу нынѣшнюю искусственную форму.

Ц ѣ л ь к н и г и.

При изображеніи исторіи страданій Іова, священный писатель имѣлъ цѣлю:

1) Показать причину, неизбѣжность и значеніе страданій, испытываемыхъ людьми благочестивыми. 2) Внушить, что человеку не свойственно вступать въ споръ съ Богомъ и спрашивать, почему Онъ поступаетъ такъ, а не иначе въ управленіи судьбою людей, т. е. внушить смиреніе и покорность волѣ Божіей и расположить къ терпѣливому перенесенію скорбей и бѣдствій. 3) Удостоверить нагляднымъ опытомъ, что скорби, лишенія и страданія, посылаемыя для испытанія праведныхъ и переносимыя съ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей, вознаграждаются отъ Бога сугубыми милостями и щедротами. 4) Въ лицѣ Іова указать страдальцамъ примѣръ терпѣнія, вѣры и преданности Богу, не смотря на самыя тяжелыя бѣдствія и лютыя страданія, ниспосланныя ему для его испытанія. Ап. Іаковъ, воодушевляя своихъ единоплеменниковъ, жившихъ въ разбѣяніи, къ благодушному перенесенію скорбей и постигшихъ ихъ бѣдствій, указываетъ на терпѣніе Іова (Іак. 5,10,11).

Обозрѣніе содержанія книги Іова для послѣдовательнаго чтенія.

Историческое введеніе въ книгу (гл. 1—3. 2 ст.).*

Въ странѣ Авситидійской (евр. Уцъ) жилъ нѣкто Іовъ, который отличался, какъ своимъ благочестіемъ, такъ и цвѣтущимъ

благосостояніемъ своего дома (1, 1—5). И вотъ онъ внезапно подвергается страшнымъ бѣдствіямъ. Таковой переворотъ въ жизни Іова Богъ допустилъ по навѣтамъ сатаны, который въ собраніи ангеловъ предъ Богомъ *) старался очернить добредѣтель Іова и утверждалъ, что Іовъ не устоитъ въ благочестіи, если подвергнуть его тяжкимъ испытаніямъ (6—12). Сначала разбойники и огненный дождь лишили Іова его стадъ и рабовъ (13—17); потомъ дѣти его погребены были подъ развалинами обрушившагося дома (18, 19), но Іовъ безропотно перенесъ постигшія его несчастія и только благословилъ Господа (20—22). Снова явившись предъ лицомъ Божиимъ, діаволь утверждалъ, что терпѣливое перенесеніе Іовомъ несчастій продлится только до тѣхъ поръ, пока страданія существенно не коснутся самой личности (2, 1—5),—и Господь допустилъ поразить Іова страшною проказой**), вслѣдствіе которой

*) Въмѣстѣ съ добрыми ангелами, является предъ Богомъ и *противникъ* добра (евр. сатана). Милосердый Богъ, не хотящій смерти грѣшника, такимъ допущеніемъ къ Себѣ діавола показываетъ, что Онъ не отвергъ бы и обращенія самаго перваго виновника зла, если бы онъ когда-нибудь восхотѣлъ раскаяться. Явленіе предъ Бога среди сыновъ Божіихъ, напоминая діаволу о прежнемъ его величіи и прежнихъ отношеніяхъ къ своему Творцу, должно пробуждать въ немъ чувство сожалѣнія и при этомъ, что конечно глазное, лишить его возможности оправдываться въ своемъ упрствѣ: такъ какъ Господь употребляетъ все мѣры для его спасенія, но онъ вмѣсто того продолжаетъ коварствовать на людей и противорѣчить Богу.

**) Св. Златоустъ не сомнѣвается, что Іовъ перенесъ въ своемъ тѣлѣ все роды болѣзней, которымъ человекъ бываетъ подверженъ. Но въ частности, судя по описаніямъ болѣзни Іова, какія встрѣчаются въ бесѣдахъ его съ друзьями, и по друг. мѣстамъ Писанія, гдѣ говорится о подобныхъ же болѣзняхъ (Лев. гл. 13; Втор. 28, 27. 35), можно думать, что эта болѣзнь была страшная проказа, извѣстная подъ именемъ *енипетской*; у древнихъ и новыхъ врачей она называется *элефантіазисъ*—слоновьею болѣзнию, потому что во время этой болѣзни все оконечности тѣла распухаютъ и дѣлаются похожими на ноги слона, кожа дѣлается багровою и совсѣмъ черною, и по мѣстамъ складывается слоями, какъ у слона. Начинаясь часто на лицѣ въ видѣ синеватыхъ пятенъ, она мало-по-малу распространяется по всему тѣлу, особенно въ мягкихъ частяхъ тѣла и на слѣбахъ, или связкахъ членовъ. При чемъ по тѣлу, и особенно въ оконечностяхъ пальцевъ и колѣнъ, распространяется нестерпимый зудъ, который заставляеть больнаго ис-

Іовъ долженъ былъ на гноищѣ (на кучѣ нечла), вдали отъ жилищъ человѣческихъ, перенести необыкновенныя страданія (6—8). Не находя ни въ комъ утѣшенія, страдалецъ съ твердостью отвергаетъ безумныя совѣты жены своей, предлагавшей ему просить себѣ у Бога смерти для прекращенія мученій (9.10). Вѣсть о несчастіяхъ Іова привлекла къ нему трехъ сосѣднихъ друзей его, Елифаза ѳеманскаго, Валдада савхейскаго и Софара минейскаго (евр. наамитскаго); но видъ тяжелыхъ страданій такъ поразилъ ихъ, что они въ теченіи 7 дней не могли ничего сказать къ нему (11—13), пока наконецъ самъ Іовъ прервалъ это тягостное молчаніе, произнесши проклятiе на день своего рожденія (3, 1.2).

Первый рядъ рѣчей.

Рѣчь Іова (гл. 3).

До сихъ поръ, казалось, Іовъ былъ холоденъ и нечувствителенъ ко всему, что могло поколебать вѣру его въ Господа и его терпѣніе. Но наконецъ онъ не можетъ больше скрывать таящейся въ немъ скорби и, какъ бы въ доказательство того, что

катъ черенка или другаго орудія для чесанія кожи. Дальнѣйшій видъ болѣзни открывается появленіемъ гнойныхъ чирьевъ, въ которыхъ заводятся черви; пальцы и ноги пухнутъ; вся кожа представляетъ видъ непрерывной опухоли. Волосы выпадаютъ; кожа сваливается кусками, отпадаютъ цѣлые члены—носъ, пальцы; въ зияющія раны выглядываютъ кости и внутренности. Гной сочится со всего тѣла, и большой присыпаетъ его нечломъ или пылью, чтобы не давать безчисленнымъ насѣкомымъ растрепкивать ранъ. Дыханіе тяжело и отрывисто; голосъ хриплый и, отъ гніенія носа, глухой; жажда и жажда внутри, нестерпимая вошь совнѣ, боль въ костяхъ и расслабленіе всѣхъ членовъ, безпокойство насѣкомыхъ, горячечный бредъ ночью, лишеніе крова, нища, участія друзей и родныхъ: вотъ общія черты болѣзни, которую—вѣроятно—перенесъ прав. Іовъ. Чтобы составить болѣе вѣрное понятіе о болѣзни Іова, достаточно вспомнить, что она происходила отъ злобы діавола, старавшагося доказать предъ Богомъ свою ложь. Въ свою очередь и Богъ, зная мѣру силъ человѣческихъ, допустилъ Іову терпѣть страданія, какиа

мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ лицомъ, а не съ поэтическимъ олицетвореніемъ терпѣнія, онъ проклинаетъ день своего рожденія *).—Приспособительно къ понятіямъ людей вѣрующихъ, что счастье и несчастье въ жизни человѣка зависятъ отъ дня, въ который онъ родился, Іовъ также, въ своемъ проклятіи, желаетъ, чтобы день, который далъ ему бытіе, или совсѣмъ исчезъ изъ дней года, или, если уже надобно ему остаться, то пусть будетъ воспоминаемъ, какъ день несчастья (3, 3—10). Если бы Іовъ умеръ во чревѣ матери своей, или вскорѣ послѣ рожденія своего, то онъ избѣгъ бы всѣхъ этихъ страданій и тихо перешелъ бы во гробъ, гдѣ царствуетъ миръ и равенство между мертвыми (11—19). Зачѣмъ же иные люди рождаются для бѣдствій и живутъ долѣе, нежели сколько они сами желаютъ (20—23); зачѣмъ и онъ самъ продолжаетъ существованіе, когда нѣтъ ему болѣе радости на землѣ (24—26)?

Первая рѣчь Елифаза (гл. 4 и 5).

Жалобы Іова на свою судьбу вызываютъ друзей его на возраженія и долгия пренія о причинѣ страданій Іова. Первымъ возразителемъ выступаетъ Елифазъ.—Испросивъ себѣ позволеніе говорить, онъ обнаруживаетъ свое изумленіе, что мужъ, который такъ часто успокоивалъ и утѣшалъ страждущихъ, могъ теперь изрыгнуть такія бурныя жалобы, когда уже сознаніе своихъ добродѣтелей ручается ему за счастливую будущность (4, 1—6). Онъ ссылается на опытъ и указываетъ, что невинность всегда спасаетъ

только можетъ перенести человѣкъ. Страданія Іова, посему не могли продолжаться долго, — можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ.

*) Въ проклятіи Іова слышится не отчаяніе и не малодушіе страдальца, а сила и глубина его страданій. Черезъ это проклятіе Іовъ дѣлается намъ родственнымъ и по духу, и по тѣлу, — и мы, взирая на терпѣніе его, можемъ подражать его примѣру.

человѣка отъ гибели; напротивъ, сила и насиліе не могутъ защитить отъ гнѣва Господня. Это даетъ ему поводъ заключать, что, если бы Іовъ, былъ дѣйствительно праведенъ, то его не постигли бы такія несчастія (7—12). Въ подтвержденіи этой мысли Елифазъ ссылается на особенное откровеніе бывшее ему ночью, изъ котораго онъ узналъ, что предъ Богомъ, который замѣчаетъ недостатки даже въ ангелахъ *), нѣтъ невиннаго человѣка (13—18), и что бранные люди могли бы такъ же легко погибнуть отъ гнѣва Божія, какъ червь отъ дуновенія вѣтра (19—21). По этому напрасно Іовъ будетъ обращаться къ кому-нибудь сильному или святому: несчастіе неизбѣжно преслѣдуетъ нечестивца; если даже временно онъ благоденствуетъ, то быстро и погибаетъ со всѣмъ своимъ домомъ (5, 1—5). Правда, всякій человѣкъ отъ рожденія своего обреченъ на страданія; но молитва къ Господу—всемоущему и праведному избавляетъ богобоязненнаго, — и только нечестивые и лукавые бывають низвергнуты (6—16). Постигающія же праведниковъ страданія должны быть принимаемы съ радостью, какъ залогъ будущаго благоденствія (17—26). Такъ говоритъ опытъ, заключаетъ Елифазъ, — и сообразно съ этими указаніями Іовъ долженъ обсудить свою жизнь (27).

Первая отвѣтная рѣчь Іова Елифазу (гл. 6 и 7).

Чрезмѣрные страданія Іова вынудили его произнести проклятіе на день своего рожденія. Елифазъ, вмѣсто утѣшенія, осуждаетъ его какъ неимѣющаго достаточно терпѣнія и подозрѣваетъ

*) Въ пылу спора Елифазъ, кажется, забылъ, что всѣ твари, каждая въ своемъ чинѣ, были добры зѣло, и ангелы обладаютъ относительнымъ совершенствомъ. Слѣд., сдѣланное имъ заключеніе, что и ангелы не чужды недостатковъ, неправильно и вовсе не подтверждаетъ той мысли, что Іовъ грѣшенъ, по самому несовершенству своей природы.—Впрочемъ Отцы Церкви (Аванасій В., Златоустъ) объясняютъ это о паденіи ангеловъ.

въ тайныхъ преступленіяхъ. Въ отвѣтъ на это Іовъ говоритъ, что, еслибы кто могъ взвѣсить его страданія, то оказалось бы, что жалобы его еще слабы, что онъ еще слишкомъ терпѣливъ, потому что тяжеле его страданій ничего не можетъ быть (6, 1—7). При этомъ Іовъ ничего болѣе не желаетъ, какъ скорой смерти, которая бы положила конецъ его страданію (8—12). Онъ сѣтуетъ на вѣроломство своихъ друзей, которые, вмѣсто того, чтобы утѣшать его, считаютъ его преступнымъ потому только, что онъ подвергся наказанію отъ Бога (13—21). Отказываясь посему отъ ихъ утѣшеній, Іовъ требуетъ отъ друзей своихъ, по крайней мѣрѣ, доказательствъ того, что онъ грѣшнѣе или что онъ неправильно изображаетъ свои страданія (22—30). Онъ соглашается съ тѣмъ, что жизнь человѣка на землѣ есть постоянная борьба съ несчастіями и трудностями; но видитъ для страдальца облегченіе въ надеждѣ на окончаніе страданій; для него же такой надежды нѣтъ (7, 1—6). Посему онъ обращается къ Богу съ молитвою и проситъ, чтобы его страданія были хотя на время превращены и чтобы дана была ему возможность спокойно умереть (7—11). Изнемогая подъ тяжестью страданій и особенно опасаясь самоубійства *), которое представлялось ему, какъ лучшее средство прекратить страданія (12—16), Іовъ проситъ Господа, какъ бы, забыть его и не обращать своего вниманія на такую ничтожную тварь, какъ человѣкъ, и не наказывать его за грѣхи (17—21).

Первая рѣчь Валдада (гл. 8).

Валдадъ, второй другъ Іова, доказываетъ ту же неправильную мысль, которую высказалъ Елифазъ, что земное счастье есть

*) Еврейскій текстъ представляетъ здѣсь, что Іова неотвязно преслѣдовала мысль о самоубійствѣ, чего онъ очень опасался. По тексту LXX, Іовъ, послѣ жалобъ на утрачающія видѣнія, уже проситъ Бога освободить душу его отъ смерти (конечно—отъ самоубійства).

слѣдствіе добродѣтели, и старается убѣдить Іова, что онъ напрасно жалуется на потерю своего имущества и своихъ дѣтей. Если дѣти его наказаны смертью, то безъ сомнѣнія—потому что они были преступны предъ Богомъ *): иначе, правосудный Господь не допустилъ бы ихъ погибнуть. Самъ же Іовъ, если невиненъ и обратится къ Богу съ молитвою, будетъ сугубо вознагражденъ (8, 1—7). Древняя пѣснь, плодъ опытной мудрости отцевъ, подтверждаетъ эту мысль Валдада. Какъ папиръ, высоко вырастающій во время разлива (Нила), по спаденіи воды почти внезапно засыхаетъ: такъ и нечестивцы, достигшіе высшей степени земнаго счастія, внезапно погибаютъ (8—19). Іовъ поэтому не будетъ отринутъ Господомъ (20—22).

Первая отвѣтная рѣчь Іова Валдаду (гл. 9 и 10).

Іовъ соглашается съ друзьями своими въ томъ, что онъ не можетъ оправдаться предъ Богомъ, который показываетъ свою премудрость и могущество въ землетрясеніяхъ, буряхъ и величественномъ небѣ, усѣянномъ прекрасными созвѣздіями (9, 1—10), и который не даетъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ (11—13). Посему благоразумнѣе признать себя неправымъ предъ Нимъ и не вступать въ прю съ Богомъ (14—20). Такъ именно и хочетъ поступить Іовъ, хотя сознаетъ свою певинность: онъ видитъ, какъ праведники часто терпятъ оскорбленія отъ нечестивыхъ,—самъ онъ безвинно страждетъ (21—28). Ему остается покориться печальной необходимости, признать себя виновнымъ предъ Богомъ, чего конечно не было бы, если бы между нимъ и Богомъ нахо-

*) По мнѣнію Валдада, Іовъ вдвойнѣ преступенъ предъ Богомъ: и за себя и за дѣтей. Такимъ предположеніемъ Валдадъ отравляетъ послѣднюю утѣшительную мысль Іова—сознаніе, что онъ былъ правъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ воспитанію дѣтей,—что онъ былъ хорошимъ отцомъ и что дѣти его были достойны лучшей участи.

дился посредникъ, равно могущій судить и человѣка и Бога, и если бы Богъ отвратилъ отъ него свою карающую десницу (29—35). Иовъ только удивляется тому, что Господь, всемогущій и всевѣдущій, который не только создалъ человѣка, но съ величайшею заботливостью сохраняетъ его жизнь и блюдетъ его нравственность,—что Онъ съ такою строгостью преслѣдуетъ свое созданіе за маловажныя преступленія и такъ мучить его—Иова (10, 1—12). Въ такомъ недоумѣніи о причинахъ своихъ безвинныхъ страданій и о невозможности оправдаться предъ Богомъ, Иовъ снова предпочитаетъ смерть жизни и проситъ себѣ облегченія на остальные дни своего скорбнаго существованія (13—22):

Первая рѣчь Софара (гл. 11).

Софаръ, третій другъ Иова, считаетъ предыдущія бееѣды Иова пустословіемъ, которое вовсе не доказываетъ праведности Иова (11, 1—3). Софаръ даже думаетъ, что если бы Богъ открылъ Иову тайныя причины его страданій, то оказалось бы, что за грѣхи свои онъ достоинъ гораздо большихъ наказаній (4—6),— и хотя человѣкъ не можетъ постигнуть всѣ судьбы Божіи, но должно быть за несомнѣнное признаваемо, что Господь посылаетъ несчастія на людей именно за ихъ нечестіе (7—11). Посему лучшее средство пріобрѣсти миръ и возвратить счастливую жизнь—измѣнить свое поведеніе: тогда самъ собою уничтожится поводъ къ страданію и наступитъ благоденствіе (12—20).

Иовъ оскорбляется тѣмъ, что его друзья себѣ однимъ приписываютъ мудрость и никакъ не могутъ согласиться съ его мнѣніемъ, что въ жизни не всегда счастье слѣдуетъ за добродѣтелью (12, 1—5). Онъ обращаетъ вниманіе друзей на то, что жизнь всѣхъ тварей и судьба людей находится въ рукахъ Божіихъ (6—11), и что сама старцы, опытомъ которыхъ друзья подтверждаютъ свою мысль, сложили пѣснь, въ которой выражаютъ про-

мыслительное дѣйствіе Бога въ судьбѣ вѣхъ людей, и сильныхъ, и знатныхъ, и мудрыхъ (12—25). Все это знаетъ Іовъ не хуже друзей своихъ и готовъ, если будетъ то нужно, высказать это и предъ Богомъ; но онъ удивляется, зачѣмъ они такъ самоувѣренно защищаютъ свою несправедливую мысль (13, 1—12), и просятъ ихъ выслушать внимательно, потому что не напрасно же онъ рѣшается подвергнуть себя самому строгому суду и призываетъ при ихъ свидѣтельствѣ на судъ самого Господа (13—19). Обращаясь за тѣмъ къ Господу, Іовъ молится, чтобы Онъ удостоилъ его отвѣта, почему онъ такъ страждетъ (20—28), и вообще заслуживаетъ ли человѣкъ, по своему ничтожеству и кратковременности, того, чтобъ подвергаться такимъ наказаніямъ (14, 1—6). Если даже человѣкъ и подобенъ дереву, которое, будучи посѣчено, пускаетъ новыя отрасли изъ корня,—если человѣкъ и можетъ надѣяться, что онъ нѣкогда опять воскреснетъ (7—12): то такой надежды все же недостаточно для подкрѣпленія его въ страданіи, и онъ проситъ, чтобы оно было скорѣе преобразовано, потому что самыя крѣпкіе камни отъ долговременнаго дѣйствія на нихъ воды распадаются: то же бываетъ и съ человѣческимъ терпѣніемъ (13—22).

Примеч. Изъ обзорнія всѣхъ сказанныхъ доселѣ рѣчей открывается, что Іовъ, признавая грѣховность человѣка и зависимость его счастья или несчастія отъ Промысла Божія, на основаніи собственного опыта утверждаетъ, что судьба человѣка не всегда можетъ быть объясняема нравственнымъ его поведеніемъ, а зависитъ и отъ другихъ тайныхъ, впрочемъ, опредѣленій Божіихъ: это побуждаетъ его не только просить у Бога облегченія своихъ страданій, но и вопрошать Его о причинѣ ихъ: между тѣмъ друзья Іова, выходя изъ той же мысли о грѣховности человѣка, не идутъ далѣе строгаго соотвѣтствія между земнымъ счастіемъ человѣка и его добродѣтью: они видятъ въ каждомъ несчастіи наказаніе за грѣхъ, и при недостаткѣ явныхъ грѣховъ готовы заподозрить Іова въ тайныхъ.

Второй рядъ рѣчей.

Вторая рѣчь Елифаза (гл. 15).

Во второй рѣчи своей Елифазъ съ новой настойчивостью опровергаетъ оправданія Іова и признаетъ слова его неоснова-

тельными и даже противными Богу, предполагая, что Іовъ считаетъ самую молитву излишнею (15, 1—4). Онъ хочетъ обличить Іова его собственными словами въ лицемѣрїи и гордости, такъ какъ Іовъ приписываетъ себѣ мудрость и опытность старцевъ (5—12), и, забывая о томъ, что предъ Богомъ никто не можетъ считаться чистымъ, считаетъ себя праведнымъ (13—16). Но Елифазъ противопоставляетъ свидѣтельствамъ Іова древнюю пѣснь предковъ, отличавшихся и долготѣіемъ и опытностью, и утверждавшихъ, что жизнь нечестиваго подвержена постоянному страху и кончина его ужасна, именно вслѣдствіе превознесенія его предъ Богомъ (17—35).

Вторая отвѣтная рѣчь Іова Елифазу (гл. 16 и 17).

Какъ Елифазъ раздражался тѣмъ, что Іовъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ въ своихъ страданіяхъ, такъ въ свою очередь Іовъ съ негодованіемъ отвергаетъ ни на чемъ не основанныя подозрѣнія друзей своихъ и доказываетъ, что они не понимаютъ его оправданій, потому что не понимаютъ и не испытали его страданій (16, 1—5). Теперь, описывая свои страданія, Іовъ считаетъ причиною ихъ Господа (6—16), но вивы за собою никакой не видитъ и призываетъ во свидѣтели своей невпниности землю, въ которую онъ скоро долженъ возвратиться, и Бога, который все вѣдаетъ (17—21). Чувствуя уже приближеніе смерти и не въ силахъ будучи разубѣдить своихъ друзей въ ихъ подозрѣніяхъ, Іовъ проситъ Господа сдѣлать это (16, 22; 17, 1—5, по русск. перев.) и, обращаясь къ друзьямъ съ новымъ подтвержденіемъ своей невивности, говоритъ имъ, что они не правы и что смерть его близка (6—16, по русск. перев.).

Вторая рѣчь Валдада (гл. 18).

Упрекъ Іова, высказанный имъ такъ смѣло друзьямъ за ихъ неосновательныя рѣчи, возмущаетъ одного изъ нихъ, Валдада, и

онъ съ ожесточеніемъ снова нападаетъ на Іова, принимая собственное объявленіе Іова о приближеніи смерти за лучшее доказательство его нечестія: такъ какъ самый порядокъ вселенной уже таковъ, что нечестивый, разъ подвергшись несчастіямъ, не освобождается отъ нихъ, но заканчиваетъ рядъ ихъ смертію (18, 1—21).

Вторая отвѣтная рѣчь Іова Валдаду (гл. 19).

Не смотря на укоры друзей, Іовъ не теряетъ надежды на улучшеніе своего положенія, не отчаявается въ своемъ спасеніи и, такъ какъ силы его совершенно истощились, то онъ ожидаетъ себѣ возданія въ жизни будущей. Будучи увѣренъ, что онъ страдаетъ невинно и что его страданія происходятъ отъ Бога, Іовъ прямо называетъ слова друзей своихъ клеветою (19, 1—4), прибавляя при этомъ, что если бы даже онъ дѣйствительно былъ виновенъ, то имъ всетаки не слѣдовало нападать на него. Тѣмъ болѣе друзья погрѣшаютъ противъ дружбы и противъ справедливости, что виновность Іова не доказана и они считаютъ его грѣшнымъ только по подозрѣнію. Между тѣмъ болѣзнь Іова происходитъ единственно отъ Бога (5.6). Напрасно онъ взываетъ къ Господу, напрасно требуетъ себѣ отъ Бога отвѣта и оправданія: Господь не отвѣчаетъ и посылаетъ на него, будто на врага своего, страданіе за страданіемъ (7—12). Іовъ не находитъ утѣшенія ни у друзей, ни у домашнихъ, ни у родныхъ: всё оставили его, какъ бы желая этими внутренними огорченіями усилить тяжесть страданій тѣлесныхъ (13—20). Въ такомъ состояніи Іовъ собираетъ послѣднія силы, усиливается еще разъ доказать друзьямъ свою невинность и склонить ихъ къ жалости (21, 22), но, не видя въ нихъ расположенія къ тому, выражаетъ желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ потомству были переданы страданія его (23, 24). Отъ этого желанія, которое было бы предсмертнымъ завѣщаніемъ умирающаго, Іовъ возносится свѣтлою надеждою къ міру загроб-

вому, и тамъ не только провидитъ оправданіе свое отъ самаго Бога-Искупителя, но и предчувствуетъ воскресеніе той самой плоти, которая здѣсь такъ страдаетъ (25—27) *). Тогда по мнѣнію Іова, и друзья сознають свою несправедливость по отношенію къ нему (28, 29).

Вторая и послѣдняя рѣчь Софара (гл. 20).

Рѣчь Іова раздражила Софара, и онъ не можетъ долѣе молчать (20, 1—3). Какъ и въ первый разъ, Софаръ доказываетъ, что за нечестіемъ необходимо слѣдуетъ гибель (4, 5), и что какъ бы велико ни было счастье грѣшника, оно проходитъ какъ сонъ (6—11); то, что теперь улаживаетъ жизнь почестиваго, напр. богатство, — то обратится для него въ отраву (12—18). За обиды и притѣсненія бѣднѣхъ его постигаетъ несчастіе (19—23). Оно неизбежно и страшно (24—29).

*) Это самое замѣчательное мѣсто въ цѣлой книгѣ Іова. Чтобы лучше понять заключающуюся въ немъ мысль, прочитаемъ его въ русскомъ переводѣ: „Я знаю, Искупитель мой живъ, и Онъ авится наконецъ надъ землею. Пусть эта кожа распадется на части; отрѣшившись отъ плоти моея, я увижу Бога; я увижу Его—я самъ; мои глаза увидятъ его, не глаза другого; оставя сердце мое чаюиємъ въ груди моея“ (перев. архим. Макарія). Іовъ какъ бы такъ говоритъ: послѣ того, какъ истѣбъ кожа моя, когда разрушится въ землѣ все тѣло мое, я увижу Господа; воскреснетъ тѣло мое дѣйствіемъ Всемогущаго. Онъ—Искупитель присносущный, когда придетъ судить человѣчество, воскреситъ и меня: Онъ оправдаетъ меня и докажетъ мою невинность.—Воскресеніе мертвыхъ—эта высокая истина, недоумѣваемая міру языческому и смутно сознаваемая міромъ подзаконнымъ,—и вѣра въ Искупителя, утѣшительное чаиіе всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ,—съ положительною ясностью были признаны и торжественно исповѣданы многострадальнымъ Іовомъ. Не о земномъ восстановленіи своего здоровья и не о земной жизни говоритъ здѣсь Іовъ: онъ такъ недавно выразилъ полную увѣренность въ приближеніи своей смерти. Почти всѣ Отцы церкви понимали это мѣсто о будущемъ воскресеніи; если же Припей и Аѣянагоръ не приводили сего мѣста въ числѣ доказательствъ воскресенія мертвыхъ и если св. Златоустъ учитъ, что Іовъ не сознавалъ воскр. сенія: то, конечно, потому что эта свѣтлая мысль у Іова закрывается изображеніемъ безнадежнаго состоянія земной участи его (Ср. 16. 18; 17. 2).

Вторая отвѣтная рѣчь Іова Софару (гл. 21).

Іовъ не ищетъ уже утѣшенія отъ своихъ друзей; онъ хочетъ только, чтобъ они молчали и позволили ему до конца высказать свои жалобы на страданія (21, 1—6). Напрасно они указываютъ на примѣръ нечестивыхъ, наказываемыхъ послѣ кратковременнаго счастья: есть больше примѣровъ такихъ, что нечестивые живутъ и умираютъ въ полномъ счастьи (7—13). Провидѣніе они отвергаютъ (14, 15); внезапная смерть ихъ не пугаетъ (16—18, по русск. пер.), несчастная участь потомства не беспокоитъ ихъ (19—21, русск. п.). Кто же послѣ этого можетъ указывать Богу порядокъ въ распредѣленіи между людьми счастья и несчастія (22)? У Бога и нечестивый и праведникъ умираютъ одинаковою смертью (23—26). Только друзья Іова думаютъ, что нечестивые должны непременно погибнуть (27, 28). Опытъ говорить, что злодѣи какъ живутъ счастливо, такъ и умираютъ спокойно (29—33). И потому, заключаетъ Іовъ, разсужденія ихъ не имѣютъ никакой основательности (34).

Примѣч. Въ этомъ отдѣлѣ рѣчей, друзья Іова, отъ неопредѣленныхъ подозрѣній и обвиненій Іова въ тайныхъ грѣхахъ, переходятъ къ опредѣленнымъ обличеніямъ въ лицемеріи и гордости и, держась своей прежней мысли о неизбѣжности наказанія за нечестіе, грозятъ Іову страшною гибелью. Въ свою очередь, Іовъ съ большею и большею силою высказываетъ увѣренность въ своей невинности и свое убѣжденіе въ ложности мысли своихъ друзей, относя счастье и несчастіе человѣка на землѣ не къ нравственности его, а къ неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла.

Третьй рядъ рѣчей.

Третья рѣчь Елифаза (гл. 22).

Въ послѣдній разъ выступаетъ Елифазъ съ обличеніемъ противъ Іова и старается доказать Іову, что такъ какъ отъ добро-

дѣтели человѣка Богу нѣтъ никакой пользы, то слѣдовательно, на наказаніи Божіи нужно смотрѣть, какъ на дѣйствія безпристрастнаго суда Божія (22, 1—4), и что въ этомъ случаѣ грѣхомъ должно считаться и то, когда человѣкъ имѣетъ возможность дѣлать добро ближнему, и не дѣлаетъ (5—9). За такіе именно грѣхи и наказывается Іовъ (10.11). Напрасно онъ успокоиваетъ себя тою мыслию, что Богъ по своему величію не считаетъ какъ бы нужнымъ входить въ разбирательство мелочей міра поднебеснаго (12—14): онъ такимъ образомъ подражаетъ древнимъ нечестивцамъ, которые точно также думали о Богѣ и погибли внезапно смертью отъ воды и огня *) (15—20). И потому Іовъ долженъ обратиться къ Богу съ покорностью и раскаяніемъ, и тогда Господь возвратитъ къ нему свое благоволеніе и наградитъ его счастіемъ (21—30).

Третья отвѣтная рѣчь Іова Елифазу (гл. 25 и 24).

Изъ бесѣдъ своихъ друзей Іовъ увидѣлъ, что они оправданія его считаютъ самохвальствомъ, а жалобы — богохульствомъ, и потому смягчаетъ свою рѣчь, и чистоту своихъ убѣжденій доказываетъ готовностью повергнуть ихъ на судъ самого Бога (23, 1—7); но онъ не можетъ найти Его (8.9). Впрочемъ, Іовъ чувствуетъ Его всевѣдѣвіе и вседѣйствующее присутствіе и признаетъ неизмѣняемость Его суда по отношенію къ нему (10—13); это, между прочимъ, и служитъ причиною того, что Іовъ испытываетъ необыкновенный страхъ и трепетъ (14—17). Ничего подобнаго не бываетъ съ нечестивыми: грабежъ и вассиліе для нихъ привычны, какъ для животнаго выходъ на паству; самыя несправедливыя ихъ дѣла остаются ненаказанными (24, 1—12); иные еще, какъ

*) Въ этихъ стихахъ можно видѣть указаніе на потопъ и на гибель Содома.

бы въ доказательство темпоты своихъ дѣлъ, скрываютъ ихъ подъ мракомъ ночи (13—17); на всѣхъ ихъ, какъ и на притѣснителей, должно бы пасть тяжелое проклетіе и несчастіе (18—24). Но такъ ли бываетъ? Іовъ, поэтому, убѣжденъ, вопреки мнѣнію друзей, что слова его о несоотвѣтствіи счастья добродѣтели справедливы (25).

Третья рѣчь Валдада (гл. 25).

Въ короткой рѣчи своей къ Іову Валдадъ уже не развиваетъ своихъ прежнихъ мыслей; онъ только считаетъ безумнымъ нахѣреніе Іова судиться предъ Богомъ и доказываетъ это величіемъ и чистотою Божіей, въ сравненіи съ которыми человѣкъ ничтожное насѣкомое (25, 1—6).

Третья отвѣтная рѣчь Іова Валдаду (гл. 26).

Іовъ признаетъ бесполезность доказательствъ Валдада (26, 1—4) и представляя болѣе величественное изображеніе Божія всемогущества и всевѣдѣнія, заключаетъ, что самыя удивительныя явленія міра физическаго суть только слабое отраженіе Его величія (5—14).

Примѣч. Рѣчью Валдада заканчивается третій рядъ рѣчей. Валдадъ говоритъ уже очень мало. Софаръ, которому слѣдовало говорить, со всѣмъ не вступаетъ въ разговоръ. Это, впрочемъ, не значило, что друзья Іова признали невинность Іова и отказались отъ своихъ мыслей. Они увидѣли только непреклонность Іова и, кажется, считали бесполезнымъ далѣе продолжать свою бесѣду съ нимъ, или лучше, не находили уже словъ для состязанія съ Іовомъ (32. 3). По внутреннему содержанію этотъ рядъ рѣчей составляетъ продолженіе предшествующихъ. Друзья еще положительнѣе обвиняютъ Іова въ опредѣленныхъ грѣхахъ. Іовъ еще настойчивѣе доказываетъ свою невинность го-

товностью явиться на судъ всевѣдущаго и правосуднаго Бога.

Рѣчи Іова ко всѣмъ друзьямъ.

Первая рѣчь (гл. 27.28). Когда друзья Іова замолчали, Іовъ сталъ возвышать свою рѣчь и сталъ клясться предъ друзьями, что называя себя невиннымъ, онъ говорилъ сущую правду, тогда какъ они неправы, подозрѣвая его въ тайныхъ грѣхахъ (27, 1—7). Они могутъ убѣдиться въ этомъ и изъ того, что онъ обращается къ Богу съ молитвой и отъ Него ждетъ себѣ облегченія, чего, конечно, не сдѣлалъ бы тайный преступникъ (8—12). Іовъ согласенъ съ друзьями *), что жребій нечестиваго несчастенъ, что какъ его семейству, такъ и его имуществу, и наконецъ ему самому угрожаетъ гибель (13—23); но онъ убѣжденъ, что судьбы людей представляютъ много недовѣдомаго. Человѣкъ достигъ искусства открывать въ тайникахъ и глубинахъ земли металлы и драгоценныя камни, что недоступно ни зоркому взгляду орла, ни отважной силѣ льва (28, 1—8). Но открывая сокровища въ основаніяхъ горъ и въ глубинахъ водъ, онъ не можетъ обрѣсти тамъ премудрости, которая драгоценнѣе всѣхъ сокровищъ (9—19). Отъ всѣхъ и отъ всего она сокрыта; ова есть принадлежность Бога, и человѣкъ можетъ достигнуть ея благочестіемъ и удаленіемъ отъ зла **) (20—28).

*) Съ 13 ст. и до конца этой главы рѣчь Іова заключаетъ мысли совершенно несходныя съ прежними его мыслями. Какъ по содержанию, такъ и по выраженію, это скорѣе мысли Софара, чѣмъ его (Ср. 27, 13—20, ²⁹ и всю главу). Поэтому некоторые толкователи думаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь Софара до конца 28-й гл.; этой рѣчи у Софара по нынѣшнему тексту недостаетъ. Но такое мнѣніе ни начѣмъ не основано. Іовъ могъ самъ привести въ своей рѣчи слова своихъ друзей; мысли же выраженныя въ 28 гл., составляютъ лучшее доказательство несповѣдливости промысла Божія въ судьбахъ человѣка, которую постоянно исповѣдовалъ Іовъ.

**) На языкѣ свящ. писателей очень часто праведные называются премудрыми, а нечестивые безумными. Въ самомъ дѣлѣ, высшая мудрость дол-

Вторая рѣчь (гл. 29—31). Не слыша отъ друзей отвѣта на свою рѣчь, Іовъ продолжаетъ снова говорить въ свою защиту. Онъ воспоминаетъ о своемъ прежнемъ счастливомъ состояніи и рисуеъ его съ большою подробностью. Прежде онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ (29, 1—5), и онъ былъ счастливъ въ кругу своего семейства, былъ уважаемъ всѣми, подобно князю (6—10), потому что не оставлялъ безъ помощи ни одного несчастнаго и старался замѣнить имъ ихъ недостатки (11—17). При такомъ поведеніи онъ надѣялся продолжительной и счастливой старости (18—20), онъ съ такою увѣренностью смотрѣлъ на оказываемый ему почетъ и вниманіе (21—23). Между тѣмъ теперь онъ сдѣлался посмѣшищемъ самыхъ низкихъ людей (30, 1—14), и надежда его на Бога измѣнила ему (15—22): съ нимъ случилось совершенно противное тому, чего слѣдовало ожидать (23—31). Стараясь доказать своимъ друзьямъ, что онъ не заслуживаетъ такихъ страданій, Іовъ представляетъ, что не только дѣла мплости и внѣшнее благочестіе украшали его, но что и внутренно онъ былъ человѣкъ добродѣтельный (31, 1—4): лукавство было чуждо ему (5—8), нечистая любовь къ чужой женѣ не оскверняла его помысловъ (9—12); на подчиненныхъ смотрѣлъ, какъ на подобныхъ себѣ созданій (13—15). Оказывая помощь нищимъ и бѣднымъ, Іовъ никогда не приходилъ къ той мысли, что онъ лицо сильное и могущее обижать другихъ (16—23); онъ не надѣялся на свое богатство (24, 25¹), не предавался тайному нечестію (26, 28), не радовался несчастію враговъ (29, 30); домъ его былъ открытъ для всѣхъ странниковъ (30, 32); онъ счи-

зна состоятъ въ умѣннѣ жить сообразно съ своимъ назначеніемъ, безъ урона своихъ достоинствъ. Но ничто такъ не возвышаетъ достоинствъ человѣка, ничто болѣе не сообразно съ его назначеніемъ, какъ жизнь благочестивая. Когда человѣкъ подчиняется злу, работаетъ своимъ страстямъ, тогда онъ неразумное животное, теряющее и смыслъ и волю.

таетъ себя столь безупречнымъ, что смѣло можетъ явиться на судъ Вседержителя (33—37), и не опасается подпасть проклятію, которое постигло пѣворда Адама за его грѣхъ (38—40). Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ и свойствахъ Іова мы видимъ не только праведность ветхозавѣтнаго праведника, но и высокія добродѣтели, которыя служатъ лучшимъ украшеніемъ новозавѣтныхъ мужей.

Примѣч. Въ этихъ рѣчахъ, и особенно послѣдней, мы имѣемъ прекрасное сокращеніе всей жизни Іова, сдѣланное имъ самимъ. Мы видимъ его, какъ отца семейства, какъ судію и князя; узнаемъ его поведеніе съ равными и подчиненными, съ несчастными,—его открытыя дѣйствія и самыя тайныя побужденія. Предъ нами представляется весь кругъ его жизни: его счастье въ прошедшемъ, его несчастіе въ настоящемъ и его чаянія въ будущемъ. Здѣсь весь Іовъ. И этимъ изображеніемъ приличіе всего было окончить Іову свою защиту отъ друзей и доказательства своей невинности. Замѣткою, именно, объ окончаніи словъ Іова (въ слав. и *умолча Іовъ словеса*, 32. 1.) заключается эта рѣчь и часть книги Іова.

Рѣчи Еліуса (гл. 32—37).

Мѣсто этихъ рѣчей въ составъ книги.

Послѣ того, какъ Іовъ и друзья его прекратили свои собѣдованія, неожиданно выступаетъ новый, нигдѣ не поименованный доселѣ, собесѣдникъ, Еліусъ, который въ своихъ рѣчахъ въ Іову почти повторяетъ упреки, сдѣланные ему друзьями, и отчасти предупреждаетъ содержаніе слѣдующихъ за ними бесѣдъ Господа. Такое неожиданное появленіе Еліуса и содержаніе его рѣчей даютъ поводъ нѣкоторымъ толкователямъ считать рѣчи Еліуса неподлинными, или вставкой позднѣйшаго происхожденія, именно на слѣдующихъ основаніяхъ. Объ Еліусѣ ничего не говорится ни въ

пачалѣ книги, ни въ послѣдствіи. Рѣчи Еліуса ничего новаго не заключаютъ въ себѣ, и не пахотятся въ связи ни съ предыдущими рѣчами друзей, ни съ послѣдующими—Господа; онѣ даже ослабляютъ впечатлѣніе, производимое сими послѣдними. Если мы пропустимъ ихъ, то въ чтеніи книги Іова не замѣтимъ никакого перерыва или пропуска. Іовъ ему не отвѣчаетъ. Рѣчи Еліуса прерываются явленіемъ и рѣчами Господа. Языкъ рѣчей Еліуса отличенъ отъ языка рѣчей Іова и друзей. Цѣльность и внутреннее единство книги, какъ поэтическаго сочиненія, также заставляютъ видѣть въ рѣчахъ Еліуса вставку. Но все эти предположенія вытекаютъ изъ ложнаго взгляда на книгу Іова, какъ на поэму. Признавая историческое достоинство книги, мы можемъ найти болѣе простыя и естественныя объясненія странной повидимому вставки рѣчей Еліуса. Еліусъ былъ младшій изъ числа бесѣдующихъ съ Іовомъ и, какъ онъ самъ объясняетъ, молчалъ, потому что считалъ себя не въ правѣ говорить, когда говорили старшіе. Какъ младшій, онъ можетъ быть не былъ и другомъ Іова, и потому не упомянуть прежде и послѣ въ числѣ друзей. Догадываются, что онъ какъ ближайшій къ дому Іова *), находился при немъ неотлучно, и можетъ быть, даже написалъ эту книгу, а потому и не упомянулъ о себѣ ни въ предисловіи, ни въ послѣсловіи книги. И языкъ Еліуса нельзя считать языкомъ другого времени: та же жесткость выраженій, тѣ же обороты, то сильныя и одушевленные, то распыляющіеся и мопотопны, какъ и въ другихъ рѣчахъ. Что касается молчанія Іова на слова Еліуса и прерванія рѣчи его явленіемъ Господа: то Іовъ уже достаточно

*) Еліусъ былъ сынъ Варахіла, потомокъ Вуза, изъ племени Гама (послав. отъ ужичества Арамска). Вузъ (слав. Вавксъ), второй сынъ Нахора, братъ Авраамова. Рамъ же, или Арамъ (по слав. Сиръ) племянникъ Вуза отъ брата его Кемуила (Быт. 22, 21). Есть мнѣніе, что Іовъ также происходилъ отъ Нахора.

высказалъ и доказалъ свою невинность. При томъ же Іовъ долженъ былъ сознать, хотя отчасти, справедливость упрека Еліуса въ томъ, что онъ дерзновенно требовалъ суда Всевышняго. Господь дѣлаетъ Іову тотъ же упрекъ. Рѣчи Еліуса обвиняютъ Іова только за эту дерзость, а не высказываютъ подозрѣній противъ невинности Іова, какъ это сдѣлали друзья его. И такъ, Еліусъ явился посредникомъ между Іовомъ и друзьями. Упрекая Іова въ дерзкомъ требованіи себѣ суда отъ Господа, онъ заставляетъ Іова молчать; съ другой стороны, обвиняя друзей за ихъ неправильныя подозрѣнія въ тайныхъ преступленіяхъ, Еліусъ еще яснѣе доказываетъ имъ невинность страдальца. Поэтому рѣчь Еліуса не только не можетъ считаться лишнею и неумѣстною, но оказывается даже необходимою для полноты и стройности цѣлой книги.

Первая рѣчь Еліуса (гл. 32 и 33).

Еліусъ доселѣ молчалъ, какъ младшій возрастомъ. Онъ думалъ, что друзья Іова и самъ Іовъ, какъ старѣйшіе его, гораздо опытнѣе въ пониманіи судебъ Божіихъ и въ опредѣленіи ихъ значенія, и слѣдуя обычаю своего времени, запрещавшему младшимъ говорить прежде старшихъ и при старшихъ, онъ только вслушивался въ ихъ рѣчь. Но когда онъ увидѣлъ, что друзья Іова, считая Іова преступникомъ, не могли доказать своихъ обвиненій, то воспыпалъ гнѣвомъ на нихъ и на Іова, и вопреки обычаю рѣшился говорить (32, 1—5). Высказавъ причины, удерживавшія его доселѣ отъ слова, и побужденія вступить въ разговоръ, и общая говорить безъ лицемѣрія и страха (32, 6—22), Еліусъ обращается къ Іову и проситъ слушать его внимательно, а что найдетъ неправильнымъ, опровергать, потому что онъ вполнѣ сознаетъ ограниченность человѣка (33, 1—7). На основаніи собственныхъ словъ Іова, признававшего себя невинно страдающимъ

отъ Бога (8—11—13, 23—27). Еліусъ считаетъ Іова неправымъ противъ Бога, который въ управленіи судьбами міра не даетъ никому отчета (12.13); но обращается съ человѣкомъ такъ, что никто не можетъ пожаловаться на несправедливость Его суда. Когда Онъ видитъ наклонность человѣка къ паденію, то вразумляетъ его сновидѣніями (14—18) или болѣзнями (19—22), то снова милуетъ и награждаетъ его, когда онъ исправляется (23—30). Еліусъ вызываетъ Іова на возраженіе, но не получая отвѣта, снова приглашаетъ его къ вниманію (31—33).

Вторая рѣчь Еліуса (гл. 34).

Въ томъ убѣжденіи, что Іовъ не можетъ возражать противъ истины словъ его, Еліусъ рѣшается подробно разобрать слова Іова, что Господь безъ суда наказываетъ его (34, 1—9—ст. 5—13, 18; 19, 7; 27, 2; 6, 4), и доказываетъ, что подобное разсужденіе о Богѣ несообразно съ нашими понятіями о Немъ, какъ всемогущемъ Промыслителѣ міра (10—12). Если бы Господь поступалъ пристрастно или несправедливо, то, конечно, въ дѣлахъ міра не было бы такого порядка, и Онъ не удерживалъ бы отъ зла нарушителей правды (13—20). Его всевѣдѣніе и могущество, наконецъ, Его милосердіе къ обиженнымъ побуждаютъ Его быть правосуднымъ (21—30). И потому человѣкъ долженъ быть покоренъ волѣ Божіей (31—33). Еліусъ совѣтуетъ обратить вниманіе на образъ мыслей Іова, чтобы исправить его (34—37).

Третья рѣчь Еліуса (гл. 35).

Молчаніе Іова даетъ Еліусу поводъ еще разъ повторить свой упрекъ Іову въ томъ, что онъ несправедливо считаетъ себя повиннымъ (35,1—4). Богъ безконечно выше человѣка; неправды людскія не достигаютъ Его; онѣ вредны только людямъ (5—8). Но отсюда нельзя заключать, будто Богъ не видитъ обидъ и не слы-

пить жалобъ, потому что Онъ только до времени медлитъ судомъ на неправду (9—15). И такъ, Іовъ напрасно утверждалъ противное (16). См. гл. 21.

Четвертая рѣчь Еліуса (гл. 36 и 37).

Не получивъ и въ этотъ разъ отвѣта отъ Іова, Еліусъ дѣлаетъ новыя усилія доказать свою мысль о правосудіи Божіемъ, открывающемся въ дѣлахъ міра (36, 1—4). Онъ утверждаетъ, что Господь не только не наказываетъ несправедно, но и не остается равнодушнымъ къ добродѣтели праведника (5—7). Страданія Онъ посылаетъ имъ, какъ очищеніе отъ грѣховъ; если они исправятся, Онъ ихъ наградитъ (8—11). Напротивъ, нераскаянность и лицемеріе строго осудитъ (12—15). Такимъ образомъ, Іовъ будетъ спасенъ какъ праведникъ, если только онъ праведенъ (16.17); но если только нечестивъ, то ничто не спасетъ его отъ наказанія (18—21). Что это такъ, что отъ суда Божія нельзя спастись, для этого стоитъ Іову только обратить вниманіе на величіе дѣлъ Божіихъ (22—26). Всѣ явленія природы служатъ доказательствомъ попеченія Божія о людяхъ и правдиваго распредѣленія между людьми его милостей и казней. Капли дождя и удары молніи (27—33), раскаты грома и дѣйствія грозы дѣлаются въ рукахъ Его то жезломъ наказанія, то орудіемъ милости (37, 1—13). Такъ какъ человекъ не можетъ объяснить причинъ этихъ чудесныхъ явленій и еще менѣе можетъ воспроизвести чтонибудь подобное, то долженъ отказаться отъ желанія судиться съ Богомъ и въ вѣномъ благоговѣніи превлониться предъ Его волею (14—24).

РѢЧИ ГОСПОДА.

Первая рѣчь Господа съ отвѣтомъ на нее Іова (гл. 38 и 39).

Уже во время послѣдней бесѣды Еліуса небо покрылось тучами и начались раскаты грома, подавшіе Еліусу поводъ говорить о величій и могуществѣ Божіихъ въ грозѣ и бурѣ. Вслѣдъ за симъ

изъ буря послышались слова самого Геговы. Господь является, впрочемъ не для того, чтобъ объяснить Гову и его друзьямъ пути своего Промысла въ судьбѣ человѣка и не для того, чтобы рѣшить занимающій друзей Гова вопросъ о счастіи и несчастіи людей; но чтобъ показать Гову и друзьямъ его невозможность для человѣка рѣшать подобныя вопросы и проникать въ тайны путей Господнихъ. Господь обращается къ Гову, который дерзновенно думалъ рѣшить эти вопросы, и, призывая его ко вниманію, предлагаетъ ему вопросы изъ области природы, желая, невозможностью рѣшить обыкновенное въ мірѣ физическомъ, показать на гораздо большую невозможность рѣшить вопросы изъ области міра нравственнаго (38, 1—3). И прежде всего Господь спрашиваетъ Гова о происхожденіи и первоначальномъ состояніи земли, и какъ бы хочетъ показать Гову, какъ ограниченны познавательныя силы человѣка и какъ много недовѣдомаго ему есть и въ окружающемъ его мірѣ, если онъ не можетъ рѣшить и этого одного вопроса (4—6). Между тѣмъ Богъ сотворилъ землю съ такою легкостью, какъ человѣкъ строить самое обыкновенное зданіе,—и твореніе земли въ рукахъ Божіихъ было такъ величественно, такъ славно, что сыны Божіи восхваляли Бога гласомъ великимъ (7). Столь же величественно открывается могущество и мудрость Творца въ огражденіи водъ бездны (8—11) и въ раздѣленіи свѣта и тьмы (12—15). Но эти бездны, эти предѣлы свѣта и тьмы вовсе недоступны человѣческому наблюденію (16—20). Его вѣдѣнію и власти не подлежатъ самыя обыкновенныя наземныя явленія—спѣльгъ, градъ дождь, иней (21—30), и тѣмъ менѣе могутъ зависѣть отъ него движенія созвѣздіи и всѣ метеорологическія перемѣны (31—38, по русск. перев.). Переходя за тѣмъ къ удивительнымъ явленіямъ міра, столь повидимому близкаго къ человѣку, къ чуднымъ истинетамъ животныхъ, Го подь указываетъ Гову, что только благодаря отеческой заботливости Его, хищные звѣри и птицы нахотятъ себѣ пищу (39—41); что, опять,

только Ему вѣдомы способы и времена размноженія дикихъ возъ и ланей (39, 1—4); и, указывая за тѣмъ на дикаго осла и буйвола, которые принадлежатъ къ породамъ находящимся въ услуженіи чело-вѣка, спрашиваетъ, почему эти животныя не хотятъ, подобно собра-тіямъ своимъ, работать челоуѣку, и почему челоуѣкъ не подчинить ихъ себѣ такъ точно, какъ подчинилъ породу обыкновенныхъ ословъ и воловъ (5—12). Если обратить вниманіе даже на самое глупое животное, страуса (слав. *Нееласса*), котораго жестокость и глу-пость обратилась въ пословицу (Плач. Іер. 4, 3 по русск.), то и въ его пренебреженіи къ своимъ ящамъ видна рука Промысла, и въ умѣни избѣгать грозящей опасности превосходство инстинкта надъ хитростью челоуѣка (13—18). Самый конь, это обыкновенное домашнее животное, заключаетъ въ себѣ много удивительнаго; до-статочно указать на то, какъ онъ вдругъ преобразается при звукѣ трубы военной и во время сраженія (19—25). Наконецъ, хищныя птицы, которыя сопровождаютъ войска, которыя питаются падалью, также обнаруживаютъ удивительные инстинкты (26—30). Такъ, въ обыкновенныхъ, въ постоянныхъ и близкихъ къ челоуѣку явленіяхъ міра физическаго, челоуѣкъ не можетъ указать причины ихъ, ни имѣть власти надъ ними. Что же сказать о мірѣ нравственномъ? Осмѣлится ли послѣ сего Іовъ вопрошать Господа? (31.32).

Отвѣтъ Іова. Іовъ, столь смѣло защищавшій свою невин-ность предъ друзьями, и такъ дерзновенно требовавшій суда Все-вышняго, нынѣ смиренно сознаетъ свое невѣдѣніе и свою дерзость: онъ полагаетъ свою рубу на уста и во второй разъ не смѣетъ говорить (33—35).

Вторая рѣчь Господа съ отвѣтомъ Іова (гл. — 42, 1—6).

Хотя Іовъ сознался въ своемъ невѣдѣніи, но Господь снова призываетъ его выслушать изображеніе силы и власти Божіей (40, 1—2). Чтобы Іовъ окончательно убѣдился въ безсиліи и ни-

чтожествомъ человѣка, Богъ предлагаетъ ему облечься во все свое величіе и сравнить себя съ какою нибудь земною тварью, дѣломъ рукъ Божіихъ (3—9). Для примѣра Онъ указываетъ на бегемота (или лучше слона), великана между четвероногими животными, который отличается и огромностью размѣровъ и крѣпостью членовъ и неустрашимостью своею, что однакожь не мѣшаетъ ему быть кроткимъ и дѣлаться добычею охотника (10—19). Совсѣмъ не таковъ по характеру другой великанъ водянаго царства—левіаѳанъ, или крокодилъ: онъ не можетъ сдѣлаться добычею рыболова (20—27) и въ борьбѣ страшенъ (41, 1,2). Устройство его пасти, крѣпость и плотность покрывающей его чешуи, сила мускуловъ, быстрота движеній—все соединено въ немъ, чтобы признать его безстрашнѣйшимъ животнымъ и царемъ водъ (3—25).

Отвѣтъ Іова. Этыхъ двухъ примѣровъ достаточно было Іову, чтобы признать свое ничтожество и Божіе величіе. Удостоенный счастья слышать и видѣть Господа, онъ смиряется предъ Нимъ и отрицается отъ своего прежняго намѣренія судиться предъ Господомъ (42, 1—6).

Примѣч. Разсматривая бесѣды Господа къ Іову, мы находимъ въ нихъ много вопросовъ, относящихся къ явленіямъ міра физическаго и животнаго и притомъ такихъ, которые при нынѣшнемъ состояніи развитія естественныхъ наукъ кажутся уже доступными человѣку и рѣшенными,—тогда какъ Господь предлагаетъ ихъ Іову, какъ неразрѣшимые. Но если бы даже это было такъ, то не нужно забывать, что рѣшеніе означенныхъ вопросовъ не отнимаетъ значенія у самыхъ явленій, на которыя указывалъ Господь, а для Іова, при тогдашнемъ состояніи естествознанія, это рѣшеніе было вовсе недоступно. Если же провѣрить и взвѣсить сдѣланныя нами рѣшенія, то они окажутся очень ограниченными и для большинства надолго недоступными. Вотъ напр. вопросъ о происхожденіи земли, съ котораго

началь свою рѣчь Іегова, не смотря на все попытки науки рѣшить его, останется всегда вопросомъ,—и все рѣшенія его, кроме откровеннаго въ св. Писаніи, будутъ принадлежать къ области гипотезъ. Или, вотъ человѣкъ гордится тѣмъ, что онъ своимъ умомъ и искусствомъ покоряетъ себѣ ведную стихію и наперекоръ вѣтрамъ бороздитъ поверхность морей. Но можетъ ли онъ такъ же свободно опускаться и въ бездны морскія или безопасно пре-небрегать ярость волнъ; такъ ли легко онъ останавливаетъ грозную стихію, какъ это дѣлаетъ Всемогущій? Что напр. удерживаетъ страшную силу волнъ, отъ которыхъ и огромные корабли разбиваются въ щепы и вѣчныя гранитныя скалы подмываются и сокрушаются?—Ничтожный песокъ, который такъ слабъ, такъ непроченъ, что уступаетъ давленію ноги человѣческой и возмечается къ облакамъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра. Самая сильная волна разсыпается въ малѣйшія брызги о песчаный берегъ; на немъ какъ бы начертаны слова Творца: «досель дойдеши и не преїдеши»,—и посрамленныя волны съ ропотомъ и покорностью возвращаются во чрево матери своей—бездны! Высокъ гений человѣка, разгадавшаго причины и объяснившаго способы образованія дождя и снѣга, инея и росы, открывшаго и страшную силу грозы; но все торжество человѣческой науки привело лишь къ тому, что человѣкъ имѣетъ возможность ближе наблюдать въ сихъ явленіяхъ премудрость, благодать и всемогущество Божіе,—но подчинить себѣ управленіе имъ, производить ихъ по своему произволу—онъ не можетъ. Еще менѣе, конечно, доступно власти человѣка управленіе движеніемъ свода небеснаго, который неизмѣнно въ роды родовъ вращается надъ головами людей и еженочно выводитъ предъ взоры ихъ прекрасныя созвѣздія. Сколько ни изучаетъ человѣкъ небо, оно навсегда останется для него только предметомъ наблюденія и величественною картиною всемогущества и мудрости Божіей! А животныя съ ихъ чудными инстинктами, сколько представляютъ они докзательствъ премудрой за-

ботливости Творца о своихъ тваряхъ! Человѣкъ едва только понимаетъ способность нѣкоторыхъ животныхъ находить себѣ пропитаніе, а для Господа это—дѣло постоянной заботы. Онъ указываетъ всѣмъ животнымъ пищу, тогда какъ человѣкъ, можетъ быть, и не придумалъ бы, чѣмъ прокормить ихъ. Человѣкъ можетъ докорить своей силѣ и своему искусству самыхъ дикихъ животныхъ, можетъ увротить ихъ, сдѣлать предметомъ любопытства многихъ; онъ можетъ побѣждать и слона, и крокодила, и Кита: но какъ далека эта дрессировка дикихъ животныхъ отъ прирученія свойственнаго животнымъ домашнимъ: какъ унизительна и опасна борьба человѣка съ чудовищами жвотнаго царства! Но въ то время, какъ человѣкъ истощаетъ свои усилія на покореніе разныхъ дикихъ животныхъ, домашніи животныи покорно несутъ для него службу свою,—какъ бы желая тѣмъ самимъ доказать человѣку, что они не человѣкомъ приручены, а по милости Творца покорены власти его (Пс 8, 7.).—Обращаясь къ значенію такихъ явленій для Іова, мы можемъ легко понять, что Іовъ теперь самъ увидѣлъ, сколько надобно могущества и премудрости для управленія міромъ физическимъ, для того, чтобъ удерживать въ порядкѣ и подчиненіи не только движеніе волнъ морскихъ или теченіе звѣздъ небесныхъ, но и произвольныи—повидному—дѣйствія животныхъ, при чемъ ничто не остается забытымъ, ничто не преступаетъ положенныхъ границъ. Сколько же больше требуется могущества, мудрости и всевѣдѣнія, чтобъ управлять міромъ нравственнымъ, въ которомъ свободный разгулъ страстей грѣшника и неукротимая жажда претупленія сталкивается съ кроткою и уступчивою волею добродѣтельнаго и стойкою терпѣливостью благочестія!—Въ своихъ рѣчахъ Господь не разрѣшаетъ вопроса, занимающаго друзей Іова,—да и нѣтъ надобности въ этомъ рѣшеніи, потому что пути Господни многи и стези Его различны: то, что въ одномъ случаѣ достаточно объясняетъ причины Его дѣйствій, то въ другихъ случаяхъ необъяснимо и для человѣка неудобопонятно: *яко не испытани судове Іово и не*

измѣдовани путіе Его (Римл. 11, 33). Іовъ, дѣйствительно, не требуетъ рѣшенія вопроса о томъ, почему онъ страдалъ, будучи невиненъ, — не хочетъ знать и того, отчего правосудный Богъ поступаетъ такъ жестоко съ людьми незаслужившими наказанія. Одно счастье слышать и видѣть Господа было лучшею и высшею наградою для чело-вѣка, такъ много пострадавшаго. За это счастье онъ готовъ былъ вновь страдать. Такъ одно присутствіе Божіе смиряетъ всякое дерзновеніе, взывающее на разумъ Божій!

Историческое значеніе книги (41, 7—17).

Послѣ рѣчей своихъ къ Іову, Господь обращается къ Ели-фазу и, подтвердивъ справедливость Іова и неправду его друзей, повелѣваетъ имъ просить посредничества Іова и принести обиль-ную жертву за оскорбленіе праведника *) (42, 78). Друзья Іова поспѣшили исполнить совѣтъ праведнаго, но всеблагаго и долго-терпѣливаго Господа, и Господь помиловалъ ихъ (8.9). Между тѣмъ Онъ не оставилъ безъ награды, еще здѣсь на землѣ, и испы-танную страданіями добродѣтель Іова, возвративъ ему сугубо потерян-ное по навѣтамъ діавола. Друзья и родственники Іова, оставившіе его въ несчастіи, посѣтили его теперь и душевно сожалѣли о перенесенномъ имъ несчастіи. Ихъ подарки по кеситѣ (въ слав. по агницѣ) и по зо-лотому кольцу (слав. по четыре драхмы) положили начало новому гораздо большому богатству Іова, а увеличеніе семейства другими семью сыновьями и тремя дочерьми, вмѣсто умершихъ, довершало радость старика страдальца, видѣвшаго въ этомъ усугубленіи се-мейства сугубое благословеніе Божіе. 140 (по слав. 170) лѣтъ

*) Господь гнѣвается на людей, которые даже не памѣренно оскорбили праведника; чего же ожидать тѣмъ, которые дерзаютъ роптать на самого Господа и оскорблять Его своими нечестивыми дѣлами? Въ повелѣніи Его обратиться къ ходатайству Іова мы видимъ, что часто даже искреннее раска-янiе и молитва грѣшника недостаточны для умилостивленія Бога: только мо-литва праведника много можетъ у Него.

жизни по язвѣ дали ему возможность видѣть своихъ потомковъ до четвертаго рода и повѣдать имъ величіе дѣлъ Божіихъ и неиспытанность путей Его въ судьбахъ человѣка (10—17).

Приписка къ концу книги.

Въ греческомъ и славянскомъ переводахъ въ концѣ книги Іова находится приписка, въ которой говорится о будущемъ воскресеніи Іова, вѣроятно, при концѣ міра. Потомъ приводится изъ сирскаго перевода замѣчаніе о родѣ, мѣстѣ жительства Іова и его друзей. Замѣчаніе основано на случайномъ сходствѣ имени Іова съ именемъ Іовава царя Едомскаго, о которомъ говорится въ кн. Бытія (36, 33), при чемъ названіе города Борцы, или Воссоры, въ которомъ царствовалъ Іовавъ, въ припискѣ принято за имя матери Іова. Сыну Іова дается имя Еянонъ. Іовъ считается такимъ образомъ пятымъ отъ Авраама и вторымъ царемъ Едома. Друзья Іова считаются царями и властителями.

ПСАЛТИРЬ.

Объясненіе названія книги.

Именемъ Псалтири называется находящаяся въ священномъ канонѣ Ветхаго Завета книга, состоящая изъ *ста пятидесяти* отдѣльныхъ священныхъ *пѣсней* или *псалмовъ*, „написанныхъ по вдохновенію Духа Святаго мѣрною рѣчью, свойственною еврейскому языку, и пѣтыхъ благозвучно съ разнообразіемъ въ голосѣ, съ различными музыкальными орудіями, съ ликованіемъ и припѣвами“ (Златоустъ). Самое же названіе *Псалтири* усвоено сборнику отъ особеннаго музыкальнаго инструмента (*ψαλτήριον*), игрою на ко-

торомъ сопровождалось пѣніе священныхъ пѣсней или псалмовъ. Въ переводѣ LXX Псалтирь называется обыкновенно *ψάλμοι* или *βιβλος ψαλμῶν* (Лук. 28, 42. 24, 14. Дѣян. 1, 20). Происходя отъ глагола *ψάλλειν*, означающаго *касаться пальцами струнъ* инструмента, слово *ψάλμος* означаетъ вообще *пѣснь* или *имнѣ*, богослужбное употребленіе которыхъ сопровождалось аккомпаниментомъ музыки. Еврейское названіе Псалтири *сеферъ тегилимъ* или какъ читаютъ нынѣшніе евреи, *тиллимъ*, въ русскому переводѣ Псалтири передаваемое словами—*книга хвалений*, указываетъ на то, что содержащіяся въ сборникѣ священные пѣсни назначаются въ славу и прославленіе Господа.

Писатели псалмовъ.

Нѣкоторые древніе раввины, многіе св. отцы церкви и два или три позднѣйшіе толковника всё вообще псалмы приписывали Давиду на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхозавѣтныхъ книгъ всё пѣснь псалмы называются *пѣснями Давида*. Такъ писатель 2-й книги Паралипоменонъ—Ездра описывая освященіе храма Соломонова, напримѣръ, говоритъ: „священницы стояху на стражахъ своихъ и левиты во органы поюху *пѣсни Господни, яже сотвори Давидъ царь въ похваленію Господа*“ (7, 6 сн. Неем. 12, 36). Но достаточно только указать на пс. 136, очевидно написанный уже послѣ разрушенія Иерусалима халдеями, чтобы видѣть нетвердость этого мнѣнія. Поэтому ученые мужи, св. Афанасій, бл. Иеронимъ, Феодоритъ, св. Иларій и всё почти богословы полагаютъ, что Давидъ написалъ только большее число псалмовъ, заключающихся въ Псалтири. Мнѣніе это подтверждается съ одной стороны свидѣтельствомъ 2-й книги Паралипоменонъ, гдѣ писателемъ псалмовъ, на ряду съ Давидомъ, поставляется и пророкъ Асафъ, (29, 30), а съ другой и самою Псалтирю, такъ какъ въ концѣ 71-го псалма замѣчается: *скомчашася пѣсни Давида, сына Иессеева*.

Изъ написаній же надъ псалмами ясно видно, что въ составленіи Псалтири, кромѣ Давида, участвовали: сыны Кореовы, Еманъ, Эоамъ (иначе Идиоумъ), Асафъ, Моисей, Соломонъ. Кромѣ того, по написаніямъ же въ нѣкоторыхъ рукописныхъ и печатныхъ изданіяхъ Псалтири, писателями псалмовъ признаются также пророки Іеремія, Іезекіиль, Аггей и Захарія.

По написаніямъ въ еврейскомъ текстѣ Библии, *Давиду* собственно принадлежать псалмы: отъ 3 до 40, исключая пс. 32, потомъ отъ 50 до 64, 67. 68. 69. 85. 100. 102. 107. 109. 121. 123, 130. 132, 137—144. По нѣкоторымъ рукописямъ Давиду приписываются также пс. 32. 65 и 66. Кромѣ того, по указанію 1-ой книги Паралипоменозъ (16, 23, срав. Пс. 95), Давиду же принадлежать ненаписанные псалмы 95 и 96. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (4, 25) цѣлымъ соборомъ апостоловъ Давиду приписывается пс. 2 (слѣдовательно и составлявшій съ нимъ одинъ и пс. 1.); по свидѣтельству же ап. Павла (Евр. 3, 7, сн. пс. 94, 7), Давиду принадлежать и пс. 94. Можно думать, что и многіе другіе ненаписанные псалмы принадлежать Давиду, такъ какъ по нѣкоторымъ рукописямъ Давидовыми надписываются также пс. 70 (=30). 71. 90. 92—94. 97. 98. 103—105), что видно и изъ вашей славянской Библии. Всего Давидовыхъ псалмовъ по написаніямъ въ слав. Библии 91. Такимъ образомъ „хотя всѣ псалмы извѣстны подъ именемъ Давидовыхъ, однако же въ написаніяхъ показывается, кому принадлежитъ какой либо псаломъ. Ибо Давидомъ избраны были четыре начальника пѣвцовъ и двѣтивосемьдесятъ восемь служащихъ имъ (1 Пар. 25, 7). Посему встрѣчаются псалмы сихъ четырехъ начальниковъ, какъ видно изъ написаній. Давидъ избралъ пѣвцовъ, и потому, какъ учредитель, сподобился той чести, что все изреченное и другими пѣвцами приписано Давиду“ (Афанасій В.).

Сыны Кореовы, т. е. помощки извѣстнаго по возмущенію противъ Моисея и Аарона, Корея, бывшіе служителями при скинїи и храмѣ, привратниками, хранителями священныхъ сосудовъ и пѣвцами—исполнителями чужихъ псалмовъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и сами вдохновляемы къ составленію псалмовъ (1 Пар. 9, 19. 26, 1. 2 Пар. 20, 19). Имъ принадлежать псалмы: 41. 43—48. 83. 84. 87. Этотъ послѣдній псаломъ написанъ *Еманомъ*, принадлежавшимъ къ роду корейтовъ. Къ потомству же Корея принадлежалъ и *Эамъ*, именемъ котораго надписывается пс. 88. Какъ Эамъ, такъ и Эоамъ славились между іудеями особенною мудростію и были сравниваемы въ оной съ Соломономъ (1 Пар. 2, 6. сн. 3 Цар. 4, 31).

Асафу, потомку Гирсонову, левиту (1 Пар. 6, 43), главному пѣвцу Давида (1 Пар. 16, 16, 5. 7. 37. 25, 1.) принадлежать псалмы 49. 72—82. Изъ числа этихъ псалмовъ нѣкоторые (пс. 73. 79. 77) по справедливости могли принадлежать времени позднѣйшему и можетъ быть кому-нибудь изъ потомковъ Асафа, возвратившихся изъ плѣна (1 Езд. 2, 41), такъ какъ въ нихъ говорится о разрушеніи храма и Іерусалима, объ отверженіи царства израильскаго.

Однѣ изъ псалмовъ (89) имѣеть писателемъ *Моисея*, въ которомъ св. Златоустъ видитъ впрочемъ не законодателя Моисея, а одного изъ начальниковъ хора. Одинъ также псаломъ (126) произошелъ отъ *Соломона*, въ которомъ бл. Феодоритъ видитъ однако Зоровавеля, ведшаго свой родъ отъ Соломона и возобновившаго Соломоново дѣло.

По надписанію въ нашемъ славянскомъ, а также греческомъ и латинскомъ переводахъ Псалтири пс. 111. 145, 147 и 148 произошли отъ Аггея и Захарїи, а пс. 136 отъ Іеремїи. Талмудисты сверхъ того 91 пс. приписываютъ Адаму, 109 Мелхиседеку. Писатели же 25-ти псалмовъ неизвѣстны.

Составъ Псалтири и раздѣленіе ея на части.

Съ древнихъ временъ изслѣдователи Псалтири употребляли всѣ способы отерты въ послѣдовательности составляющихъ ее псалмовъ сокровенный порядокъ. Такъ св. Иларій и Амвросій думали найти въ ней порядокъ приключеній Давида. Евсевій полагалъ, что псалмы расположены по порядку праздниковъ, совершавшихся въ іерусалимскомъ храмѣ на томъ основаніи, что всѣ „пѣсни степеней“, которыя по преданію іудеевъ пѣлись въ праздникъ кущей занимаютъ одно извѣстное мѣсто (ис. 119 до 133). Св. Златоустъ вообще замѣчаетъ только, что въ началѣ Псалтири находятся псалмы болѣе печальные, а въ концѣ болѣе торжественные. Бл. Августинъ, дѣлая замѣчаніе, что пс. 50-й говоритъ о покаяніи, пс. 100-й о милосердіи, а 150-й о прославленіи Господа, предполагаетъ, что первые 50 псалмовъ относятся къ призыванію Господа, другіе 50 къ оправданію предъ Богомъ, остальные 50 къ прославленію Бога и святыхъ. Но всѣ эти и подобныя попытки отерты какой нибудь порядокъ въ расположеніи псалмовъ не привели до сихъ поръ ни къ какому несомнѣнному выводу. Вѣроятно же всего, что книга псалмовъ составила не вдругъ, а постепенно, въ разныя времена уже послѣ плѣна вавилонскаго. Св. Афанасій В. говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Поелику въ іудейскомъ народѣ усилилось идолопоклонство, то оно привело у нихъ въ забвеніе отеческія писанія, такъ что въ неизвѣстности оставались и книги закона Моисеева и нимало не сохранилось у нихъ отеческаго благочестія. Въ послѣдствіи же времени *нѣкто изъ пророковъ*, возревновавшій объ ихъ синагогѣ, вмѣстѣ съ прочими книгами *собралъ и книгу псалмовъ*, отыскавъ ихъ не всѣ вдругъ, но въ разныя времена, и въ началѣ помѣстилъ тѣ псалмы, которые найдены прежде другихъ“. Такое постепенное собраніе псалмовъ въ одну книгу замѣчается въ раздѣленіи Псалтири, на какое дѣлили ее древніе евреи. По примѣру пято-

книжія Моисеева, раздѣленного на пять книгъ, они и Псалтирь также дѣлили на пять книгъ или частей, изъ коихъ каждая оканчивается славословіемъ Богу. Первая часть заключаетъ въ себѣ 41 псаломъ, изъ которыхъ всѣ почти исключительно принадлежатъ Давиду. Въ концѣ стоитъ славословіе: *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка и до вѣка: буди, буди*. Вторая часть простирается до 71-го псалма включительно, и въ концѣ ея тоже славословіе, что и въ концѣ первой: *Благословенъ Господь... буди, буди*. Въ этой части сначала идетъ рядъ псаломъ, непринадлежащихъ Давиду, по крайней мѣрѣ по надписаніямъ, а въ концѣ помѣщено снова нѣсколько псалмовъ Давидовыхъ; и такъ какъ у собирателя не было въ то время уже подъ руками больше псалмовъ Давидовыхъ, то онъ и написалъ въ концѣ своего сборника: *скончашася пѣсни Давида, сына Иессеева*. Третья часть, простирающаяся до 88-го псалма включительно, оканчивается тѣмъ же славословіемъ: *Благословенъ Господь..... буди, буди*. Здѣсь между семнадцатью псалмами, преимущественно принадлежащими Асафу, только одинъ нашелся псаломъ Давидовъ. Четвертая часть, заключающаяся псалмомъ 105-мъ, имѣетъ тоже славословіе, что и первыя три части и въ числѣ 14-ти псалмовъ содержитъ только два Давидовыхъ. Что касается до пятой части Псалтири, то въ заключеніи ея стоитъ также славословіе, но только выраженное другими словами, именно—аллилуя (хвалите Господа!), каковымъ словомъ начинается и оканчивается большая часть псалмовъ этого отдѣла. Въ этой части собиратель псалмовъ помѣстилъ найденные имъ, послѣ составленія первыхъ четырехъ частей, пятнадцать псалмовъ Давидовыхъ и нѣсколько безыменныхъ. Думаютъ обыкновенно, что собирателемъ псалмовъ былъ извѣстный священникъ Ездра, жившій во время и послѣ плѣна вавилонскаго и которому многіе богословы приписываютъ пс. 48. Можетъ быть, впрочемъ, что еще до него стараніемъ пр. Исаи и друзей Езекии (Притч.

25, 1) были собраны первыя двѣ части Псалтири, такъ что Ездра собралъ только послѣднія три части и соединилъ ихъ все въ одно цѣлое.

Разновременное составленіе Псалтири было причиною того, что нѣкоторыя псалмы повторяются или по частямъ встрѣчаются въ другихъ псалмахъ. Такъ пс. 13 воспроизведенъ два раза (см. пс. 52); пс. 69 образованъ изъ пс. 36, 14—18; 107-й составленъ изъ 56, 8—12 и 59, 7—14; начало 70-го равняется началу 30-го (первыя четыре стиха).

Васательно внѣшняго состава и порядка псалмовъ нужно еще замѣтить, что счисленіе ихъ въ еврейской Библии отлично отъ счисленія нашей. У LXX, а отсюда и у насъ, 9 и 10 псалмы еврейскіе составляютъ одинъ псаломъ, такъ что съ 22 ст. 9-го псалма у евреевъ уже начинается 10-й и счетъ псалмовъ идетъ единицею впередъ противъ нашего счета. Наприм. 71 пс. у евреевъ считается 72-мъ, 105-й—106-мъ и т. д. до 113-го, который у евреевъ считается 114-мъ. Съ 9-го стиха сего псалма евреи считаютъ 115-й пс., и счетъ псалмовъ у нихъ упреждаетъ уже двумя; 114 у нихъ уже стоитъ 116-мъ; но къ этому псалму они присоединяютъ воедино нашъ 115-й, и прежній счетъ, единицею впередъ, возобновляется до пс. 146-го. Къ этому псалму, который у евреевъ считается 147-мъ присоединяютъ нашъ 147-й и счетъ оканчивается въ Библияхъ одинаково. Кромѣ того нѣкоторые считаютъ 31 и 32 псалмы за одинъ, 41 и 42 также за одинъ; 1-й и 2-й за одинъ въ нѣкоторыхъ манускриптахъ.

Раздѣленіе псалмовъ по содержанію.

Богословы раздѣляютъ обыкновенно все псалмы на четыре главные рода, на пророческіе, и учительные, молитвенно-утѣшительные и благодарственно-хвалебные, хотя впрочемъ такое раздѣленіе и не совсѣмъ точно, поелику иногда одинъ и тотъ же псаломъ за-

ключаетъ въ себѣ и пророчество, и ученіе, и утѣшеніе, и молитву, и благодареніе.

I. Псалмы пророческіе: 2, 8, 15, 21, 39, 44, 67, 68, 71, 86, 88, 98, 97. 101, 108, 109, 117 *).

II. Псалмы *учительныя*: 1, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 23, 31, 35, 36, 48, 74, 89, 93, 111, 118, 120, 124, 126, 127, 132, 138.

III. Псалмы *молитвенно-утѣшительныя*: 3, 4, 5, 6, 9, 10, 24, 27, 32, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 50, 51, 54, 57, 61, 63, 68, 72, 73, 76, 78, 79, 82, 83, 84, 87, 89, 90, 119, 122, 129, 130, 131, 138, 139, 140, 141, 442.

IV. Псалмы *благодарственно-хвалебныя*: 17, 22, 29, 33, 45, 56, 47, 49, 45, 64, 65, 77, 80, 88, 91, 99, 92, 102, 103, 105, 106, 107, 110, 112, 112, 114, 115, 116, 121, 123, 125, 128, 134, 135, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150

Надписанія надъ псалмами.

Каждый псаломъ представляетъ собою отдѣльное самостоятельное цѣлое; въ большей части псалмовъ это обозначается особыми надписаніями въ началѣ псалма. По еврейскому тексту такія надписи находятся надъ псалмами за исключеніемъ только 34-хъ псалмовъ, а въ переводѣ LXX за исключеніемъ 22-хъ псалмовъ. Въ надписяхъ означается писатель или пѣвецъ псалма, содержаніе

*) При чтеніи псалмовъ особенно необходимо между пророческими псалмами различать псалмы прообразовательно—месіанскаго характера и пророчески—месіанскаго. Къ первому роду относятся тѣ псалмы, въ которыхъ лице и царство будущаго Мессіи предвизображаются въ лицѣ и царствѣ говорящаго и дѣйствующаго въ псалмѣ писателя; ко второму роду принадлежатъ тѣ псалмы, въ которыхъ такъ предсказывается о будущемъ Мессіи, Его лицѣ и царствѣ, что псалмопѣвецъ ясно и опредѣленно отличаетъ себя отъ будущаго Мессіи, или же говоритъ о Немъ понятнымъ образомъ, какъ о великомъ будущемъ лицѣ. Большая часть месіанскихъ псалмовъ прообразовательно—месіанскіе; къ собственно же пророческимъ относятся только 2, 109, 44, и отчасти 15, 21, 70.

и случай надписанія, способъ музыкальнаго исполненія псалма, церковное употребленіе и т. д. Къ сожалѣнію эти надписи въ греческомъ и славянскомъ переводахъ очень отличны отъ надписей еврейскихъ и потому возбудили много недоумѣній касательно своего истиннаго значенія. Весьма вѣроятно, что большая часть надписей произошла отъ самыхъ писателей псалмовъ. Онѣ существовали уже въ еврейскомъ текстѣ, когда переводились псалмы на греческій языкъ. LXX перевели ихъ въ точности, иногда безъ яснаго смысла, поелику преданіе о ихъ смыслѣ въ то время было уже потеряно. Существовали эти надписи и тогда, когда собиратель псалмовъ составилъ одну книгу и когда опредѣленъ былъ канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ; потому что кто впоследствии рѣшился бы внести въ канонъ столько добавленій? Во всѣхъ спискахъ еврейскаго текста эти надписи согласны между собою; не могли поэтому частныя лица, наприм, начальники хора или священники быть виновниками этихъ надписей, такъ какъ при этомъ не могло быть единогласнаго рѣшенія и надпись, поставленная надъ псалмами по мысли и догадкѣ одного, могла показаться недовольно точною, вѣрною и ясною другому начальнику хора или священнику. Впрочемъ при сравненіи надписей въ подлинномъ текстѣ съ разными переводами, нельзя не видѣть, что нѣкоторыя замѣчанія прибавлены къ надписаніямъ въ позднѣйшее время для богослужебныхъ требъ можетъ быть начальниками хоровъ и священниковъ, а отчасти также и истолкователями псалмовъ.

Употребленіе Псалтири въ церкви Православной, особенно въ богослуженіи.

По примѣру Іисуса Христа, освятившаго употребленіе книги Псалмовъ для молитвеннаго выраженія своихъ душевныхъ состояній (какъ наприм. на крестѣ) и сопровождавшаго пѣніемъ псалмовъ совершеніе пасхальной вечери съ учениками, христіане во всѣ вѣка существованія церкви Христовой не переставали поль-

зоваться ею какъ въ частномъ употребленіи, такъ и въ общественномъ богослужебномъ, глаголюще себѣ въ псалмѣхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ Господови (Еф. 5, 19. Кол. 3, 16). Заключая въ себѣ все полезное, содержащееся въ другихъ книгахъ (Августинъ), содержа въ себѣ совершеннѣйшее богословіе (Василій В.), духовную бібліотеку (Кассіодоръ), Псалтирь служила для вѣрующихъ всѣхъ временъ полнымъ училищемъ благочестія, всеобщимъ молитвенникомъ, которымъ всякій пользовался для выраженія своихъ отношеній къ Богу. По словамъ св. Аѳанасія, „въ Псалтири измѣрены и описаны словомъ вся жизнь человѣческая, и душевныя расположенія и движенія помисловъ, и сверхъ изображеннаго въ ней ничего неотыщется въ человѣкѣ. Потребно ли покаяніе или исповѣданіе, постигли ли кого скорбь или несчастіе, гонимъ ли кто или избавился отъ злоумышленій, сталъ ли кто опечаленъ или смущенъ и терпитъ что либо подобное сказанному выше, или видятъ себя преуспѣвающимъ, а врага приведеннымъ въ бездѣйствіе, или намѣренъ восхвалить, возблагодарить и благословить Господа, — для всего этого имѣетъ наставленіе въ божественныхъ псалмахъ“. Этимъ и объясняется, „что съ глубокой древности Псалмы Давидовы изучаютъ не только совершенные мужи, уже очистившіе свои душевныя чувства, но и такъ усваиваютъ ихъ себѣ, какъ собственное достоиніе, и дѣти находятъ въ нихъ удовольствіе, какъ бы въ забавахъ, и для слабыхъ они замѣняютъ жезлъ и составляютъ покой; веселящіеся почитаютъ занятіе ими даромъ, имъ принадлежащимъ, равно какъ и тѣ, кои находятся въ печальномъ расположеніи, по причинѣ своихъ обстоятельствъ, думаютъ, что эта книга Писанія именно имъ дарована. Люди путешествующіе и плавающіе по морю, провождающіе жизнь сидячую за своими занятіями, вообще мужи и жены всякаго состоянія, здоровые и больные почитаютъ потерю для себя, когда не имѣютъ въ устахъ своихъ возвышенныхъ по-

ученій Давидовыхъ. Даже на пиршествахъ и брачныхъ торжествахъ принимаютъ веселящуюся философію Давидову, какъ одну изъ принадлежностей веселія“. Подобнымъ образомъ объ употребленіи Псалтири между христіанами говоритъ и бл. Іеронимъ: „куда ни обратисься, пишеть онъ изъ Палестины, пахарь, держа соху, поетъ *аллилуйя*, трудящійся жнецъ занимаетъ себя псалмами и виноградарь, обрѣзывающій кривыя лозы, поетъ чтонибудь давидское. Вотъ стихотворенія въ этой мѣстности, вотъ любимыя здѣсь пѣсни,—ихъ наигриваютъ пастухи, вотъ орудіе земледѣлія“. Что же касается до собственно богослужебнаго употребленія псалмовъ, то извѣстно, что вслѣдъ за апостолами и апостольскими мужами вся древняя церковь чтеніе и пѣніе псалмовъ прилагала къ существеннѣйшимъ принадлежностямъ всякаго богослуженія. По свидѣтельствѣ древнихъ письменныхъ христіанскихъ памятниковъ (Апостольскія Постановленія, Писанія Ипполита, Тертуліана и друг.), когда еще не было полного круга церковныхъ пѣснопѣній, продолжительныя богослужебныя бдѣнія первенствующихъ христіанъ наполнялись чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ въ славу Божию, и псалмопѣніе составляло часть богослуженія у всѣхъ христіанскихъ народовъ во всей вселенной, гдѣ прославлялось имя Христа. Для облегченія вниманія слушателей Псалтири, еще до четвертаго вѣка ее раздѣлили на каѳизмы и славы (м. б. отцы Лаодивійскаго собора, какъ думаютъ Аллатій и Вальсамонъ); отдѣльныя псалмы и стихи псалмовъ вошли въ составъ устанавливавшихся церковныхъ службъ; составляемыя священными пѣснописцами церковныя пѣсни многое черпаютъ по формѣ и содержанію изъ псалмовъ. Въ настоящее время Псалтирь входитъ въ употребленіе всѣхъ богослуженій,—ежедневныхъ, воскресныхъ, праздничныхъ, постовыхъ, при совершеніи таинствъ и разныхъ требъ,—вообще во всѣхъ случаяхъ, гдѣ церковъ молитвеннымъ гласомъ обращается къ Богу, выражая свою радость

или скорбь, славословіе или сокрушеніе, призывая къ участию въ своихъ моленіяхъ всѣхъ вѣрующихъ.

Обозрѣніе псалмовъ для послѣдовательнаго ихъ чтенія.

Часть первая (1—40).

ПСАЛОМЪ 1.

Въ еврейскомъ текстѣ и во многихъ греческихъ кодексахъ первый псаломъ не имѣеть надписи; въ нѣкоторыхъ же греческихъ спискахъ стоитъ ἀνεπιγραφὸς παρ' Εβραίων *не надписанъ у еврей*, иногда съ присоединеніемъ: ψαλμὸς τῷ Δαβὶδ. Бл. Теодоритъ замѣчаетъ, что «переводившіе божественныя Писанія, нашедши ненадписаннымъ сей и слѣдующій за нимъ псаломъ, оставили безъ надписанія, не осмѣлившись къ словамъ Духа приложить что-либо отъ себя». По замѣчанію раввиновъ, этотъ псаломъ или вовсе не считался въ числѣ псалмовъ и былъ какъ бы введеніемъ, надписью цѣлой Псалтири, или соединялся со 2-мъ и составлялъ съ нимъ одно. Какъ надпись къ Псалтири, его приписываютъ Ездръ. По св. отцы и учителя Церкви единогласно авторомъ его признають Давида. Поэтому въ нашемъ славянскомъ переводѣ и удержана надпись: *псаломъ Давиду*, означающая, что это *псаломъ, вдохновенный Богомъ Давиду* или же, если переводить греческое τῷ Δαβὶδ творительнымъ падежомъ: *псаломъ написанный Давидомъ*.

Съ глубокимъ смысломъ поставленъ этотъ псаломъ во главѣ собранія псаломскихъ пѣсней: въ немъ сжато и опредѣленно выражено содержаніе всѣхъ учительныхъ псалмовъ, именно, что праведный и благочестивый человѣкъ достигаетъ блаженства, а нечестивый погибаетъ и дѣло рукъ его исчезаетъ. Псалмопѣвецъ раз-

дѣляетъ всѣхъ людей на два рода, на благочестивыхъ и нечестивыхъ и сначала представляетъ изображеніе характера и поведенія тѣхъ и другихъ (ст. 1 и 2.); потомъ изображаетъ успѣхъ ихъ жизни (3.4), и въ заключеніе показываетъ окончательную судьбу тѣхъ и другихъ (5.6). Изображая характеръ благочестиваго чловѣка и указывая, что праведный отличается отъ нечестиваго и своими мыслями, и дѣлами, и словами, Давидъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и образъ беззаконника, называя его *нечестивымъ, грѣшникомъ, губителемъ*, указывая при этомъ словами: *совѣтъ, путь, съдалище*, что здѣсь рѣчь идетъ не о частномъ зломъ поступкѣ, но о порочности, сдѣлавшейся постоянною. Такое же постоянство псалмопѣвецъ приписываетъ и благочестивому, замѣчая, что онъ прониенуть *закономъ Господнимъ*. Успѣхъ жизни того и другаго поразительно изображается сравненіемъ: благочестивый—плодоносное дерево, а нечестивый—прахъ развѣваемый вѣтромъ (ср. Іер. 17, 7.8.). Затѣмъ, наконецъ, указывается окончательная судьба того и другаго: нечестивый не только не устоитъ на судѣ, но какъ бы не воскреснетъ на судѣ, потому что воскресеніе будетъ для него гибелью, *второю смертію* (Апоц. 20, 15.); между тѣмъ какъ благочестивый пользуется особеннымъ божественнымъ вниманіемъ, такъ какъ Богъ одобряетъ (*въсть путь*) поведеніе и образъ жизни праведниковъ, и потому путь ихъ жизни приводитъ ихъ къ блаженству; а поведеніе нечестивыхъ приводитъ къ погибели, такъ какъ Богу не благоугоденъ образъ ихъ жизни и поведеніе.

Примѣч. *Не воскреснутъ...* не востанутъ съ смѣло поднятою головою (Лук. 21,28), т. е. съ увѣренностію въ своемъ дѣлѣ; нечестивые будутъ стоять съ поникшею головою Бл. Феодоритъ толкуетъ: «воскреснутъ не на судѣ, а на осужденіе, потому что не имѣють нужды въ обличеніи и нечестіе ихъ явно, ожидаютъ же одного наказанія».

ПСАЛОМЪ 2.

Подобно первому, и этот псаломъ не надписанъ въ еврейскомъ текстѣ, во многихъ греческихъ рукописяхъ и въ Вулгатѣ. Но апостолы приписываютъ его Давиду (Дѣян. 4, 25 26). Поэтому въ нашей псалтири надписанъ: *псаломъ Давиду*. Еврейскіе толковники съ 12 вѣка (Раши, Кимхи, Абенъ-Ездра) стали думать, что упоминаемый въ этомъ псалмѣ помазанникъ есть Давидъ и что здѣсь пѣется въ виду война его съ филистимлянами и другими соседними народами, которые узнавъ о завоеваніи имъ Іерусалима и воцареніи надъ Израилемъ, собрались въ огромномъ количествѣ, чтобы поразить его, но божественною помощію сами были поражены Давидомъ (2 Цар. 5, 17—25). Но большинство же самихъ еврейскихъ толковниковъ разумѣютъ здѣсь Мессію, самое имя *Мессіи*, какъ ожидаемаго своего Спасителя, и *сына Божія*, они заимствовали изъ этого псалма (ср. Дан. 9, 95. Іоан. 1, 50 (49), Мѣ. 26, 63 съ ст. 2 и 7 этого псалма). Апостолы Петръ, Іоаннъ и Павелъ (Дѣян. 4, 25—28. 13, 33. Евр. 1, 5. 5, 5 сн. Матѣ. 26, 63. Іоан. 1 4. 9) и отцы Церкви изъясняютъ сей псаломъ о Мессіи. Давидъ пророчествуетъ въ этомъ псалмѣ о непреодолимой силѣ царства Христова и побѣдѣ его надъ земными царствами (ср. 2 Цар. 7, 14. Ис. 7—12. Апок. 11, 15. 12, 10.).

Съ удивленіемъ смотритъ псалмопѣвецъ, какъ народы и цари возстаютъ вмѣстѣ противъ Господа и противъ Помазанника Его, чтобы свергнуть съ себя зависимость отъ нихъ (1—3). Затѣмъ онъ внимааетъ духомъ, какъ Господь обращается съ своею рѣчью къ возмущившимся: тщетно ихъ начинаніе, оно сокрушится силою божественнаго опредѣленія (повелѣніе ст. 7), по которому Помазанникъ Господень или Христосъ (Мессія) долженъ царствовать отъ Сіона надъ всѣми народами (4—5). Вслѣдъ за тѣмъ Самъ Помазанникъ ведетъ рѣчь, показывая, *Кто* Онъ по силѣ вѣчнаго божественнаго опредѣленія, какова Его сила, власть и

держава (7—9). Изъ видѣннаго и слышаннаго въ своемъ пророческомъ созерцаніи, псалмопѣвецъ дѣлаетъ, наконецъ, полезное примѣненіе къ царямъ и судіямъ земнымъ, чтобы они покорились Господу и Его Сыну (вмѣсто не точнаго выраженія: *примите наказаніе*, съ еврейскаго яснѣе: *почтите Сына*). Ибо въ противномъ случаѣ, когда разгнѣвается Господь и быстро разгорится ярость Его, они потеряютъ путь правый къ тому блаженству, которое ожидаетъ всѣхъ надѣющихся на Господа (10—12).

Примѣч. Слова: *Сынъ мой еси ты, Азъ днесь родихъ тя* ап. Павелъ относитъ къ вѣчному рожденію Сына Божія, приводя ихъ въ доказательство того, что Иисусъ Христосъ есть «наслѣдникъ всего» и что чрезъ Него Отецъ и вѣки сотворилъ (Евр 1, 2. 5). Такъ о Мессіи учитъ и пророкъ Михей, говоря, что въ Вифлеемѣ родится Старѣйшина, *исходи* (происхожденіе) коего *изъ начала, отъ днсей вѣка* (Мих. 5, 2). Но тотъ же апостолъ слова: *Азъ днесь родихъ тя* поставляетъ въ доказательство божества Христова воскресеніемъ Его пзъ мертвыхъ, которое было убѣдительнѣйшимъ знакомъ Его божества. Ап. Петръ относитъ также эти слова къ воскресенію Христову (Дѣян. 13, 33. 4, 24—28. Рим. 1, 4). «Весьма кстати, говоритъ св. Афанасій, присовокуплено: *еси*, въ означеніе предвѣчнаго рожденія, потому что Сынъ былъ всегда. Но присовокуплено также: *днесь родихъ Тя*, чтобы показать и рожденіе плоти потому что слово: *днесь* указываетъ на время и употреблено въ означеніе временнаго рожденія; слѣдовательно о человѣческомъ рожденіи разумѣются и слѣд. слова: *родихъ Тя*».

ПСАЛОМЪ 3.

Надписаніе псалма показываетъ, что онъ написанъ Давидомъ во время возстанія противъ него Авесалома (2 Цар. 15 и д.). Впрочемъ содержаніе псалма показываетъ, что онъ могъ

быть составленъ не во время бѣгства Давида отъ лица Авессалома, а послѣ освобожденія отъ опасности, потому что Д. благодаритъ Господа за избавленіе отъ всѣхъ враговъ и съ увѣренностію говоритъ о своемъ спасеніи.—Въ еврейскомъ текстѣ послѣ 3. 5 и 9 стиховъ стоитъ слово *seal*, которое у LXX переводится *διάψαλλμα* и означаетъ вѣроятно остановку голоса (паузу), при чемъ продолжалась одна игра на инструментѣ, безъ пѣнія, или перемѣну тона и усиленіе голоса, (напр. *forte*). «Но точное истолкованіе сей приписки знаетъ одинъ тотъ, кто употребилъ оную. и еще развѣ тотъ, кто, подобно ему, пріялъ озареніе святаго Духа» (Теодоритъ). Это слово встрѣчается въ Псалтири 73 раза и 3 раза въ пѣсни Аввакума. Въ славянской Библии оно опускается, а въ пѣсни Аввакума присоединяется къ самому тексту.—Отцы церкви въ образѣ Давида, гонимаго Авессаломомъ и уходящаго изъ Иерусалима, видятъ образъ Мессіи, преданнаго собственнымъ ученикомъ и уходящаго изъ Иерусалима въ садъ масличный на молитву.

Въ четырехъ строфахъ или отдѣленіяхъ этого псалма Давидъ выражаетъ чувства всякаго благочестиваго человѣка, окруженнаго врагами и, по мнѣнію людей, не имѣющаго надежды на спасеніе отъ нихъ (2.3). Далѣе онъ говоритъ, что послѣ своей молитвы испыталъ таеую вѣрную защиту ночью (5.6), что имѣеть мужество не бояться не только настоящихъ своихъ многихъ враговъ, но хотя бы ихъ было множество тысячъ, поелику Тотъ, Кто защитилъ его въ прошедшую ночь бѣдетвій, поразитъ всѣхъ враждующихъ противъ него тщетно и сокрушитъ зубы грѣшниковъ (7.8); онъ знаетъ и увѣренъ, наконецъ, что Господь *вознесетъ его главу*, т. е. доставитъ ему торжество надъ врагами.

Примѣч. Воскресни Господи... Псалмопѣвецъ называетъ здѣсь Бога *воскресающимъ* или *востающимъ* не въ простомъ, но въ переносномъ смыслѣ. Господь, когда приходитъ къ намъ на помощь, то какъ бы воскресаетъ или подымается,

между тѣмъ когда не является съ всею божественною помощію, то человѣкообразно представляется какъ бы спящимъ; поэтому Давидъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *воскреси, вскую спши Господи?*

ПСАЛОМЪ 4.

Первое слово надписанія псалма, встрѣчающееся въ надписаніяхъ 53-хъ псалмовъ: *въ конецъ*, у LXX εις τὸ τέλος, въ Вульгатѣ—in finem—есть переводъ еврейскаго слова *ланацеахъ*. Толковники, удерживающіе эту надпись, утверждаютъ, что словомъ *въ конецъ* указывается на *вѣчное употребленіе* въ церкви псалмовъ, надписываемыхъ этимъ словомъ, или что въ этихъ псалмахъ содержатся истины и наставленія, которые *всегда будутъ существовать*, или что въ еврейскомъ богослуженіи ихъ пѣли въ *концѣ субботы и другихъ праздниковъ*, или же, наконецъ, что они относятся къ *кончинѣ вѣковъ*, т. е. ко временамъ Христа, грядущаго Мессіи. Такъ толкуютъ это слово большая часть св. отцовъ и древнихъ іудейскихъ раввиновъ. Впрочемъ нѣкоторые отцы церкви оставляли слово *въ конецъ* безъ объясненія, замѣчая при томъ, что въ иныхъ переводахъ Псалтири это слово замѣнено другимъ. Такъ св. Аванасій говоритъ въ началѣ толкованія четвертаго псалма: «Псаломъ сей Давидъ посвящаетъ побѣдителю, по одержаніи побѣды надъ врагами. Вмѣсто словъ: *въ конецъ* Агила и Θεодотіонъ перевели: *побѣдителю*, а Симмахъ: *побѣдная тѣнь*» *). Св. же Григорій Нисскій соединяетъ два перевода вмѣстѣ и объясняетъ это надписаніе такъ: «въ конецъ, который есть побѣда». Халдейскій переводъ: *въ похвалу* или *прославленіе* указываетъ на какое то еще особенное чтеніе еврейскаго слова. Новѣйшіе же переводчики, читая въ еврейскомъ вмѣсто *ланацеахъ*—*ламнацеахъ* переводятъ обыкновенно *начальнику хора*, какъ и въ нашей русской Псалтири. Это значитъ, по мнѣнію толковниковъ, что каждый псаломъ съ

*) Агила, Θεодотіонъ и Симмахъ переводили Библию уже послѣ Р. X. зъ еврейскаго языка на греческій, не довольствуясь переводомъ LXX.

такою надписью, будучи предназначаемъ для богослужебнаго употребленія въ сопровожденіи игры на музыкальныхъ инструментахъ, послѣ его составленія отсылаемъ былъ одному изъ начальниковъ двадцати четырехъ хоровъ для переложенія на музыку и исполненія при богослуженіи. Разность между славянскимъ и русскимъ переводомъ можно однако безъ особеннаго затрудненія примирить, расширивши значеніе слова: *конецъ*, которое также какъ и греческое *τέλος* значитъ между прочимъ и *совершенство, исполненіе*. Принявши послѣднее значеніе, надпись *въ конецъ* можно толковать: «для исполненія», т. е. «начальнику хора» какъ читается въ русскомъ переводѣ съ еврейскаго. Самое же *исполненіе* это происходило или совершалось на музыкальныхъ орудіяхъ струнныхъ, что и означается въ надписаніяхъ словами—въ *псалмѣ*, евр. *неинотъ*, что значитъ *пѣсь* или *псаломъ*, «пѣсь, назначенную для музыки инструментальной» и именно *струнной*. Слово *села* или *дишадиа* въ этомъ псалмѣ стоитъ послѣ 3 и 5 ст.

Псалмопѣвецъ на основаніи собственнаго опыта, убѣждаетъ обращаться въ житейскихъ несчастіяхъ съ молитвою къ Богу и просить у него помощи, и отклоняетъ нечестивцевъ отъ продолженія своихъ грѣховныхъ замысловъ (2.3). При этомъ онъ показываетъ, что Богъ только благочестивыхъ приводитъ къ ихъ дѣли и что поэтому нужно удалять отъ себя всѣ грѣховные помыслы (4.5), дѣлать правду, надѣяться на Бога и не поддаваться сомнѣніямъ (6.7), помня, что истинную радость и миръ подаетъ только Богъ (8.9).

Примѣч. Называя Господа *Богомъ правды своея*, Давидъ этимъ показываетъ съ одной стороны, что Богъ руководилъ его доселѣ *правымъ* путемъ, предохранялъ отъ уклоненія съ *праваго* пути, а съ другой стороны, что вся его *праведность* есть даръ Божій.—Словомъ: въ *скорби распро- странилъ* мя *еси*, выражается та мысль, что какъ скорбь

и горе сжимають, стѣсняють сердце, такъ радость расширяетъ, и потому сообщеніе божественной помощи успокоивъ и утишивъ сердце Давида, чудеснымъ образомъ тѣсноту скорби обратило въ великую широту радости.— *Удиви Господь преподобнаго своего*, по толкованію Златоуста означаетъ, что «Господь сдѣлалъ удивительнымъ, извѣстнымъ, знаменитымъ, славнымъ того, кто былъ преданъ Ему». — *Преподобный* здѣсь тоже, что и невинный, ипчѣмъ никого не обидѣвшій.— Слова: *ижевайтесь и не содрѣтайте, съ еврейскаго буквально могутъ быть переведены: трепещите (Бога, если меня не бойтесь) и не грѣшите; по изъясненію ап. Павла (Еф. 4, 26) здѣсь заключается нравственное правило, предостерегающее отъ продолжительнаго и несправедливаго гнѣва.*— *Умилитесь* — «истязайте, сокрушайте все то, что въ теченіи дни вы говорили въ сердцахъ вашихъ» (Злат.)— *Знаменася на насъ свѣтъ лица твоего Господи* значитъ: «обратилось къ намъ свѣтлое лице твое Господи». — *Далъ еси веселіе въ сердце моему; отъ плода пшеницы, вина и едея своего умножишася*—тоже, что: «ты вложплъ мнѣ въ сердце веселіе большее, неужели у нихъ во время обилія хлѣба, и вина, и едея».

ПСАЛОМЪ 5.

Въ еврейскомъ текстѣ въ надписаніи этого псалма стоитъ слово *э-ла-нехилотъ*, означающее какое-то незнакомое для насъ музыкальное орудіе, можетъ быть флейту, свирѣль, какъ и переведено оно въ нашей русской Псалтири: «на духовыхъ музыкальныхъ орудіяхъ». Вмѣстѣ съ этимъ еврейское это слово можетъ быть пропаведено отъ глагола *нахаъ*, который значитъ *наслѣдовать*, и потому-то въ греческомъ переводится *ὁπέρ τῆς κληρονομίας* о *наслѣдствующей*, и по изъясненію толковниковъ (св. Афанасія, Златоуста, бл. Теодорита) относится къ церкви наслѣдовавшей обѣтованія Иисуса Христа. Другіе читаютъ вмѣсто *нехилот-махалотъ* (въ славянскомъ надъ пс. 52 и 87; 1 Цар. 10, 5. Исаія 5, 12, *маелевъ*), что несомнѣнно означаетъ музы-

кальное орудіе по переводу I.XX, свирѣль. Этотъ псаломъ не что иное, какъ образецъ пѣсни утренней, и судя по надписи принадлежить Давиду, хотя въ немъ и упоминается о *храмѣ*, такъ какъ храмъ могла называться и скинія, какъ на примѣръ о Самуилѣ читается, что онъ спалъ во храмѣ, объ отцѣ Самуила, что онъ ежегодно приходилъ въ Силомъ по храму приносить жертвы (1 Цар. 1, 7. 24. 3, 3 и т. д.).

Находясь въ несчастіи, праведникъ молитъ Господа услышать его слова, уразумѣть *званіе*, т. е. волю его, внять голосу мольбы его и сохранить отъ враговъ (2—4). Онъ увѣренъ въ божественной помощи, такъ какъ Богъ не любитъ однихъ только нечестивцовъ, и въ особенноти клеветниковъ, людей безчеловѣчныхъ и кровожадныхъ, лукавыхъ и коварныхъ (5—8). Не себя одного имѣетъ въ виду молящійся: онъ знаетъ, что торжество праведника возрадуетъ всѣхъ праведниковъ и укрѣпитъ ихъ въ вѣрѣ и надеждѣ; онъ увѣренъ, что всѣ любящіе имя Господне будутъ восхвалять Господа за то, что Онъ своимъ *благволеніемъ*, какъ бы нѣкимъ *оружіемъ*, ограждаетъ ихъ отъ бѣды и какъ бы нѣкіе торжественные вѣнцы свои возлагая на главы ихъ (9—13).

ПСАЛОМЪ 6.

Въ надписаніи этого псалма представляется нововъ непонятное слово: о *осмомъ* ὑπὲρ τῆς οὐδὲς, по евр. *шеминитъ*. Придерживающіеся буквального объясненія утверждаютъ, будто этимъ словомъ означается, что псаломъ съ такою надписью долженъ былъ пѣть *восьмой хоръ* пѣвцовъ во время богослужебныхъ собраний, или то, что ихъ играли на *восьмиструнномъ музыкальномъ инструментѣ* (такъ понимается и русскими переводчиками Псалтири), — или же тономъ *октавнымъ*, напѣвомъ низкимъ медленнымъ. Тѣже изъ толковниковъ, которые вездѣ стараются находить таинственный смыслъ, объясняютъ эту надпись такимъ обра-

вомъ: *осмый* не иное что значить, какъ *день воскресенія Христа*, въ который воепремемъ плоды трудовъ своихъ, когда враги со стыдомъ и смятеніемъ возвратятся вспять (Аѳанасій В.). Или: *подъ именемъ осмаго* разумѣтся день страшнаго суда Господня, иже будетъ осмый, понеже воспослѣдуетъ по шести днехъ многотруднаго житія сего, и по седмомъ, иже есть суббота, упокоеніе душъ» (Ириней Псковскій).

Псаломъ этотъ содержитъ вечернюю молитвенную пѣснь праведника, испытывающаго великія душевныя и тѣлесныя скорби. Онъ не отрицается отъ временнаго божественнаго наказанія за грѣхи, совершенныя по немощи человѣческой, но проситъ избавить его отъ наказанія *во тльвѣ, въ ярости*, т. е. отъ тѣхъ наказаній, которыя посылаются не для исправленія грѣшника, но для удовлетворенія божественнаго правосудія, когда Богъ наказываетъ человѣка ожесточеніемъ и духовною слѣпотою (2—4). Находясь при смерти, онъ молится о помощи, проситъ, чтобы Богъ *обратился* къ нему, такъ какъ Онъ отвратился отъ него, очевидно за грѣхи его; чтобы Онъ избавилъ его враговъ и спасъ отъ вѣчнаго наказанія, по милости своей и ради славы своей, поелику осужденные во адъ не вспоминаютъ о Богѣ и не исповѣдуютъ благодарній и милостей Божіихъ. Не минутное показываетъ праведникъ покаяніе и обращеніе къ Богу: *утрудихся воздыханіемъ моимъ*, говоритъ онъ, т. е. чувствуя всю тяжесть грѣховъ моихъ, я пришелъ въ изнеможеніе отъ постояннаго стенанія и плача; слезами моими каждую ночь я орошаю и омываю постелью мою; *смятеся отъ ярости око мое*, т. е. помутились отъ раздраженія глаза мои, вслѣдствіе постояннаго плача о грѣхахъ моихъ; *обетиахъ во всѣхъ врагъ моихъ*, т. е. состарѣлся я среди множества грѣховъ моихъ и доселѣ ни одного изъ нихъ не побѣдилъ (5—8). Но при всемъ томъ, онъ не теряетъ надежды, что Господь услышитъ его го-

лось и онъ восторжествуетъ весьма скоро надъ всѣми врагами своими (9—11).

ПСАЛОМЪ 7.

Толковники разногласятъ въ опредѣленіи, кто былъ *Хусій*, упоминаемый въ надписаніи этого псалма. Въ числѣ враговъ Давида такого имени мы не встрѣчаемъ, хотя исторія Давида представляетъ намъ не мало враговъ его, особенно изъ колѣна Веніамина. Встрѣчается ими Хусія Архитянина (2 Цар. 16, 16), но то былъ другъ Давида и разрушилъ замыслы Ахитофела, сообщника Авессаломова, и объ этомъ Хусія Давидъ не могъ такъ говорить, какъ говорится въ этомъ псалмѣ. И самое имя Хусія, друга Давидова, пишется иначе, чѣмъ имя Хусія, стоящаго въ надписаніи сего псалма (первое пишется чрезъ букву *хетъ*, а второе *кафъ*). Бл. Иеронимъ замѣчаетъ, что въ его время въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читалось вмѣсто Хусія—*Семей* (2 Цар. 16, 5—13), съ явнымъ указаніемъ на поступокъ одного изъ потомковъ Саула противъ Давида, во время возстанія Авессалома. По мнѣнію же самаго Иеронима надпись сію нужно разумѣть о Саулѣ, «котораго Давидъ нарицаетъ Хусіемъ, сирѣчь, египтяниномъ ради черноты его нравовъ».—Первые 6 стиховъ отдѣляются *села*

Въ этомъ псалмѣ Давидъ выражаетъ свою молитву и надежду на праведный судъ Господень. Сначала онъ высказываетъ предъ Богомъ, что если есть что нибудь справедливое въ томъ, что возводятъ на него клеветники его, то пусть постигнетъ его стыдъ и смерть, пусть онъ падетъ истощеннымъ (*тощъ*) отъ враговъ своихъ, пусть врагъ втопчетъ въ землю жизнь его и вселитъ славу его въ прахъ (2—6). Но такъ какъ онъ чувствуетъ себя безупречнымъ въ взводимыхъ противъ него обвиненіяхъ,—иначе Господь не принялъ бы его молитвы (9.10),—то онъ молится, чтобы Богъ всталъ со гнѣвомъ своимъ, возвысился въ предѣлахъ

(границахъ) враговъ его, *возсталъ повелѣніемъ, имъ же заповѣдалъ*, т. е. сдѣлалъ по повелѣнію, или собственному глаголу своему, которымъ Онъ заповѣдалъ судьямъ судить праведно. Слѣдствіемъ такихъ божественныхъ дѣйствій, продолжаетъ находящейся, будетъ то, что *сонмъ людей обидетъ* Господа, т. е. сонмы, множество людей даже невѣрныхъ познаютъ Господа и прославятъ Его; онъ молится при этомъ, чтобы Господь надъ этимъ сонмомъ на высотѣ указалъ на Себя, что Онъ будетъ судить людей (*и о томъ на высоту обратися*) (7.8). Отъ увѣренности въ томъ, что Господь будетъ судить людей, псалмопѣвецъ снова обращается къ молитвѣ о судѣ надъ нимъ самимъ (9.), чтобы Богъ, испытующій сердца, показалъ различіе между праведникомъ и грѣшникомъ (10). Выражая твердую увѣренность, что Богъ есть святой, правосудный и долготерпѣливый судія, онъ обращаетъ при этомъ особенное вниманіе на то, что если грѣшники не раскаиваются въ своихъ грѣхахъ, то Богъ уже отточилъ на нихъ свой мечъ, лукъ свой натянулъ и направилъ его (*уготовка и*), и наложилъ на него орудіе смерти (*и въ немъ уготовка сосуды смертныя*), стрѣлы сдѣлалъ себѣ каленыя (*сгараемыя содѣла*) (11—14). Велѣдъ за тѣмъ пророкъ показываетъ, что нечестивые люди тѣмъ самимъ вредятъ себѣ, чѣмъ желаютъ причинить вредъ другимъ (15—17). Заключение псалма составляетъ *исповѣданіе* псалмопѣвцемъ Господа, т. е. похвала и прославленіе, такъ какъ если кто хвалитъ кого, то исповѣдуетъ или признаетъ, что хвалимый достоинъ похвалы (18).

ПСАЛОМЪ 8.

Еврейское надписаніе псалма сего *гиттит*, геванка; LXX читали вѣроятно *гиттотъ*, что значить точило, прессъ для выдѣлки вина. По поводу этой надписи составлено много предположеній, но кажется трудно на какомъ либо изъ нихъ остановиться, какъ на безусловно вѣрномъ Слово о *точильнѣхъ* наводитъ на

мысль о пѣніи сего псалма при внодѣліи, которое совпало съ праздникомъ куцей, пли на форму какого-то инструмента, имѣвшаго видъ точила. Новѣйшіе переводятъ (какъ и русскіе переводчики) на *гескомъ* инструментѣ. Раввины думаютъ, что этотъ псаломъ составленъ Давидомъ во время побѣды его надъ Голиафомъ Геояиномъ, или во время укрывательства у Анхуса Геескаго царя, пли перенесенія ковчега изъ дома Аведдара Геояина. Предполагаютъ еще, что этотъ псаломъ предназначенъ былъ для пѣнія хора пѣвцовъ изъ Геоянокъ, которые славились симъ искусствомъ, пли для пѣнія по образцу иѣсней геескихъ, можетъ быть даже по напѣву ихъ. Слѣдуетъ остановиться на иѣвній отеческомъ, по которому надписаніе о *точилѣ* относится къ церкви и Христу. Въ отношеніи къ Іисусу Христу надписаніе это имѣетъ особенное приложеніе, такъ какъ Онъ, по словамъ пр. Исаи, одинъ *топталъ точило* (62, 2. 3.), удовлетворяя за людей правдѣ Божіей цѣною своея крови, пли отщипывая врагамъ Божіимъ, и въ Апокалипсисѣ мы читаемъ, что *риза Его червлена кровію* и что Онъ топталъ точило, откуда течетъ вино ярости Божіей (19, 13. 14. 20). Объясненіе весьма приличествующее сему псалму, по толкованію ап. Павла (Евр. 2), всецѣло относящемуся къ Іисусу Христу.

Все, что говорится въ этомъ псалмѣ о человѣкѣ, соекулется только въ единомъ Іисусѣ Христѣ, истинномъ человѣкѣ, сынѣ человѣческомъ. Псалмопѣвецъ выражаетъ здѣсь слѣдующія мысли: Господь, слава и величіе Коего отражается превыше небесъ, не возгнущался и землю сдѣлать мѣстомъ своея славы, и слабого человѣка орудіемъ своего прославленія (1—3). Не смотря на то, что человѣкъ безконечно малъ въ сравненіи съ небесными свѣтилами, онъ однако составляетъ предметъ особеннаго божественнаго вниманія и украшенъ высокимъ богоподобнымъ достоинствомъ (4—6), ибо Господь сдѣлалъ его, какъ свой образъ, владыкою земли (7—10).

Примѣч. Выраженіе: *изъ устъ младенецъ и ссушить со-*
вершилъ есмъ хвалу буквально исполнилось при входѣ Иисуса
Христа въ Іерусалимъ (Матѣ. 21, 16).

ПСАЛОМЪ 9.

Въ Еврейской нынѣшней Псалтири этотъ псаломъ оканчи-
вается 2-мъ стихомъ, такъ что съ 22-го стиха начинается ев-
рейскій 10-й псаломъ. Но въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ
онъ, какъ и въ греческой и нашей Псалтири, составляетъ одно цѣ-
лое. Въ пользу греческаго текста говоритъ уже то, что нынѣшній
еврейскій 10-й пс. не имѣетъ надписи, а также и то, что въ ев-
рейскомъ текстѣ замѣтенъ хотя не вездѣ строгій и полный ал-
фавитный порядокъ. Этотъ порядокъ состоитъ въ томъ, что
каждые два стиха, составляя полный смыслъ, начинаются слѣ-
дующею буквою азбуки, хотя впрочемъ нѣкоторыхъ буквъ недо-
стаетъ. Въ концѣ 17-го стиха въ еврейскомъ стоитъ *higgaion*
selah, по гречески *ὠδή διαψαλματος*, пѣснь раздѣленія псалма;
послѣ 21-го ст. *selah*. Эта *selah* и была можетъ быть поводъ
къ раздѣленію псалма на двѣ части. А не сходство 1-ой и
2-й части по слогу, порядку и связности мыслей еще болѣе по-
буждали къ такому дѣленію. Стихи съ 22—32 представляютъ
особое развитіе одной мысли, 33 ст. есть какъ бы повтореніе
20-го. Касательно надписи этого псалма *о тайныхъ сына*, нужно
замѣтить, что такая же надпись находится и надъ 45 пс. Въ
русскомъ переводѣ Псалтири надъ 9-мъ пс. читаемъ *на свирѣмъ*
Бену, надъ 45-мъ: *на музыкальномъ орудіи Аламовъ*. «Бену» по
русски буквально значитъ *сыну*, вслѣдствіе этого нѣкоторые
думаютъ, что псаломъ этотъ посвященъ былъ Давидомъ его
сыну. Другіе-же еврейское слово *Бенъ* приимаютъ за собст-
венное имя, какъ и русскіе переводчики Псалтири, и думаютъ,
что этотъ Бенъ былъ не кто иной, какъ начальникъ хора *Ванса*,
о которомъ упоминается въ кн. Паралипоменонъ (1 кн. 15, 18, 20).
Новшій церковный переводъ Псалтири обращаетъ вниманіе не
къ буквальному, а въ таинственному смыслу, сокрытому въ оз-
наченныхъ надписаніяхъ. Св. отцы, обращавшіе вниманіе на

это надписаніе, единогласно утверждаютъ, что подъ тайнами сына разумѣются тайнства Мессіи, который былъ сыномъ Давида.

Давидъ прославляель Господа за свое спасеніе отъ враговъ, за окончаніе своего суда и тяжбы (1—5), изображая при этомъ, какъ Господь погубляетъ нечестиваго, изглаждаетъ память его въ вѣбъ, и оказываетъ помощь убогому въ дни благополучій и во время скорбей (6—13). Не всецѣло онъ однако освобожденъ отъ враговъ своихъ, потому онъ молить Господа о дальнѣйшей помощи (14.15), но Богъ уже осудилъ нечестивцевъ, запуталъ въ ихъ собственныхна сѣти (16.17). И если несомнѣнно, что *всѣ* нечестивцы погибають, а угнѣтанный имѣеть надежду на спасеніе (18.19), то пусть совершится окончательный судъ Божій, чтобы человекъ узналъ свою смертную природу (20.21). За тѣмъ исалмопѣвецъ съ особенною подробностію описываетъ ухищренія и замыслы злыхъ противъ праведника. По великой дерзости своей нечестивецъ говорить: „не възыщетъ Богъ“, а дѣлами своими онъ доказываетъ, что Богъ для него и не существуетъ (22—26). Въ сердцѣ своемъ беззаконникъ говоритъ: „не поколеблюсь; изъ рода въ родъ я безъ зла“, и поэтому онъ какъ левъ въ засадѣ въ логовицѣ своемъ, сидить, чтобы схватить бѣднаго (27.31). Оно безумствуетъ въ сердцѣ своемъ говоря: „Богъ забылъ; отвратилъ лице свое, чтобы не смотрѣть болѣе“. 32). Въ заключеніе Давидъ молится, чтобы Господь возсталъ съ своею помощію, поднялъ руку свою на защиту праведниковъ и сокрушилъ мышцу грѣшнику и лукавому, чтобы иной человекъ не продолжалъ величаться на земли (33—39).

Примѣч Слова: постави Господи законоположителя надъ ними и пр. (ст. 21.) восточные отцы церкви относятъ къ Іисусу Христу, законоположнику Новаго завѣта и праведному Судіи; западные, напротивъ, относятъ къ антихристу, которому охотно подчинятся народы, чтобы возстать

противъ праведниковъ. Съ евр. переводятъ эти слова: *наведи Господи страхъ на нихъ, или дай имъ наставленіе, законъ.*

ПСАЛОМЪ 10.

Псалмопѣвецъ выражаетъ свою твердую надежду на Бога. Эту надежду онъ противопоставляетъ своимъ безпокойнымъ друзьямъ, когда они убѣждали его спастись бѣгствомъ, въ виду опасностей и сѣтей, разставленныхъ его врагами и потрясенія ими общественаго порядка (1—3). Онъ увѣренъ, что всякое бѣдствіе есть посылаемое Богомъ испытаніе, что Богъ испытываетъ праведника, какъ онъ ведетъ себя, не пенявить беззаконіе, бранитъ нечестивцевъ, праведника же любитъ и защищаетъ (4—7).

Примѣч. Слова: *Господь испытаетъ праведнаго и нечестиваго, любяи неправду невидитъ свою душу* (ст. 5), въ евр. текстѣ читаются: «любящаго неправду ненавидитъ душа Его». Такъ какъ въ этомъ псалмѣ Господь человѣкообразно изображается съ человѣческими дѣйствіями и страстями, то неудивительно, что Ему приписываются свойственная только человѣку ненависть или отвращеніе къ неправдѣ. Но LXX даютъ другую мысль, что неправда человѣка причиняетъ вредъ ему самому, и вредъ самый большой.

ПСАЛОМЪ 11.

Сначала псалмопѣвецъ выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что оскудѣла правда на землѣ и преобладаетъ коварство и лицемеріе (2—3); за тѣмъ высказываетъ увѣренность, что Господь истребитъ всѣхъ коварныхъ и веледѣйныхъ (4,5); потомъ отъ имени Божія увѣряетъ, что Господь поможетъ угнѣтеннымъ и подтверждаетъ эту свою увѣренность (6,7). Въ заключеніе еще разъ призываетъ помощь Божію угнѣтеннымъ, выставляя побужденіе къ этому продолжающееся еще существованіе печестія (8,9).

ПСАЛОМЪ 12.

Изнуренный продолжительностію своихъ страданій и тщетнымъ ожиданіемъ помощи противъ нападающихъ враговъ, псалмопѣвецъ изливаетъ предъ Богомъ свою жалобу (1—3); молится, чтобы Богъ услышалъ его, просвѣтилъ его очи видѣть конецъ своихъ страданій, чтобы не погибнуть ему, и чтобы враги его не радовались его уничтоженію (4.5). Выразивши свою печаль, псалмопѣвецъ уже отъ этого одного получилъ успокоеніе: онъ падѣтса, онъ радуется грядущему спасенію и думаетъ уже о благодарственной пѣсни за свое спасеніе (6.7).

Примѣч. Послѣднихъ словъ псалма сего: *и пою имени Господа вышшняю* нѣтъ въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ; но они есть во всѣхъ греческихъ и латинскихъ рукописяхъ и приводятся древними отцами церкви.

ПСАЛОМЪ 13.

Въ этомъ псалмѣ изображается вѣеобщее нечестіе людей, пристекающее отъ безбожія и осноковыающееся на немъ, и указывается сначала положительно, какъ печестивые или безумные говорятъ, что нѣтъ Бога (1), и потомъ представляется картинно, какъ Богъ ищетъ человѣка, разумѣющаго или ищущаго Бога, и не находитъ ни одного (2—4). Послѣ этого псалмопѣвецъ высказываетъ свое убѣжденіе, что нечестивыхъ постигнетъ трепеть, поелику Господь существуетъ съ праведными (5); пусть же они гнетутъ страдальца: защита его Богъ. Онъ обратится съ своею помощію къ страдальцамъ своего народа, которые возвеселятся и возрадуются (6—9).

Примѣч. Ап Павелъ приводитъ слова сего псалма въ подтвержденіе необходимости спасенія благодатію Господа и вѣрою въ Иисуса Христа: *нѣсть праведенъ никтоже, нѣсть разумваяя и настъ възскаая Бога. Всеи уклонихася,*

всуть непотребни быша: нѣсть творяіи благостыню, нѣсть даже до единого (Рим. 3, 10—12). Послѣ этихъ словъ изъ псалма, апостолъ прибавляетъ: *гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими лицаху: ядъ асидовъ подѣ устами ихъ; ихъ же уста клятвы и горести полна суть; скорыи ноши ихъ промяти кровь, сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ ихъ, и пути мирнаго не познаша, нѣсть страха Божія предѣ очами ихъ* (Рим. 3, 13—18). Слова сія поищаются въ греческомъ текстѣ Псалтири *общемъ*, *χαίνῃ*, въ Вульгатѣ, въ еврейскомъ Кенипкота и приводятся у многихъ отцовъ церкви; но ни въ нынѣшнемъ еврейскомъ, ни у LXX, ни въ древнихъ переводахъ, ни въ параллельномъ 52-мъ псалмѣ этихъ словъ нѣтъ,—а есть они частями въ разныхъ псалмахъ и мѣстахъ св. писанія (Пс. 1, 50 139, 3 Пс. 9, 28 Притч. 1, 16 Ис. 59 7 8. Пс. 35, 2). Поелику апостолъ въ приведенномъ мѣстѣ могъ привести въ сжатомъ видѣ цѣлый рядъ текстовъ изъ разныхъ мѣстъ,—и нѣтъ основанія подозрѣвать какую-нибудь намѣренную порчу нынѣшняго еврейскаго и греческаго LXX текста, то прибавленіе этихъ словъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ объясняютъ припискою переписчиковъ, которые заимствовали ихъ изъ посланія къ Римлянамъ; въ самомъ же первоначальномъ текстѣ ихъ не было.

ПСАЛОМЪ 14.

Въ этомъ псалмѣ представляется прекрасное изображеніе истинно благочестиваго человѣка: онъ поступаетъ непорочно, говорить истину, (1.2) не льститъ языкомъ своимъ, не дѣлаетъ зла ближнему, презираетъ развратныхъ, прославляетъ боящихся Господа, твердо держитъ данное слово (3.4), не северноприбыточествуетъ. Эти качества дѣлаютъ его счастливымъ (5).

ПСАЛОМЪ 15.

Στολποτισανίε στήλογραφία, *tituli inscriptio*,—все это переводъ еврейскаго слова *миктамъ*, которое означаетъ *вырѣзывать*,

гравировать, или же драгоценность, чеканное золото. По смыслу надписи этот псаломъ есть какъ-бы золотой, драгоценный, заслуживающій того, чтобы быть вырѣзаннымъ на столпѣ, или что онъ былъ вырѣзанъ Давидомъ на колоннѣ. Подобную надпись имѣютъ еще Пс. 55—59. Нѣкоторые въ этомъ надписаннн видятъ названіе музык. инструмента или же напѣва.

Псаломъ этотъ содержаніемъ своимъ имѣетъ изображеніе душевнаго состоянія благочестиваго и богобоящагося человѣка. Псалмопѣвецъ изображаетъ сначала, какъ душа его сильно привязана къ Богу. Начинаетъ онъ свой псаломъ молитвою и высказываетъ свою надежду на Бога и счастье въ Богѣ, такъ какъ Богъ не имѣетъ пужды въ человѣческихъ благахъ и избраннымъ, сущимъ на землѣ Его, дивно оказалъ Онъ все, чего они желали отъ Него (1—3). Но псалмопѣвецъ и внѣшнимъ образомъ принадлежитъ къ людямъ богобоязненнымъ и удаляется отъ идолопоклонниковъ: у другихъ умножились слабости (съ евр. „другіе умножаютъ идоловъ и бѣгутъ къ чужимъ богамъ“), чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе, а онъ не созываетъ нечестивыхъ сборищъ для кровавыхъ жертвъ и не хочетъ знать ихъ именъ (4). Ибо онъ въ Богѣ ищетъ своего достоянія: Господь доля достоянія его, Онъ возстановляетъ достояніе его; цѣли межевныя, опредѣлившія его удѣлъ, выпали для него на самыхъ лучшихъ мѣстахъ, и потому онъ свое наслѣдіе считаетъ самымъ лучшимъ (5.6). Поэтому онъ всегда имѣлъ Бога предъ собою, Который всегда вразумлялъ его, Который всегда находилъ одесную его, чтобы онъ не поколебался (7.8). Онъ исполненъ радости и веселія, потому что тѣло и духъ его безопасны въ Богѣ (9.10). Въ заключеніе онъ присовокупляетъ, что Богъ уже прежде показавъ ему путь жизни, приготовилъ для него истинную радость (11).

Примѣч. По свидѣтельству апостоловъ Петра и Павла (Дѣян. 2. 25. гл. 13, 35), въ этомъ псалмѣ пророчески

изображается смерть и воскресеніе Иисуса Христа. Слова стиховъ 8—10, по изъясненію ап Петра, выражая надежду праотца Давида на Бога, не могутъ быть исполнѣны приложены къ нему, потому что Давидъ и умеръ и погребенъ, и слѣдовательно, какъ замѣчаетъ ап Павелъ (Дѣян. 13, 36), увидѣлъ тлѣніе; одинъ же не видѣвшій тлѣнія, хотя и умершій, одинъ же не оставшійся во адѣ, хотя и сходявшій туда по смерти,—есть Иисусъ Христосъ, Котораго Богъ воскресилъ и воскресеніе Котораго предвидѣлъ Давидъ, потому что Господь обѣщалъ Давиду съ клятвой сохранить престолъ израильскій сѣмени Давида даже до вѣка; чему вѣрилъ и Давидъ и всѣ тѣ, для которыхъ Богъ является не ложнымъ обѣтователемъ. Но какъ бы могла исполниться сія клятва Божія, если-бы мы перестали видѣть въ Иисусѣ Христѣ обѣтованнаго царя изъ потомства Давидова, царя вѣчнаго и если-бы съ прекращеніемъ династїи Давидовой и царства іудейскаго пресѣклась возможность къ исполненію обѣтованій божественныхъ? До смерти Иисуса Христа всѣ ветхозавѣтные праведники сходили въ адъ, въ одно общее мѣсто мрака и томленія, вмѣстѣ съ нечестивыми, потому что рай былъ заключенъ грѣхомъ Адама и огражденъ пламеннымъ оружіемъ херувима. Надлежало загладить грѣхи праотца, искупить кровію Богочеловѣка проданныхъ подъ власть грѣха и діавола людей, и удовлетворивъ правдѣ божественной, отворить двери милосердія Божія, ввести человѣка въ рай. Совершивъ сіе великое дѣло своею крестною смертію, Иисусъ Христосъ сходилъ во адъ, чтобы извести оттуда души праведниковъ, ожидавшихъ Его пришествія съ вѣрою. Предвидя это, Давидъ съ увѣренностію говоритъ: *не оставиши души моея во адѣ*. И хотя плоть Давида, какъ и всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, узрѣла тлѣніе, но и она обновилась, или обновлена будетъ, явится нетлѣнною во второе пришествіе Христово, когда посѣянное въ тлѣніе востанетъ въ нетлѣніе (1 Кор. 15, 42).

ПСАЛОМЪ 16.

Надписаніе этого псалма—*молтва Давиду*—показываетъ, что онъ или употреблялся по преимуществу какъ молитва, или былъ написанъ Давидомъ какъ образецъ молитвы.

Псалмопѣвецъ обращается сначала съ горячею молитвою къ Богу о правдѣ и о судѣ надъ собою (1—2), тикъ какъ онъ чувствуетъ себя чистымъ и невинымъ (3—6). Тѣмъ болѣе, поэтому, онъ можетъ испрашивать себѣ защиты у Бога (7—9) противъ нечестивцевъ, совершающихъ беззаконія (10—12). Да встанетъ же Господь для пораженія наслаждающихся теперь обиліемъ земныхъ благъ, между тѣмъ какъ праведникъ будетъ наслаждаться радостію въ Богѣ (13—15).

Примѣч. *Тукъ свой затвориша* (ст. 10) перефразируютъ словами: «тучность свою передали пышно». *Тукъ*, жиръ, означаетъ, по замѣчанію однихъ толковниковъ, сердце нечестивцевъ, потому что оно у нихъ какъ-бы совершенно обратилось въ жиръ и потому стало недоступно состраданію и вообще благороднымъ стремленіямъ. Поэтому одни и переводятъ съ еврейскаго: «они затворили сердце свое» (Павскій). Другіе переводятъ: «накопился у нихъ жиръ», т. е. они ожирѣли (ср. Суд. 3, 22). По словамъ Аванасія В. *тукъ* означаетъ весьма великое благоденствіе.—Слова: *избави душу мою отъ нечестиваго: оружіе твое, отъ врагъ руки твоея, Господи, отъ малыхъ отъ земли: раздѣли я въ животъ ихъ и сокровенныя твоя въ чрево ихъ: насытятся сыновъ и оставиша останки младенцемъ* можно перевести яснѣе: «Душу мою освободи отъ нечестиваго, мечъ же твой—отъ враговъ руки твоей. Господи! не многими благами земли надѣли ихъ при жизни ихъ! Сбо наполнилось чрево ихъ изъ хранилищъ твоихъ, пресыщены оны множествомъ чадъ и остатокъ своихъ бо-

гатствъ оставили потомкамъ своимъ». — Въ нѣкоторыхъ греческихъ и латинскихъ рукописяхъ уже во времена Иеронима и Августина, какъ и теперь въ нѣкоторыхъ афонскихъ спискахъ Псалтири, читается: ἐχορτᾶσθυσαν ὑἱῶν, насытитися свиней, вмѣсто ὑἱῶν — сыновъ. Но ни еврейскій текстъ, ни древніе переводы не даютъ намъ права признать справедливость сего чтенія. Основываясь на игрѣ словъ, на сходствѣ и въ письмѣ и въ чтеніи, это выраженіе могло показаться нѣкоторымъ переписчикамъ болѣе правильнымъ по непонятности насыщенія сынами. Но очевидно, что этими словами выражается здѣсь довольство сыновьями, точно также какъ и довольство сокровищами въ первой половинѣ сего стиха; впрочемъ съ еврейскаго можно переводить: *насытятся сыны*, какъ это и сдѣлано у Симмаха.

ПСАЛОМЪ 17.

Надпись этого псалма цѣлкомъ заимствована изъ 2 кн. Царствъ (22 гл.), гдѣ между прочимъ разсказывается объ избавленіи Давида отъ иноплеменниковъ и другихъ враговъ.

Послѣ введенія, въ которомъ высказывается надежда на Бога (2—4), псаломецъ описываетъ страшныя бѣдствія, въ которыхъ онъ находился (5—7) и затѣмъ изображаетъ чудесное свое спасеніе отъ всѣхъ бѣдствій, подъ образомъ сверхъестественнаго богоявленія, совершившагося по молитвѣ его. Поколебалась и потряслась земля. И основанія горъ пошатнулись и поколебались. Ибо Онь прогнѣвался на нихъ. Взылся дымъ отъ гнѣва Его, и огонь отъ лица Его воспламенился. Угли горѣли подлѣ Него. И наклонилъ Онь небеса и сошелъ. И мракъ подъ ногами Его. И возсѣлъ на херувима и понесся, понесся на крыльяхъ вѣтровъ, и мракъ сдѣлалъ покрываломъ себѣ. Вокругъ Его сѣнь Ему — темная вода въ облакахъ воздушныхъ. Отъ блистанія предъ нимъ прошли облака Его, градъ и угліе горящіе. И возгремѣлъ съ неба

Господь, и вышній далъ голосъ свой. Пустилъ стрѣлы и разсѣялъ ихъ. И умножилъ молніи и перемѣшалъ ихъ. И явились источники водъ, и обнажились основанія вселенной... (8—17). Это все Богъ совершилъ для спасенія праведника, угнѣтеннаго бѣдствіями (18—20) въ возмездіе за нелицемѣрное его благочестіе (21—25), такъ какъ Богъ для праведнаго — праведецъ, и мужу неповинному не будетъ обвинителемъ, и для святаго — святъ и развратнаго запинаятъ и очи гордыхъ потупляетъ (21—28). Одинъ Богъ совершенный и падежный защитникъ и Онъ подаетъ праведнику силу для борьбы (29—37), чтобы совершенно побѣдить ему враговъ (38—43). Такъ спасаетъ Богъ и возвышаетъ псалмопѣвца (44—46), чтобы онъ прославилъ Его между язычниками (47—51).

Примѣч. Изображеніе Господа, сходящаго на землю въ грозѣ и бурѣ и сѣдшаго на херувимахъ, какъ на престолѣ, отцы Церкви объясняютъ о сошествіи Иисуса Христа на землю для суда страшнаго; а окончаніе псалма, гдѣ Давидъ называетъ себя христомъ или помазанникомъ Божиимъ, и говоритъ, что исповѣсть имя Божіе предъ народами, есть предъизображеніе Христа-Помазанника Господня, пришедшаго прославить имя Отца небеснаго на землѣ.

ПСАЛОМЪ 18.

Громко небеса, солнце и весь міръ проповѣдуютъ славу Божію (1—7). Но тому же Богу принадлежать откровенное ученіе, откровенный законъ, и поэтому то они доставляютъ утѣшеніе, разумленіе, поэтому они истинны и правы (8—11). Наученный ими и награжденный за исполненіе ихъ, псалмопѣвецъ чувствуетъ, какъ легко впасть человѣку въ грѣхоспаденія и молится о прощеніи ихъ и защитѣ отъ нихъ (12, 13), чтобы быть ему чистымъ и успокоительно оказываешь псаломъ въ сознаніи благоволенія у своего Помощника и Искупителя (14—15).

Примѣч. День дни отрыгает глаголъ—ἐρεῦεται ῥῆμα— день дню передаетъ слово.—Въ сонцѣ положи селеніе свое: и той яко женихъ.. толкуютъ: «въ Иисусъ Христѣ вселилъ всю полноту божества своего», другіе: «солнце положилъ въ селеніи своемъ», т. е. на небѣ, «и оно, какъ женихъ», и проч.—Слова: во всю землю изыде въщаніе ихъ (т. е. небесъ, дни и ночи) и въ концы вселенныя глаголы ихъ ап. Павелъ (Рим 10, 18) относитъ къ проповѣди евангелія апостолами.

ПСАЛОМЪ 19 и 20.

Эти два псалма какъ-бы взаимно поподняютъ другъ друга. Что одинъ обѣщаетъ, то другой представляетъ исполненнымъ; о чемъ тамъ просятъ, о томъ здѣсь радуются. Предметомъ или побужденіемъ написанія сихъ псалмовъ могла быть война Давида съ аммонитянами и сирійцами (2 Цар. 10, 6—19), когда многочисленное войско, подкрѣпляемое колесницами и всадниками, угрожало царю израильскому (2 Ц. 10, 18—Пс. 19, 8.), и когда Давидъ послѣ побѣды надъ аммонитянами возложилъ на свою голову золотой вѣнецъ царя ихъ, украшенный драгоценными камнями (2 Цар. 12, 30—Пс 20, 4). Изложеніе псалмовъ заставляетъ предполагать, что они написаны не Давидомъ, а для Давида, о Давидѣ, что это молитва народа о дарованіи побѣды ихъ царю и благодарность за побѣду

Собравшійся для жертвоприношенія народъ молить Бога о помощи своему царю, при отправленіи его на войну (19, 1—6) и высказываетъ увѣренность въ божественной помощи христу— помазаннику Господню (7—9), и заканчиваетъ повтореніемъ молитвы (10)

Примѣч Въ силахъ спасеніе десницы его значитъ: «могущественна спасительная десница Его».

По окончаніи побѣды народъ привѣтствуетъ своего царя съ получешною имъ божественною помощію, дарованною побѣдою и славою, перечисляя всѣ божественныя благодѣянія и милости, оказанныя ему Богомъ (1—7) и выражаетъ при этомъ свою увѣренность по отношеніи къ царю, что онъ при помощи Божіей побѣдитъ и уничтожитъ своихъ враговъ (8—13), и заключаетъ молитвою къ Богу, сила Котораго должна быть прославляема (14).

Примѣч. Толкователи, переносясь мыслию отъ прообраза Давида къ образу Мессіи, прилагаютъ оба эти псалма къ Мессіи. Такъ слованнныя *познахъ, яко спасе Господь Христа своего* (19, ч.) относятся къ воскресенію Іисуса Христа, который вышелъ побѣдителемъ смерти, хотя казалось и былъ во власти смерти.— Нельзя вполне относить къ Давиду и слѣдующихъ словъ *живота просилъ естъ у тебѣ и далъ сси ему долготу дній во вѣкъ вѣка; велиа слава его спасеніемъ твоимъ, славу и вселеніе возложими на него, яко даси ему благословеніе во вѣкъ вѣка* (20, 5—7). Вѣчная жизнь, спасеніе, сопровождающееся великою славою, вѣчное благословеніе чрезъ него,—все это такія свойства и черты, которыя могутъ принадлежать одному Іисусу Христу.—Слова: *яко положими я хребтъ: во избытцяхъ твоихъ уготовими лице ихъ* значать: «ибо Ты поставилъ ихъ тыломъ. Остальные твои стрѣлы пригодиши для лица ихъ».

ПСАЛОМЪ 21.

Надписаніе сего псалма: *о заступленіи утреннемъ* ὕμνος τῆς ἀντιλήψεως—указываетъ очевидно на содержаніе псалма и означаетъ *настоятельную* (утреннюю—раннимъ утромъ, пс. 5, 4) *молитву о помощи*; святые отцы подъ этою помощію разумѣютъ преимущественно послѣдовавшее *раннимъ утромъ* воскресеніе. Еврейскую надпись: *объ оленіи утреннемъ* объясняютъ: или о невинно преслѣдуемомъ праведникѣ (2 Цар. 1, 19. Прит. 6, 5), которому уже восходитъ утрення заря божественной помощи,

или: по напѣву, мелодіи пѣсни, называвшейся—«объ олени утреннемъ».

Помазанникъ Господень взываетъ къ Богу среди самаго постыднаго уничтоженія и смертельной муки, во время преслѣдованій Саула, подобно тому, какъ нѣкогда имѣлъ взывать на крестѣ распятый Царь Израильскій. На этомъ Царѣ, прообразомъ Котораго былъ Давидъ, въ совершеннѣйшей полнотѣ исполнилось то, на что здѣсь жалуется Давидъ, Его прообразъ. Св. Духъ такъ расположилъ слова Давида, что они буквально исполнились на Иисусѣ Христѣ Распятомъ. Страдалецъ жалуется на продолжительное оставленіе его Богомъ (2—3), которое тѣмъ загадочнѣе, что нѣкогда Господь такъ часто и скоро оказывалъ свою помощь (4—6). Онъ жалуется на свое великое уничтоженіе, чтобы этимъ побудить Господа къ скорой помощи, который Самъ уничижается этимъ (7—9): да отвѣтитъ онъ своею помощію на ту надежду на Бога, которую осмѣиваютъ враги (10—12). Окруженный сильными, жаждущими убійства врагами (13—14), онъ хотъ еще и живъ, но уже какъ бы разлагается во всемъ своемъ существѣ, подобно мертвенцу (15—16): враги окружаютъ его, чтобы онъ не ушелъ, они торжествуютъ надъ нимъ, какъ надъ погибшимъ (17—18). Страдалецъ снова молится объ избавленіи изъ рукъ враговъ (20—22); увѣренный, что его молитва услышана, онъ благодарственно восхваляетъ Бога (24—25) и пророчески возвѣщаетъ другимъ о полученномъ спасеніи (26—27), пророчески объявляя при этомъ, какъ побѣда помазанника повлечетъ за собою обращеніе народовъ и устроеніе царства Божія (28—32).

Начало этого псалма: *Богже, Богже мой, возми ми, вскую оставилъ мя еси*, произнесенное Иисусомъ Христомъ на крестѣ

во время страданій Его (Мѡ. 27, 46, Мр. 15, 34), показываесть, что Самъ Иисусъ Христосъ относилъ этотъ псаломъ къ Себѣ и этими словами говорилъ къ Богу Отцу въ устахъ своего праотца Давида. А дальнѣйшее изображение Его страданій въ этомъ псалмѣ съ такою поразительною вѣрностію воспроизведено евангельскою исторіей, что по замѣчанію отцовъ Церкви, Давидъ писалъ его какъ-бы стоя у креста.—*Азъ есмь червь, а не человекъ, поношеніе человекъ и уничиженіе людей* (7). Такимъ образомъ могъ сказать Иисусъ Христосъ, принявшій зракъ раба и бывшій въ поношеніи у своихъ современниковъ Давидъ же хотя и былъ поносимъ и поругаемъ и подданнымъ и сыномъ, но это поношеніе не такое, какое изображается дальше: *вси видящій мя поругахашася, глаголаша устами, покиваши главою: упова на Господа, да избавитъ его, да спасетъ его, яко хоцетъ* (если любитъ) *его* (8.9). Нельзя не видѣть здѣсь изображение страданій голгоевскихъ, когда *мимоходящии хуляху распятаго, покивающе главами своими, такожде и архіереи ругающеся съ книжники и старцы и фарисси, глаголаху: иныя спасе, себе ли не можетъ спасти, аще царь израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста, и вѣрнемъ въ Него. Упова на Бога,—* прибавляли они, какъ-бы насмѣхаясь не только надъ страдальцемъ, но и надъ Богомъ,—*да избавитъ нынѣ его, аще хоцетъ снуждети бо, яко Божій есмь сынъ* (Мѡ. 27, 39, 41 43). Не много нужно зоркости духовной, чтобы видѣть, какъ буквально исполнялось на Голгоѣ то, что съ трудомъ и не въ полной силѣ можетъ быть прилагаяемо къ Давиду. Вообще нельзя не замѣтить, что какъ ни велики были страданія Давида, какъ ни сильны гоненія на него, но ни кости его не рассыпались отъ страха, ни языкъ его не прилипалъ къ гортани его, ни въ персть смерти онъ не былъ сведенъ своими врагами (ст. 13—16). Если же и сіи слова въ переносномъ и гиперболическомъ смыслѣ будутъ приложены къ Давиду, то слѣдующее дальнѣйшее описаніе можетъ быть приложено къ одному Голгоевскому Страдальцу: *обыдоша мя пси мнози, сонемъ лукавыи одержаша мя* (толпа злыхъ обетупила меня), *ископаша* (евр. *каиру ѳориѳан*, *foderunt*, пронзили) *руцѣ мои и нози мои, исчетоша вся кости моя; тѣи же смотрѣша*

и презрѣша мя. Раздѣлиша ризы моя и о одеждѣ моеи меташа жребій (17—19). Напрасно бы мы искали чегонибудь подобнаго въ обстоятельствахъ жизни Давидовой или придавали какой-нибудь переносный смыслъ яснымъ и опредѣленнымъ выраженіямъ псалма; напрасно и евреи стануть увѣрять насъ, что вмѣсто *пронзили—каару*, нужно читать, *яко левъ—каари*: и переводъ LXX, сдѣланный до времени страданій голгоѣскихъ за три столѣтія, и переводъ сирскій, современный почти апостоламъ и мужамъ апостольскимъ, и древніе равнины еврейскіе, почти до 10-го столѣтія по Р. Х., имѣвшіе въ своихъ рукописяхъ *каару*, и потеря смысла текста съ замѣною этого слова словомъ *каари*,—все доказываетъ намъ, что читать и понимать это слово нужно такъ, какъ оно сказалось фактами на Голгоѣ въ связи съ другими подробностями крестныхъ страданій Иисуса Христа. *Повѣмъ имя твое братіи моей, посреди церкви воспою тя* (23), говоритъ опять псалмопѣвецъ, и ап. Павелъ замѣчаетъ, что Иисусъ Христосъ, сдѣлавшійся начальникомъ спасенія чрезъ свои страданія и приведшій многи сыны въ славу, *не стыдится братією нарицати ихъ, глаголя: возвоиу имя твое братіи моей, посреди церкви воспою тя* (Евр. 2, 10—12). *Идутъ убозѣи и насытятся, и восхваляютъ Господа възскающіи его: жива будутъ сердца ихъ во вѣкъ вѣка* (24). Нищій духомъ и другіе възскающіе Господа, ядущіе отъ трапезы Господней, тѣла и крови Христовой, не только насыщаются, но и будутъ жить вѣчною жизнію. Въ словахъ: *помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли и поклонятся предъ нимъ вся отечествія языкъ, яко Господне есть царствіе, и той обладаетъ языки* (28. 29), изображается, навонецъ, царство Христово, царство Мессіи. Слова: *далече отъ спасенія моего словеса грѣхопаденій моихъ* (2), могутъ быть переводимы яенѣе: «далеко спасеніе мое по причинамъ грѣхопаденій моихъ».—Вмѣсто же словъ (ст. 3): *и не въ безуміе мнѣ, хай оубо еіс ѧνθρωπιν ѧμοι*, въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ, согласно и съ еврейск. текстомъ читается: *хай оубо еіс ѧνθρωπιν ѧμοι—но нѣтъ покоя мнѣ*. Впрочемъ можно толковать *и не въ безуміе мнѣ* слѣд. образомъ: у Меня достаточно основаній молиться о помощи; Мои стра-

данія невыносимы и Я Сынъ Божій; Моя молитва не можетъ быть признана неразумною или безумною.

ПСАЛОМЪ 22.

Псалмопѣвецъ выражаетъ свою увѣренность въ божественной помощи и защитѣ: Господь, какъ пастырь овецъ, пасетъ его на злачномъ мѣстѣ, у тихой воды, водить по стезямъ правды, защищаетъ своимъ жезломъ (1—4); въ виду враговъ Онъ безопасно доставляетъ благоденствіе и свою милостію и благодію сопровождаетъ его во всю жизнь его (5.6).

Примѣч. И чаша твоя уповающая мя, яко державна (*κρατίστον*) значитъ: «п чаша твоя, наповающая меня, есть наилучшая».

ПСАЛОМЪ 23.

Выраженіе: *единяя отъ субботъ*, находящееся въ написаніи сего псалма и переводимое точнѣе: «въ первый день седмицы», есть только въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ и не находится въ еврейскомъ текстѣ. Значеніе такой надписи трудно опредѣлить. Объясняютъ ее тѣмъ, что сей псаломъ относится къ воскресенію Иисуса Христа, которое произошло въ первый день недѣльный. Но этотъ же псаломъ можно относить и къ вознесенію Иисуса Христа, которое произошло въ пятый день седмицы. Псаломъ этотъ написанъ по случаю перенесенія кивота въ Іерусалимъ (2 Цар. 6, 9).

Богъ есть Владыка всей земли, которую Онъ создалъ (1.2). Въ богослужебныя отношенія съ Нимъ можетъ вступить только тотъ, кто живетъ непорочно (3.4 ср. ис. 14) и при этомъ только условіи онъ получаетъ благословеніе и милость отъ Бога и есть истинный богочтецъ (5.6). Съ такою цѣлію Богъ устроилъ и святилище Себѣ и, управляя человѣческою судьбою и всѣмъ міромъ, Онъ входитъ въ свое святилище (7. 8).

Примѣч. Возмите врата князи (верхи) ваша и возмѣтѣся врата вѣчныя: и увидѣте царь славы. Кто есть сей царь славы? Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани. Здѣсь, какъ въ еврейскомъ, такъ и въ греческомъ и славянскомъ, счастливая игра словъ; вмѣсто обращенія ко вратамъ съ приказаніемъ, чтобы они отняли или выспли свои князи (верхніе пороги, какъ это видно у Исаи 6, 4), можно читать: «князи, возвысьте врата ваши» и пр. По изъясненію отцевъ Церкви эти слова произносятся ангелами во время торжественнаго восшествія Иисуса Христа на небо; при чемъ вопросъ: кто есть сей царь славы? не есть выраженіе невѣдѣнія нѣкоторыми ангелами Иисуса Христа, а радостная вѣсть, передаваемая ими другъ другу. Съ такою-же возможностью прилагается сіе выраженіе и къ побѣдному сошествію Иисуса Христа во адъ, когда множество ангеловъ сопровождало Его душу и вопіяло князьямъ адовымъ, чтобы они отверзли врата царю славы; «кто есть царь славы?» вопрошали бѣсы, не признававшіе другаго царя, кромѣ сатаны. — «Господь крѣпкій и сильный, Господь силенъ во брани, той есть царь славы», отвѣчали имъ ангелы. — Могли такъ взывать ангелы и къ душамъ праведниковъ, ожидавшихъ во адѣ сошествія Сына Божія, или-же по изведеніи ихъ изъ ада на небо, сами души праведниковъ могли вопіять ко ангеламъ, охранявшимъ двери райскія: «возьмите врата ваша», — и ангелы, въ недоумѣніи взиравшіе на побѣдоносное шествіе побѣдителя ада и смерти взывали: «кто есть сей царь славы, грядущій во образѣ чловѣка? Въ церковныхъ пѣсняхъ это выраженіе приспособляется къ вознесенію Господа на небо.

ПСАЛОМЪ 24.

Псалмопѣвецъ, въ виду многочисленныхъ своихъ враговъ, взываетъ о помощи ко Господу, на Котораго онъ надѣется (1—5).

Его несчастіе напоминаетъ ему грѣхи его и преступленія и онъ просить у Бога прощенія (4—7); онъ увѣренъ, что Богъ, милосердый къ несчастливцамъ, услышитъ его молитву, укажетъ ему путь закона (*законоположитъ согрѣшающимъ на пути*) (8—11); онъ надѣется на Бога, Который благопріятствуетъ почитающимъ Его (12—15). Повторяя свою молитву и надежду быть услышаннымъ (16—21), псаломѣвецъ въ своей молитвѣ обнимаетъ всѣхъ страждущихъ своихъ соотечественниковъ (22).

Примѣч. Псаломъ этотъ въ сврейскомъ текстѣ написанъ въ азбучномъ порядкѣ.

ПСАЛОМЪ 25.

Созпавая свое благочестіе и свою невинность (1—8), псаломѣвецъ молить Господа не погубить его съ печестивцами (9—11) и заявляетъ, что онъ за сіе возблагодаритъ Господа (12).

ПСАЛОМЪ 26.

Выраженіе въ надписаніи псалма: *прежде помазанія* есть только въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ. По изъясненію бл. Феодорита, этою надписью указывается, что псаломъ сей написанъ прежде втораго помазанія его въ Хевронѣ (2 Цар. 2, 1).

Давидъ признаетъ въ Богѣ свой свѣтъ, свое спасеніе, свою защиту; поэтому онъ ничего не боится и не страшится самыхъ вильныхъ и злобныхъ своихъ враговъ, ополчившихся противъ него (1—3). Но онъ вдали находится отъ святилища, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы онъ могъ приносить Господу жертвы и славословіе: туда стремится онъ, если бы туда Господь побѣдою надъ врагами (6) привелъ его (4—6). Поэтому онъ возсылаетъ къ Богу горячую молитву о помощи (7—9), о сохраненіи его,

одинокого среди враговъ (10—12); поэтому также онъ высказываетъ свою непоколебимую надежду на Бога (13.14).

ПСАЛОМЪ 27.

Псалмопѣвецъ сначала высказывается, что если Богъ его не услышитъ, то онъ совершенно погибнетъ, и поэтому умоляетъ Бога услышать его (1.2). Онъ проситъ наказать беззаконниковъ, но избавить его отъ страданія вмѣстѣ съ ними (3—5). Онъ увѣренъ, впрочемъ, что иначе и быть не можетъ, поэтому онъ прославляетъ Бога, какъ своего помощника и защитника, на Котораго онъ надѣется и Который ему помогаетъ (6.7), и оказываетъ помощь вообще какъ народу, такъ и царю (8). Поэтому онъ къ нему обращаетъ снова свою молитву, чтобы Господь всегда оказывалъ народу свое благоволеніе (9).

ПСАЛОМЪ 28.

Въ еврейской Псалтири вѣтъ надписанія: *исхода скинии*, или какъ въ лат. *in consummatione tabernaculi*, *при окончаніи скинии*. По мнѣнію отцовъ Церкви, надпись эта указываетъ, что Давидъ написалъ этотъ псаломъ по случаю перенесенія ковчега изъ Каріаѳарима на гору Сіонъ (2 Цар. 6, 17), хотя, по замѣчанію бл. Феодорита, подобной мысли вовсе не заключается въ псалмѣ.

Псалмопѣвецъ сначала приглашаетъ духовный міръ (сыновъ Божіихъ) принести Господу славу и честь и жертвы (сыны овны), какъ прибавлено въ переводѣ LXX (1.2). За тѣмъ Онъ изображаетъ величіе Божіе, открывающееся въ грозѣхъ и въ дѣйствіяхъ ея на морѣ, на горахъ, въ пустынѣхъ и въ лѣсахъ, и возбуждающее людей къ прославленію Бога во храмѣ (3—9). Въ заключеніе онъ присовокупляетъ, что Богъ вѣчно, какъ Царь, возсѣ-

даетъ на престолѣ, какъ возсѣдалъ во время потопа (10), и даетъ силу народу своему и благословить народъ свой миромъ (11).

Примѣч. Слова: *и истинитъ я яко тельца ливанска, и возлюбленнѣй яко сынъ единорожь* (6) переводятъ: Господь сокрушитъ (огромные) кедры ливанскіе также легко, какъ молодого тельца или какъ дѣтей единорога, любезныхъ для ихъ матери. Съ евр. нѣсколько иначе: когда Господь гремитъ и сокрушаетъ кедры, то они скачутъ отъ него, какъ телець, Ливанъ и Ширіонъ (Аермонъ, см. Втор. 3, 9), какъ молодой единорогъ (или буйволъ).—*Пустыня каддійская* (8), пли *Кадесъ*—пограничная съ южною частію Палестины часть аравійской пустыни.—*Гласъ Господень свершающій елени*, съ евр. «Гласъ Господа разрѣшаетъ отъ бремени ланей». Есть древнее мнѣніе, что нѣкоторые животныя, особенно олени, нечаянно испуганные львомъ пли громомъ, разрѣшаются отъ бремени.—*Свершать* толкуютъ «способствовать родамъ» которые у оленей бываютъ очень трудны (Іов. 39, 3.).

ПСАЛОМЪ 29.

Надпись: *обновленія дому*, пли съ евр. «освященіе дома» не указываетъ ясно ни на одно событіе изъ жизни Давида. Наиболее вѣроятно то предположеніе, что здѣсь разумѣется освященіе жертвенника на гумнѣ Орны іевусеяннина (2 Цар. 24, 25. 1 Пар. 21, 26), по случаю извы, постигшей Іерусалимъ, на что можно находить указаніе въ псалмѣ.

Псалмопѣвецъ возноситъ Богу благодареніе за избавленіе отъ великой опасности, за сохраненіе жизни въ опасности смертной, послѣдовавшее за его молитвою къ Богу (3.4). Но это была не личная только его одного опасность, но всеобщая, поэтому онъ приглашаетъ всѣхъ благочестивыхъ прославлять Господа (5) за скорое избавленіе отъ страданій (6). Псалмопѣвецъ, наслаждаясь

благоденствіемъ, горделиво говорилъ: „непоколеблюсь во вѣбъ!“ и вотъ Господь отвратилъ отъ него свое лице и на него напалъ страхъ (7.8). Теперь же онъ обращаетъ свою молитву къ Богу (9—11), и Богъ быстро перемѣнилъ его плачь въ радость, и поэтому онъ всегда будетъ прославлять Господа (12.13).

Примѣч. Яко *гнѣвъ* въ ярости его и *животъ* въ волю его (6), съ евр. «на мгновеніе гнѣвъ Его на всю жизнь благоденствіе Его». Бл. Феодоритъ слова *гнѣвъ ярости Его* толкуетъ: наказаніе, происходящее отъ ярости Божіей на грѣхи.

ПСАЛОМЪ 30.

Слово *изступленія*, стоящее въ надписи псалма, не находится въ евр текстѣ; его не было и во многихъ греческихъ рукописяхъ LXX; и потому думаютъ, что оно взято изъ 23-го стиха, гдѣ читается: *азъ же рѣчь во изступленіи моемъ*. Подъ изступленіемъ же этимъ нужно разумѣть вѣроятнѣе всего то душевное состояніе, которое долженъ былъ испытывать Давидъ, когда Саулъ приказалъ Ионафану и всѣмъ слугамъ своимъ умертвить Давида (1 Цар. 19, 1).

Псаломъ начинается молитвою къ Богу о спасеніи (2—5), такъ какъ псалмопѣвецъ всецѣло надѣется на Бога и радуется о милости Его (6—9), и за тѣмъ изображаетъ свои тяжелыя страданія и великія опасности, противопоставить которымъ онъ можетъ только свою надежду и молитву (15—19). Надежды и молитвы онъ и теперь не долженъ оставлять, такъ какъ не смотря на нѣкоторыя его сомнѣнія, Господь оказывалъ ему свою милость (20—23). Поэтому онъ обращается ко всѣмъ праведникамъ съ призывомъ любить Бога и надѣяться на Него (24.25).

Примѣч. Въ прообразовательно-пророческомъ смыслѣ этотъ псаломъ можетъ быть приложенъ къ Іисусу Христу. Слова: *въ руцѣ твои предложу* (предая) *духъ мой*, были

произнесены Иисусомъ Христомъ на крестѣ (Лук 23, 46), св Стефаномъ побиваемымъ камнями (Дѣя. 7, 59).

ПСАЛОМЪ 31.

Слово: *разумѣ*, или ученія, наставленія, стоящее въ надписаніи псалма, означаетъ поучительное содержаніе его. Толковники полагаютъ, что этотъ псаломъ написалъ Давидомъ послѣ грѣхопаденія его съ Вирсавіей.

Въ сознаніи прощенія совершенныхъ грѣховъ, въ чувствѣ облегченія отъ грѣховной тяжести, псалмопѣвецъ выражаетъ блаженство человѣка, достигшаго прощенія отъ Бога своихъ грѣховъ (1.2). Затѣмъ онъ обращается къ изображенію своего состоянія, въ какомъ онъ находился, когда еще не исповѣдывалъ своихъ грѣховъ, когда еще не молилъ Бога о прощеніи ихъ (3.4). Когда же онъ пришелъ въ сознаніе, то исповѣдалъ предъ Богомъ свои преступленія и Богъ простилъ его (6). Поэтому онъ на основаніи собственнаго опыта высказываетъ вообще, что за покаяннымъ исповѣданіемъ грѣховъ слѣдуетъ спасеніе и помощь Божія (6.7). Съ этимъ онъ соединяетъ наставленію, что упорное ожесточеніе грѣшника несмысленно, заслуживаетъ наказанія и привлекаетъ много бѣдствій (8—10), и заключаетъ обращеніемъ къ праведникамъ радоваться и торжествовать о Господѣ (11).

Примѣч. *Возвратихся на страсть, егда узне ми тернь* (ст. 4, исиѣ съ греческаго можно переводить: «обратился (къ Богу) въ страданіяхъ, когда узне ми тернь (бѣдствій»). Съ еврейскаго этотъ стихъ переводится еще яснѣе: «потерялась свѣжесть во мнѣ, какъ въ лѣтнія жары», что соотвѣтствуетъ и первой половинѣ стиха: *обстѣшаши кости мои.*

ПСАЛОМЪ 32.

Послѣ торжественнаго призыва хвалить Господа (1—3), псаломѣвецъ показываетъ сначала въ Богѣ высочайшую любовь, правду и истину (4,5) и потомъ величественно изображаетъ Бога, какъ Творца (6—9) и Промыслителя (10—15). Изъ всего этого онъ выводитъ заключеніе, что не силою оружія рѣшается судьба человѣка, но что Богъ спасаетъ только боящихся Его (16—19). И такъ какъ прославляющіе Господа уповаютъ на него, то для нихъ несомнѣнна божественная милость (20—22).

Примѣч. Въ словахъ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ*—толкователи видятъ указаніе на участіе въ твореніи всехъ лицъ пресвятой Троицы, Отца Творца, Слово Божіе—творческую премудрость и животворящаго Духа.—Выраженіе: *рече и быша, повелѣ и создашася* есть одно изъ величественныхъ и сильныхъ изображеній Божія могущества.—*Ложь конь во спасеніе съ евр.* «ненадеженъ для спасенія конь».

ПСАЛОМЪ 33.

Трудно опредѣлить, на какое обстоятельство изъ жизни Давида указываетъ надпись этого псалма: *всегда измѣни лице свое предъ Ахимелехомъ: и отпусти его, и отыде.* Лице *Ахимелеха*, какъ читаютъ почти все греческіе, латинскіе и еврейскіе экземпляры Псалтири, и *Ахимелеха*, какъ думаетъ бл. Иеронимъ и другіе толкователи, почти неизвѣстно. Ахимелехъ есть имя первосвященника въ Номвѣ, давашаго Давиду хлѣбы предложенія и мечъ Голіаѳа. Но едвали въ надписи псалма разумѣется этотъ Ахимелехъ. Скорѣе здѣсь можно признать Анхуса Гевскаго царя, у котораго Давидъ искалъ защиты, но, будучи узнавъ, долженъ былъ *измѣнить* лице свое, чтобы избѣжать гнѣва филистимлянъ (1 Чар. 21, 13).—По мнѣнію Ва-

емліи В., Анхусъ названъ Авимелехомъ потому, что имя Авимелехъ было нарицательное имя филистимскихъ царей, какъ фараонъ-египетскихъ, кесарь-римскихъ. Псаломъ написанъ въ азбучномъ порядкѣ

Давидъ прославляетъ Господа въ введеніи въ псаломъ (2—4) за дарованное ему спасеніе (5—7) и благодатное охраненіе, подл которнмъ находятя все свитые Божіи (8—11) и приглашаетъ всехъ, посредствомъ страха Господня (12—15), достигать спасенія, когда нечестивые получаютъ наказаніе (16—23).

Примѣч. Божіи обнищана и взалкала, взыскающе же Господа не лишится всякаго блага (11)—съ евр. читается: «слвы бѣдны и голодны, а ищуще Господа не скудны ни въ какомъ благѣ».

ПСАЛОМЪ 34.

Давидъ, преслѣдуемый врагами, жалуется Господу на своихъ враговъ и просить у Него помощи противъ несправедливо нападающихъ на него, обѣщая благодарить Господа за избавленіе (1—10). Изобразивъ злобу и гордость своихъ враговъ, бывшихъ нѣкогда его друзьями (11—16), онъ снова повторяетъ свою молитву и обѣщанія благодарности, не переставая при этомъ обвинять своихъ враговъ и желать имъ гибели (17—28).

Примѣч. Св. Отцы относятъ псаломъ сей къ Іисусу Христу. Въ немъ Спаситель проситъ казни и суда врагамъ, нападавшимъ на Него.

ПСАЛОМЪ 35.

Много злобы распространено между людьми; нечестіе, лицемеріе, обманъ и беззаконіе замышляются и исполняются (2—5). Тѣмъ величественнѣе сіяетъ образъ Божій; безконечны Его бла-

гость, истина, правда и милость, оказываемыя Имъ благочестивымъ (6—10). Да продлитъ же Господь милость свою знающимъ Его, чтобы злые не могли сдѣлать имъ вреда, и чтобы они сами такъ пали, чтобы имъ уже не встать.

Примѣч. Глаголетъ пребеззаконный соотрѣпати въ себя, т. е. человекъ презирающій законъ Божій, думаетъ въ сердцѣ своемъ,—что никто не видитъ порочныхъ его склонностей и грѣховъ.— *Яко умти предъ нами обрѣсти беззаконіе свое, и возненавидѣти*, точнѣе переводитъ: «потому что онъ дѣйствовалъ коварно, такъ что его неправда встрѣтитъ только ненависть». Съ евр. еще яснѣе: «но онъ льститъ себѣ въ глазахъ своихъ, вмѣсто того, чтобы признать свое беззаконіе и возненавидѣть».

ПСАЛОМЪ 36.

Не должно завидовать счастью нечестивцевъ, оказывать нетерпѣніе въ виду ихъ благоденствія, а пушно имѣть увѣренность въ помощи Божіей: (1—8). Счастіе нечестивцевъ не продолжительно (9—11) и замыслы ихъ противъ праведниковъ не удадутся (12—15). Отсюда наставленіе: стоять въ правдѣ,—ибо Богъ праведенъ и покровительствуетъ добрымъ (27—33),—надѣяться на Бога и не уклоняться съ праваго пути, ибо грѣшники погибаютъ, а праведники торжествуютъ (34—48).

Примѣч. Псаломъ этотъ написанъ въ алфавитномъ порядкѣ. Выраженіе: *врази же Господни, купно прославится имъ и вознесется, исчезающе яко дымъ исчезающіи* (20), яснѣе переводится: «враги Господа, которые вмѣстѣ и славятся и превозносятся, печезаютъ, какъ дымъ»

ПСАЛОМЪ 37.

Въ еврейскомъ надписаніи сего псалма нѣтъ слова: о *субботѣ* а только: *пѣснь Давидова, въ воспоминаніи*; но LXX

присовокупил и о *субботѣ* бл. Августинъ и св. Григорій Двоесловъ думаютъ, что этотъ псаломъ, какъ одинъ изъ покаянныхъ, «написанъ кающимся Давидомъ въ воспоминаніе субботы, т. е. покоя, потеряннаго въ состояніи невинности, и обѣщаннаго въ воскресеніи праведныхъ». Сходство этого псалма и по содержанию и по выраженіямъ съ 6-мъ псалмомъ даетъ поводъ догадываться, что онъ былъ написанъ Давидомъ во время гоненія Авессалома или въ другихъ подобныхъ обстоятельствахъ.

Псалмопѣвецъ проситъ у Бога пощады въ своихъ страданіяхъ, такъ какъ рука Божія уже отяготѣла на немъ (2.3). Онъ откровенно исповѣдуетъ сначала свои грѣхи, за которыя терпитъ тяжелыя страданія въ своемъ тѣлѣ (4—6) и указываетъ за тѣмъ свои душевныя болѣзни, служащія причиною тѣлесныхъ (7—11). Доселѣ онъ смотрѣлъ на *внутреннее* свое положеніе и состояніе. Теперь онъ обращаетъ свой взоръ на *внѣшнее* свое положеніе и изображаетъ отношеніе къ себѣ своихъ друзей и враговъ (12.13) и свою невозможность и нежеланіе защищаться противъ нихъ, при увѣренности, что Богъ заступится за него (14—16). Въ заключеніе онъ снова повторяетъ все, что его тяготитъ, свои страданія, сознаніе своей виновности, поведеніе своихъ ложныхъ друзей и враговъ (14—16) и присоединяетъ молитву, чтобы Богъ не оставлялъ его, помогъ ему (22.23).

Примѣч. Яко *лядвія* моя наполнишася *поруганій* съ евр. переводится: «Ибо внутренности мои наполнились огнемъ». *Лядвія* по греч. ψαλα—значитъ *чресла, бедра, поясница*. «Подъ словомъ *лядвія*, говорятъ бл. Феодоритъ, Давидъ даетъ разумѣть похотѣнія; потому что въ чреслахъ находятся почки, въ которыхъ естественно возбуждаются пожеланія». Эти-то постыдныя и гнусныя пожеланія и названы *поруганіями*. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ греческаго текста вмѣсто αὶ ψαλα стоитъ ἡ ψαλα, что не противорѣчитъ общему ходу мыслей въ текстѣ.

ПСАЛОМЪ 38.

Надпись этого псалма: *съ конецъ, Идиѳуму, пѣснь Давиду*, новѣйшіе переводятъ: начальнику хора-Идиѳуму, пѣснь Давида. Въ подтвержденіе сего указываютъ на Идиѳума, который вмѣстѣ съ Еманомъ, прославилъ Бога: игралъ на трубахъ, кимвалахъ и разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ (1 Пар. 16, 41, 42) и который въ другихъ мѣстахъ называется Еманомъ (Пар. 14, 19, 6, 44). Но еврейская надпись можетъ означать или *о Идиѳумъ*, какъ встрѣчается въ древнихъ латинскихъ рукописяхъ, или даже *на Идиѳумъ*, подъ которымъ разумѣютъ уже названіе какого-нибудь инструмента, можетъ быть изобрѣтеннаго Идиѳумомъ. Первое мнѣніе, конечно, вѣроятнѣе.

Преслѣдуемый врагами, псалмопѣвецъ долго удерживалъ свои жалобы, но наконецъ высказываетъ ихъ въ молитвѣ къ Богу (2—4), изображая кратковременность, суетность и ничтожество человѣческой жизни (5—7). Единственное утѣшеніе при этомъ въ жизни — надежда на Господа и онъ проситъ помощи у Бога, чтобы жизнь его не погибла (8—14).

ПСАЛОМЪ 39.

Псалмопѣвецъ начинаетъ прославленіемъ Господа за свое славленное спасеніе (1—6). Какъ же ему благодарить за это Господа? — Не жертвами, но послушаніемъ (7—9) и всенароднымъ исповѣданіемъ Господа (10.11). Ради грѣховъ своихъ онъ долженъ просить о новой милости и помощи Божіей (12—16): онъ знаетъ, что Господь не откажетъ ему въ нихъ, и уже теперь прославляетъ за это Господа (17—18).

Примѣч. Ап. Павелъ (Евр. 10, 5—7) слова сего псалма: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же свершилъ ми еси: всесожеженій и о грѣсъ не вѣдѣхъ*

еси. Тогда рыхъ: се прииду, во главизнь книжнь писано
 есть о мнѣ, еже сотворити волю твою Боже мой восхо-
 тьхъ (7, 9), предлагаетъ къ Иисусу Христу, говоря, что
 Иисусъ Христосъ, входя въ міръ для воплощенія сказалъ
 эти слова. Замѣчательна при этомъ разность еврейскаго
 и греческаго текстовъ въ словахъ: *тѣло же ми свершили*
еси, по евр: *уши мнѣ повертѣль*, или какъ другіе пере-
 водить, приготовилъ, заставилъ слушать. Ап. Павелъ,
 приводя этотъ текстъ по греческому переводу, освятилъ
 его важность и достоинство. Разность же въ словахъ объ-
 яняется внутреннимъ значеніемъ выраженія. У евреевъ
 былъ обычай, утвержденный, впрочемъ, закономъ, чтобы
 рабъ-еврей, не желающій оставить своего господина въ
 годъ субботній, когда прекращалось право владѣнія рабами
 евреями, приходя въ скитіи свидѣнія,—и тамъ
 на порогѣ скитіи ему прокаazyвалось шиломъ ухо въ знакъ
 вѣчнаго рабства (Исх. 21, 5, 6 Втор. 15, 17). Въ при-
 ложеніи къ Иисусу Христу этотъ законъ можно объяснять
 такъ: когда наступило время искушенія человечества,
 лѣто спасенія, или субботы для земли, однородный Сынъ
 Божій, принявшій на себя отвѣтственность за падшій родъ
 человѣческій, рѣшился принять на себя рабій зракъ, т. е. об-
 лечься въ тѣло человѣка, и остаться въ немъ на вѣки.
 Какъ для доказательства вѣчнаго рабства у евреевъ про-
 калывали уши, такъ для доставленія человечеству вѣчнаго
 спасенія Господь принимаетъ на всегда плоть человѣка.
 Ап. Павелъ могъ посему сказать, что Иисусъ Христосъ,
 вмѣсто прокалыванія ушей, принялъ на себя тѣло, какъ
 знакъ вѣчнаго рабства или пребыванія въ рабствѣ зракѣ.
 Арабскій переводъ соединяетъ оба эти выраженія вмѣстѣ
 и такимъ образомъ доказываетъ, что уже въ древности
 смыслъ этого мѣста въ псалмѣ и посланіи къ Евреямъ
 былъ понимаемъ именно такъ.—Что касается выраженія
во главизнь книжной, то подъ этою главизною разумѣютъ
 или начало Книги псалмовъ, гдѣ говорится, что воля пра-
 ведника въ законъ Господни (Пс. 1, 2), или начало Биб-

ліи, гдѣ при сотвореніи чловѣка уже рѣшается вопросъ объ искупленіи его чрезъ Иисуса Христа (Быт. 1, 26, 3. 22), или просто книгу закона, книгу св. Писанія, гдѣ какъ предписывались жертвы и всесоженія, такъ и доказалась недостаточность ихъ безъ внутренней чистоты.—Окончаніе этого псалма повторяется буквально въ 69 псалмѣ.

ПСАЛОМЪ 40.

Кто оказываетъ состраданіе къ несчастнымъ, тотъ самому себѣ приобретаетъ этимъ божественную милость, спасеніе въ случаѣ несчастія, защиту противъ ярости своихъ враговъ, выздоровленіе, когда немощи тѣлесныя повергаютъ на одръ болѣзни (2—4). Псалмопѣвецъ, сердце котораго всегда было полно состраданія, находится въ такомъ положеніи, которое даетъ ему полномочіе на полученіе награжденія за свою сострадательную любовь. Онъ находится въ несчастіи, его окружають злобные враги, ищущіе его погибели (5—10). По этому онъ обращается къ Богу съ молитвою о помощи, и увѣренный въ полученіи просимого, высказываетъ въ заключеніе радостное ожиданіе (11—13).

Примѣч. Ев. Іоаннъ (13, 18), передавая намъ послѣднюю бесѣду Иисуса Христа съ учениками на тайной вечери, говоритъ, что Иисусъ Христосъ Самъ приложилъ къ Іудѣ-предателю слова сего псалма: *хлбъ мой возвеми на мя запитаніе* (пяту). И въ самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ Іоаннъ Богословъ, когда Иисусъ Христосъ, омочивъ кусокъ хлба въ соли, подаль его Іудѣ, то сейчасъ вошелъ въ него сатана и Іуда послѣ того вышелъ, чтобы предать Иисуса Христа (Іоан 13, 26—30).— *Слово законопреступное возложиша на мя: ода снй не приложитъ воскреснути.* Эти слова также могутъ относиться къ Иисусу Христу, на котораго взводили евреи клевету въ нарушеніи имъ закона, въ обѣщаніи разрушить храмъ, въ изгнаніи имъ бжсовъ силою вселъзвуда, въ покусеніи учениковъ ук-

расть тѣло Іисуса Христа съ цѣлію выдать Его за воскресшаго,—и какъ на преступника закона возложили преступное опредѣленіе умертвить Іисуса Христа. Псаломъ этотъ имѣетъ близкое сходство съ Пс. 34 и 54. Этимъ псалмомъ оканчивается первая книга Псалтири по еврейскому дѣленію, что означается словами: буди, буди, по евр. аминь, аминь, которыя вѣроятно произносились народомъ по окончаніи чтенія этой части во храмѣ.

Часть вторая (41—71).

Вторая книга Псалтири начинается рядомъ псалмовъ, которые надписываются: *въ конецъ сыномъ Кореовымъ*, или *о сыновѣхъ Кореовыхъ*,—съ прибавленіемъ иногда, *въ разумъ*, т е ученіе, наставленіе, или слова, означающаго музыкальное орудіе. Такихъ псалмовъ здѣсь семь: 41, 43—48; но къ нимъ нужно присоединить и 42, который по еврейски не имѣетъ надписи и, какъ легко видѣть изъ чтенія, есть продолженіе псалма 41-го. Сыновья Кореовы, потомки дѣтей извѣстнаго во время Моисея возмутителя (Числ. 16 гл.), оставшіеся въ живыхъ (Числ. 26, 11), сдѣлавшіеся во времена Иосафата пѣвцами (2 Пар. 20, 19),—по всей вѣроятности жили во время плѣна, какъ это можно видѣть изъ содержанія нѣкоторыхъ псалмовъ, имъ принадлежащихъ (43, 12). Большинство толковниковъ думаютъ, что они сами были творцами спѣхъ псалмовъ, а не только пѣвцами и хранителями. Если I.XX считали ихъ псалмы 41 и 42 Давидовымъ, то или по высотѣ ихъ содержанія, или какъ произведенія, посвященныя Давиду, написанныя въ подражаніе ему.

ПСАЛОМЪ 41.

Находясь вдали отъ святилища и въ такихъ обстоятельствахъ, которыя служили знакомъ божественнаго отверженія, псалмопѣвецъ выражаетъ горячее желаніе, чтобы ему снова открытъ былъ доступъ въ святилищу и въ милости Божіей. Поре его еще болѣе

усиливается насмѣшками его враговъ, которые изъ его удаленія отъ святилища заключали о правильности его отношенія къ Богу (2—4), а также воспоминаемъ о прежней счастливой его жизни, объ участіи въ праздничныхъ богослуженіяхъ (5). Но и среди душевнаго безпокойства, вѣра его взываетъ: „уповай на Бога“, и обѣщаетъ, что псаломѣвецъ будетъ пѣкогда благодарить Господа за свое спасеніе (6). Тяжелыя бѣдствія гнетутъ его, и хотя при немъ всегда милость Божія и молитва къ Богу, однако онъ долженъ выказывать предъ Господомъ: „зачѣмъ Ты меня забылъ? и зачѣмъ я остаюсь подъ гнетомъ враговъ, насмѣшливо спрашивающихъ меня: гдѣ Богъ твой (7—11)? Онъ можетъ только утѣшаться надеждою на Бога, Который пѣкогда еще поможетъ ему (12).

Примѣч. «Имя *Ермонимъ* съ евр. толкуется собраніе или множество холмовъ, прилежавшихъ къ великой горѣ Ермону». *Бездна бездну призываетъ во гласъ злыбій твоихъ: вся высоты твоя и всаи твоя на мнѣ предстоиша* (8). Этимъ образнымъ выраженіемъ изображается какъ тяжесть, такъ и множество бѣдствій, которыя подобно волнамъ слѣдовали одно за другимъ, такъ что имъ не было ни конца, ни мѣры.

ПСАЛОМЪ 42.

Псаломѣвецъ молится, чтобы Богъ помогъ ему противъ враговъ его (1.2) и возвратилъ его ко храму (3.4), утѣшая себя при этомъ надеждою на исполненіе своей молитвы (5).

ПСАЛОМЪ 43.

Псаломѣвецъ обращается къ событіямъ прошедшаго времени, когда Богъ помогалъ Израилю въ завоеваніи и обладаніи страню ханаанскою (2—4). На основаніи этихъ прошедшихъ милостей, онъ проситъ, чтобы Господь и теперь помогъ Израилю, ибо только

божественною силою, а не оружіемъ, можетъ Израиль побѣдить своихъ враговъ (6—9). Но теперь Господь отвратился отъ Израиля, не доставляетъ ему побѣды; Израиль побѣждается врагами, которые грабятъ его, многихъ убиваютъ и уводятъ въ плѣнъ, такъ что Израиль терпитъ великій стыдъ и поношеніе (10—17). И все это терпитъ онъ однако не за нарушеніе божественнаго завѣта, не за идолослуженіе, но за приверженность къ своему Богу (18—23). Поэтому псалмопѣвецъ молится, чтобы Господь пришелъ на помощь и избавилъ Израиля (24—27).

Примѣч. Слова: «Отдашь еси люди твои безъ цѣны, и не бѣ множество плъ *воскличанія*хъ (ἐν ταῖς ἀλαλάγμασιν) нашихъ» (αὐτῶν—ихъ) яеіѳѳ читаются въ пѣноторыхъ рукописяхъ съ перемѣною слова ἀλαλάγμασιν на ἐν ἀλλαγμᾶσιν αὐτῶν—въ *измѣненія*хъ *ихъ*, т. е. въ замѣнъ народа твоего не дано было много цѣны,—какъ и въ еврейскомъ и какъ въ первой части стиха.

ПСАЛОМЪ 44.

Въ надписаніи этого псалма выраженіе—*о возлюбленномъ*, по евр. аз—*тошаникъ* означаетъ *цвѣтокъ лиліи* или *музыкальное орудіе*, пѣвшее форму сего цвѣтка.—Слова: *о возлюбленномъ*—*ширъ іедидомъ*. пѣснь любви,—относится къ Соломону, который названъ Наоаномъ *Iedidia*—возлюбленный Богомъ (2 Цар. 12, 25); но въ рѣше—брачная пѣснь, воспѣтая подругами невесты. Думаютъ, что поводомъ къ написанію сего псалма послужила желитба Соломона съ дочерью египетскаго царя

Псалмопѣвецъ воспѣваетъ эту пѣснь, воодушевляясь любовію къ царю, который *прекраснѣе сыновъ человѣческихъ*, у котораго благодать изливается изъ устъ и котораго Богъ благословляетъ (2, 3). Вѣчно благословенный, онъ съ высочайшею красотою соединяетъ и величайшую силу. Отъ—*сильный*, и потому пѣвецъ проситъ, чтобы онъ помогъ доброму въ борьбѣ противъ зла (4—6).

Онъ Богъ (ср. 2, 10. Ис. 9, 5. 10, 20), *праведенъ*, и поэтому наслаждается радостію, какъ ни одинъ царь земной (7.8). Нѣтъ сравненія радостямъ этого царя—*жениха*, въ день его обрученія (9.10). Невѣста должна забыть свой народъ, отечественный домъ, все естественныя отношенія и всецѣло отдаться царю; въ награду она будетъ имѣть любовь царя и почтеніе народовъ (11—13). Затѣмъ псалмопѣвецъ описываетъ, какъ невеста водится къ царю въ его дворецъ въ качествѣ его супруги (14—16). Отъ этого союза происходитъ царскій родъ, между которымъ Господь раздѣлитъ владычество земли (17.18).

Примѣч. Ап. Павелъ слова сего псалма (7 и 8 ст.): *престоль твой Боже... причастникъ твоимъ* относить къ сыну Божію (Евр. 1, 8. 9). По мнѣнію же толковниковъ, весь псаломъ прообразовательно—пророчески изображаетъ будущій союзъ дочери Сіона (Израиля) съ царемъ Мессіей. Изображаемый въ псалмѣ царь—красивѣйшій добротю паче сыновъ человѣческихъ, называется, далѣе, Богомъ и о немъ говорится, что онъ царствуетъ петны ради и кротості и правды, что престоль его вѣченъ что онъ любитъ правду и ненавидитъ беззаконіе, что онъ помазанъ елеемъ радости болѣе всѣхъ соучастниковъ, болѣе всѣхъ другихъ царей. Въ этомъ изображеніи нельзя не видѣть Мессіи—царя. Также славна и величественна царица, за которою приводится толпы дѣвъ, которой имя воспоминается въ роды вѣчные и славится всѣми народами, и которая въ золотыхъ ризахъ предстоитъ одесную царя. Въ этомъ изображеніи нельзя также не видѣть изображенія Пречистой Матери Божіей—дѣвы, царицы неба и земли, вѣчно славимой всѣми, а равно и Церкви Христовой невесты царевой.—Въ началъ псалма пророкъ говоритъ, что *языкъ* его есть *трость книжника скоротисца*, т. е. служитъ только орудіемъ высшей дѣйствующей силы св. Духа.—Выраженіе—*смирна* и *стакти* и *касія* отъ *тяжестей* (храмовъ), *слоновъ*, *изъ нозъ же* *возвращаща ты*, значать: «смирна

и алое и корица (пахнуть) отъ ризъ твоихъ при выходѣ изъ чертоговъ слоновой кости, гдѣ происходятъ увеселенія».

ПСАЛОМЪ 45.

Господь есть защитникъ израильтянъ; поэтому они ничего не боятся и въ самыхъ великихъ опасностяхъ остаются покойны (2—8). Происходили опустошительныя войны, но Богъ даровалъ миръ (9—12).

Примѣч. Рѣчная устремленія вселятъ градъ Божій, т. е. хотя бы воды морскія вознеслись до небесъ и сильнымъ устремленіемъ своимъ испровергли самыя горы, но городъ Божій пребудетъ спокоенъ и радостенъ, будучи доволенъ своими малыми петочниками; въ этомъ случаѣ писатель приспособляетъ рѣчь къ малому потоку, текущему изъ Силоама и проходящему чрезъ городъ Иерусалимъ.

ПСАЛОМЪ 46.

Псалмопѣвецъ призываетъ всѣ народы къ торжественному прославленію (2), потому что Онъ есть страшный и великій царь всей земли (3), какъ это открывается изъ побѣды, дарованной Имъ своему народу надъ многими народами и защиты, оказанной Имъ своей землѣ (4.5). Обязавши могущественную помощь своему народу, Господь возвращается въ свое небесное жилище: псалмопѣвецъ призываетъ всѣхъ къ прославленію Господа, царя всей земли, при возшествіи Его на небо (6—8). Богъ царствуетъ надъ язычниками и сидитъ на своемъ святомъ престолѣ: это доказали упомянутыя божественныя дѣла и псалмопѣвецъ видитъ уже, какъ языческіе цари собираются признать Господа своимъ Богомъ (9.10).

Примѣч. По мнѣнію толковниковъ этотъ псаломъ изображаетъ вознесеніе Иисуса Христа, когда ангелы, видя

Господа, восходящаго на небо въ восклиновеніяхъ и во гласѣ трубномъ, взывали другъ ко другу: *пойте Богу нашему и проч.*

ПСАЛОМЪ 47.

Слова надписанія: *вторая суббота* вѣроятно указываютъ на употребленіе сего псалма во второй день седмицы.

Псаломъ представляетъ благодарственную пѣснь Господу за избавленіе народа Божія изъ великой опасности. Пѣвецъ сначала прославляетъ высокое достоинство и значеніе Іерусалима, какъ города Божія (2—5). Потомъ онъ обращается къ обстоятельству, въ которомъ открылось это достоинство Іерусалима. Непріятельскіе цари собрались противъ Іерусалима, но едва только они увидѣли его тотчасъ предались бѣгству (6—9). Поэтому Господь прославляется по всей землѣ, а особенно на Сіонѣ (10—12), такъ какъ онъ остался совершенно цѣлымъ и невредимымъ, для удостовѣренія въ чемъ псалмопѣвецъ совѣтуетъ точно осмотрѣть всѣ части его, чтобы потомъ передать все это на память потомству (13—15).

Примѣч. *Благодороуемъ радваніемъ вся земля*—ἐὐφροσύνη ἀγαλλιάματι πάσης τῆς γῆς, по связи съ первымъ стихомъ значить: Ведій Господь... во градъ (Іерусалимъ)... благоудороуемъющій его на радость всей земли.—*Ребра сѣверова* съ евр. «на сѣверной сторонѣ» горы Сіонской расположенный Іерусалимъ. По славянскому тексту: *горы Сіонскія* суть какъ *ребра сѣверова* (съ греч. Боревы): похвала горѣ, которая хотя положеніе свое имѣла на сѣверѣ, но это нисколько красоты ея не уменьшало.

ПСАЛОМЪ 48.

Послѣ введенія, въ которомъ псалмопѣвецъ обращаетъ вниманіе читателей или слушателей на свою пѣснь (2—3), изобра-

жаются суетность счастія, особенно богатства грѣшника, такъ какъ это не освобождаетъ его отъ смерти и сокровища свои онъ долженъ оставить другимъ (6—13). Грѣшники погибаютъ, а праведники занимаютъ ихъ мѣсто. Богъ освобождаетъ душу праведниковъ отъ преисподней и пріемлетъ ее Себѣ (14—16). И такъ пужно быть покойнымъ, когда нечестивецъ богатѣетъ и повидимому наслаждается: онъ умираетъ и все погибаетъ (17—21).

Примѣч. Выраженіе: *братъ не избавитъ, избавитъ ли человекъ? Не дастъ Богу измысла за ся и цѣну избавленія души своєю* (8), показывающее необходимость смерти для всехъ людей, по справедливости относится къ Иисусу Христу, который одинъ сталъ искупительною жертвою за людей для спасенія ихъ отъ смерти. Посему псалмопѣвецъ прибавилъ, что только Богъ избавляетъ душу его изъ рукъ адовы, егда пріемлетъ его (16):

ПСАЛОМЪ 49.

Въ этомъ псалмѣ содержится порицаніе *лицемѣровъ* которые считаютъ себя угождающими Богу, исполняя внѣшніе обряды и имѣя законъ только въ устахъ своихъ. Подобно тому какъ во время сипайскаго *законодательства*, является теперь Господь для *объясненія* закона и для суда надъ преступниками его на Сіонѣ (1—6). Послѣ введенія (7), Онъ открываетъ сначала господствующія заблужденія касательно *первой* скрижали закона, и показываетъ, въ чемъ состоитъ истинное богопочтеніе. Не во внѣшнихъ жертвахъ состоитъ оно. Ибо если бы въ этомъ состояло служеніе Богу, то у Господа всей твари такихъ жертвъ было бы несметное множество (8—12). Да и какъ можно постав- лять въ этомъ богопочтеніе, когда Богъ есть духъ? (13). И такъ какъ Онъ есть духъ, то Ему могутъ быть угодны только духовныя жертвы — благодарное сердце и молитва. Кто приноситъ Ему

такую жертву, того Богъ утѣшаетъ своею помощію во всѣхъ нуждахъ (14 15). За тѣмъ обращается ко второй скрижали закона и порицаетъ тѣхъ, которые посятъ постоянно законъ въ устахъ, а въ поведеніи къ своимъ ближнимъ оказываются преступниками (16—21). Въ заключеніи кратко повторяется содержаніе рѣчи Господа (22.23).

ПСАЛОМЪ 50.

Не смотря на опредѣленную надпись псалма, опредѣляющую написаніе его Давидомъ, *всегда внити къ нему Павлану пророку, егда вниде къ Вирсавіи, жень Уріевъ*, и на соотвѣтствіе содержанія псалма съ его надписью, есть однако мнѣніе, что этотъ псаломъ написанъ уже послѣ плѣна вавилонскаго. Главное основаніе этому мнѣнію въ послѣднихъ двухъ стихахъ псалма, гдѣ псалмопѣвецъ проситъ Господа, чтобы стѣны іерусалимскія были созданы, или съ евр. возсозданы, и чтобы безпрепятственно могли быть приносимы Богу жертвы и всесоженія. Такая молитва, замѣчаютъ, была бы странна въ устахъ Давида въ то время, когда Іерусалимъ считался лучшею крѣпостію не только въ Іудеѣ, но и въ сосѣднихъ странахъ; еще страннѣе, продолжаютъ, связанная съ укрѣпленіемъ стѣнъ Іерусалима безопасность жертвоприношеній при Давидѣ, тогда какъ положительно извѣстно, что на этотъ счетъ укрѣпленіе стѣнъ іерусалимскихъ при Давидѣ не имѣло никакого вліянія. Но дѣло становится понятнымъ, когда мы перенесемъ ко временамъ Нееміи (гл. 4), и увидимъ тамъ, какъ безопасность богослуженія зависѣла отъ устройства стѣнъ іерусалимскихъ. Притомъ, прибавляютъ еще, въ разсказѣ о грѣхѣ Давида и обличеніи его Наваномъ не говорится ничего объ этомъ псалмѣ или о чемънибудь подобномъ. Давидъ просто сознаетъ свой грѣхъ и такъ же кратко объявляется о прощеніи Божіемъ (2 Цар. 12, 13), такъ что уже не можетъ быть и рѣчи о покаяніи, какъ оно выражается въ псалмѣ. Въ 50-мъ псалмѣ, сверхъ того, есть указаніе на множество грѣховъ, а не на одинъ. — При всемъ этомъ,

слѣдую ученію отцовъ церкви, мы признаемъ этотъ псаломъ написаннымъ Давидомъ и именно тогда, когда указываетъ надпись его. Хотя писатель книги Царствъ и не упоминаетъ о составленіи сего псалма, но и не отрицаетъ. Давидъ и послѣ того, какъ пророкъ объявилъ ему, что Господь снимаетъ съ него грѣхи, не переставалъ пскать успокоенія своей совѣсти въ молитвѣ, тѣмъ болѣе, что пророкъ уходя объявилъ смерть новорожденному сыну Вирсаиѣ. Выраженіе о многихъ грѣхахъ только показываетъ, что Давидъ никогда не забывалъ своей грѣховности и особенно въ такихъ важныхъ случаяхъ своей жизни. Связь содержанія послѣднихъ двухъ стиховъ съ общимъ ходомъ мыслей псалма легко указать, взявши во вниманіе, что Давидъ молится о прощеніи своего грѣха не только въ видахъ своей пользы, но и всего Израиля, такъ какъ паденіе Давида причинило вредъ всему народу и стѣны іерусалимскія какъ бы поколебались паденіемъ его.

Сокрушаемый сознаниемъ своей виновности, Давидъ молитъ Господа о прощеніи и о помощи Божіей для новой благочестивой жизни, которую онъ будетъ стараться вести (3—14). Онъ обѣщаетъ благодарить Господа обращеніемъ грѣшниковъ и проповѣданіемъ божественной славы (15—17), а не внѣшними жертвами, къ коимъ Господь не оказываетъ благоволенія (18.19). Въ заключеніе онъ молится за Іерусалимъ, потерявшій благоволеніе Божіе вслѣдствіе грѣховъ Давида (20.21).

ПСАЛОМЪ 51.

Обстоятельства происхожденія этого псалма, по указанію надписи, были слѣдующія. Избѣгая неразумныхъ преслѣдованій Саула, Давидъ посѣтилъ Ахимелеха первосвященника, испросилъ у него хлѣбы предложенія и мечъ Голіаѳа. Узнавъ объ этомъ, по доносу Донка идумеянина, раздраженный неудачнымъ преслѣдованіемъ, Саулъ излилъ неправедную месть на первосвя-

щенника и его семейство, а Давидъ, узнавъ о гибели невиннаго архіерея отъ его сына, произнесъ этотъ псаломъ (1 Цар. 21, 1—9. 29, 9—23).

Слова 3-го стиха: „что хвалилися во злобѣ, сильно? Милость Божія всякій день со мною“ (по евр. тексту), составляютъ тему псалма. Сначала изображается злоба сильнаго (3.4), потомъ показывается, какъ мало онъ имѣетъ основаній хвалиться собою, поелику Богъ приготовитъ ему заслуженную погибель (5.6) къ радости и назиданію праведниковъ (8.9), между тѣмъ какъ псалмопѣвецъ, напротивъ, достигнетъ спасенія, въ которомъ онъ такъ увѣренъ, что какъ-бы уже получилъ его (10.11).

ПСАЛОМЪ 52 (см. Пс. 13).

ПСАЛОМЪ 53.

Обстоятельство, по указанію надписи, вызвавшее написаніе сего псалма, рассказывается въ 1 кн. Цар. 23, 19, 26. 26, 1. Давидъ былъ почти въ рукахъ Саула, но печальное извѣстіе о нападеніи филистимлянъ побудило Саула оставить преслѣдованіе Давида и идти противъ дѣйствительныхъ враговъ. Въ это конечно время Давидъ и произнесъ сей псаломъ.

Сначала онъ проситъ помощи у Бога противъ упорныхъ и сильныхъ враговъ (2—5), потомъ высказываетъ надежду на помощь Божію (6.7.) и обѣщаетъ свою благодарность (8.9).

ПСАЛОМЪ 54.

Псалмопѣвецъ сначала жалуется на враговъ, нападающихъ на него съ такою силою, что онъ желалъ-бы имѣть крылья, чтобы улетѣть отъ нихъ (2—9); потомъ изображаетъ злобу вра-

говъ и ихъ предпріятія и молится о наказаніи ихъ (10—16), выражая увѣренность, что Богъ по своей любви и правдѣ услышитъ его (17—24).

Примѣч. Ты же человекъ равнодушнаго значитъ: единодушный, равной души, подобный мнѣ. — Владыко — ἡγεμών — правитель, съ халд. учитель. Студенець истлѣній — ровъ гибели, съ халд. геенна.

ПСАЛОМЪ 55.

Люди отъ святыхъ удаленные — это тѣ четыреста мужей, которые скрывались съ Давидомъ отъ преслѣдованія Саулова. Съ евр. эти слова замѣняются выраженіемъ: *о голубицѣ безматерной въ удаленіи*. Удерживающіе такое чтеніе надписанія сего псалма думаютъ, что онъ составляетъ продолженіе предыдущаго и что эти слова надписи служатъ какъ бы указаніемъ на выраженіе: *кто дастъ ми криль яко голубицѣ, и полещу и почию* (54, 7) и что въ этомъ псалмѣ Давидъ какъ бы проситъ о сихъ крыльяхъ, почему и пѣснь называется: *о голубицѣ*. Слова: *всегда удержаша иноплеменицы ея въ Геенъ* указываютъ поводъ къ написанію сего псалма въ томъ обстоятельствѣ, когда Давидъ, спасаясь отъ преслѣдованій Саула, ушелъ въ землю филистимскую и тамъ былъ узнанъ и едва не погибъ отъ мести за убійство Голиафа (1 Цар. 21, 11 и д.).

Обруженный опасностями, Давидъ изображаетъ враждебность людей (2.3.), свое упованіе на Бога (4.5.), преслѣдованія, которымъ онъ подвергается (6.7), и молится предъ Богомъ о наказаніи своихъ враговъ и избавленіи отъ страданій (8.10). Получивъ просимое, онъ еще больше укрѣпляется въ своемъ упованіи (10—12) и прославляетъ Бога за свое спасеніе (13.14).

ПСАЛОМЪ 56.

Загадочны слова надписанія этого и двухъ слѣдующихъ псаломъ: *да не растлиши*, по евр. *эл-ташхетъ*, *не погуби*. По

мнѣнію толковниковъ, оно указываетъ на какую нибудь пѣснь, по образцу которой должны были пѣться псалмы съ такою надписью, напр. по образцу молитвы Моисея (Втор. 9, 26). Другіе относятъ эту надпись къ содержанию псалмовъ, въ которыхъ Давидъ проситъ объ избавленіи отъ опасности, а нѣкоторые считаютъ даже замѣткою собирателя переписчику, чтобы онъ не потерялъ изъ виду и не пропустилъ или не исказилъ такихъ псалмовъ. Обстоятельства происхожденія псалма указываются надписью. См. 1 Цар. 24, 1 и д.

Обруженный врагами, Давидъ проситъ помощи, въ полной надеждѣ на Бога (2). Поэтому онъ уже и прославляетъ божественную помощь, тотчасъ послѣдовавшую за его молитвою (3.4); и если онъ все еще находится въ великой опасности (5), то утѣшаетъ себя мыслию о Богѣ, господствующемъ надъ небомъ и землею (6). Обращая снова свое вниманіе къ настоящему, онъ показываетъ, какъ враги его сами попадали въ сѣть, приготовленную для него (7). Сердце его такъ утѣшилось, что онъ можетъ торжественно пѣть Господу и изливается въ прославленіи Господа (8—11), обращаясь мыслию къ будущему прославленію Господа на небѣ и землѣ (12).

Примѣч. Отцы церкви прилагаютъ этотъ псаломъ къ Іисусу Христу и пзъяняютъ о страданіи, воскресеніи и вознесеніи Его на небо.—Конецъ сего псалма составляетъ первую подовпну псалма 107-го.

ПСАЛОМЪ 57.

Псалмопѣвецъ изображаетъ сначала своихъ несправедливыхъ, злобныхъ, коварныхъ и ожесточенныхъ враговъ (2—6) и на основаніи такихъ свойствъ ихъ проситъ, чтобы Господь сокрушилъ ихъ (7) и высказываетъ надежду, что они изсякнутъ, какъ вода

нимотекущая и растаютъ, какъ воскъ къ радости праведниковъ и прославленію Господа (8—19).

Примѣч. Членовые—коренные зубы —*Прежде еже разумѣти тернія вашего рамна* (ῥάμνος—тернистый кустъ) *яко живы яко во мнѣвъ пожретъ я*, т. е. прежде чѣмъ терніе злобы вашей совершенно возрастетъ, уподобится рамну, т. е. большому терну, чтобы имѣть силу колоть и уязвлять, еще живыхъ, какъ нѣчто совершенно высохшее, Господь истребитъ васъ огнемъ своимъ —*Руцѣ свои умыетъ въ крови грѣшника*—«добрыя дѣла праведника больше просятъ отъ сравненія съ грѣшникомъ».

ПСАЛОМЪ 58.

По надписанію, псаломъ этотъ написанъ по поводу покушенія Саула захватить Давида въ собственномъ его домѣ, покушенія, отъ котораго избавила Мелхола хитростію (1 Цар. 19, 11—17). Нельзя не замѣтить, однако, что подробности содержанія псалма не соотвѣтствуютъ вполнѣ этой надписи, п. ч. враги здѣсь не слуги Саула, а языцы (народы) и окружаютъ не домъ, а градъ (ст. 6.7.15); вражда ихъ не противъ Давида только, а противъ самаго Господа (14). Поэтому псаломъ сей приписываютъ Нееміи, противъ котораго вооружались самаряне и препятствовали ему строить храмъ и возстановлять стѣны (Неем. 4, 1—7).

Въ первой половинѣ псалма (2—10) пѣвецъ проситъ Божіей помощи противъ своихъ враговъ-язычниковъ, изображая при этомъ ихъ злобу и свою надежду на Бога; во второй половинѣ (11—18) онъ проситъ погибели врагамъ, наказанія имъ во гнѣвъ Божіемъ и высказываетъ свою благодарность.

ПСАЛОМЪ 59.

Надпись сего псалма: *всегда сожжес средорѣчїе* (Месопотамію) *Сирійское и Сирию Сивалскую, и возвратися*—*Иоавъ, и порази*

Едома въ дѣбри солей (солонная долина) 1200, — указываетъ на историческія событія, упоминаемыя въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. Кн. Цар. (2 Ц. 19, 17—19) приписываетъ побѣду надъ сиріянами Давиду, а не Іову потому, что Давидъ былъ царь, слѣд. его было войско его и побѣда; 1 Пар. (19, 19) тоже; но поражение Едома (Идумей) 2 Царствъ (8, 13) приписываетъ Давиду, а 1 Пар. (18, 12) Авессъ, брату Іоаву; надпись же псалма — Іоаву; ему же, кажется, приписываетъ и 3 цар. 11, 15—17. Но и тутъ противорѣчія нѣтъ: Іоавъ предводительствовалъ *всю* армію, какъ въ надписаніи, а Авесса — *частію* ея. Число избіенныхъ также различно; въ исторіи 18 тысячъ; и въ 12 тысячъ. Разница въ числахъ, очевидно, произошла отъ невнимательности переписчиковъ.

Псалмопѣвецъ, или лучше народъ, отъ имени коего говоритъ онъ, изображаетъ сначала дарованное Богомъ спасеніе: тяжелыя бѣдствія тяготѣли надъ народомъ, но пославшій ихъ Господь и отвратилъ ихъ (3—6). Да даруетъ же Господь и впредь свое спасеніе; эту молитву псалмопѣвецъ основываетъ на божественныхъ, непреложныхъ обѣтованіяхъ, по которымъ Израиль имѣлъ быть постояннымъ обладателемъ своей земли и побѣждать сосѣднихъ народовъ (7—10). Въ виду этого обѣтованія онъ высказываетъ увѣренность, что приготовляемый походъ противъ Идумельнъ будетъ успѣшевъ (11—14).

Примѣч. Моавъ конобъ упованія моею — толбуютъ: «завоеванная мною моавитская земля есть сосудъ, наполненный мясами, на изобиліе и плодородіе коей могу надѣяться». Съ евр.: «Моавъ умывальная чаша моя, Эдому простру сапогъ мой» — выраженіе униженія и безчестія для этихъ народовъ, которые должны будутъ исполнять у евреевъ самыя низкія службы. *Градъ огражденія* или аммонитскій Равваеъ (2 Цар. 11, 1), или эдомская вѣрность (Авд. 1, 2, 5).

ПСАЛОМЪ 60.

Псалмопѣвецъ, находясь въ великой нуждѣ, молить Бога о своемъ спасеніи (2.3), основывая свою молитву на томъ, что Богъ есть Спаситель его (4) и высказываетъ твердую увѣренность въ божественной помощи (5). Эта увѣренность основывается на томъ, что Богъ, внимая его молитвамъ, общалъ ему вѣчное владѣтельство: исполняя это, да дастъ ему Господь свое спасеніе и онъ всегда будетъ благодарить Его (6—9).

ПСАЛОМЪ 61.

Псаломъ начинается выраженіемъ безпредѣльнаго довѣрія псалмопѣвца къ Богу: только въ Богѣ душа его находитъ покой, ибо только Богъ есть Спаситель его (2.3). Затѣмъ онъ обращаетъ свой взоръ къ тому, что привело его искать охраны у Бога, — на злобу многочисленныхъ враговъ его, поставившихъ свою задачу лишить его принадлежащаго ему достоинства и вѣстѣ жизни (4.5). Обозрѣвая это, онъ обращается къ своей душѣ, убѣждая ее искать покоя въ Богѣ, какъ единственномъ помощникѣ (6—8) и приглашаетъ всѣхъ къ упованію на Бога (9). Убѣждая надѣяться на Бога, псалмопѣвецъ отклоняетъ отъ упованія на человѣческую помощь, неправду, насиліе и на богатство (10.11); въ основаніе этому указываетъ безпредѣльное могущество и любовь Божію (12.13).

ПСАЛОМЪ 62.

Псаломъ этотъ, по указанію надписи, написанъ Давидомъ въ то время, когда онъ находился въ *пустыни Иудейской*, или какъ читается въ латинской Библии, *идумейской*. См. 2 Цар. 23, 28 17, 16.

Изгнанникъ выражаетъ страстное желаніе возвратиться къ Богу и своему святилищу (2—7); увѣренность его въ помощи Божіей подаетъ ему отрадныя утѣшенія (8—12).

ПСАЛОМЪ 63.

Давидъ сначала молится о защитѣ противъ злыхъ враговъ своихъ (2.3) и описываетъ, какъ они въ то время, когда считаютъ себя достигшими своей цѣли, бывають внезапно поражены Богомъ (6—9) на страхъ ихъ друзьямъ, въ назиданіе всему міру, къ радости всѣхъ праведниковъ (10.11). См. 2 Цар. 15, 1—16.

ПСАЛОМЪ 64.

Слова надписи сего псалма: *пѣснь Іереміева и Іезекіилева, людей преселенія, егда хотяху исходити* заимствованы славянскими переводчиками должно быть изъ Вульгаты; такъ какъ ихъ нѣтъ ни въ еврейской, ни въ халдейской, ни въ сирской Библии, ни въ текстѣ LXX, приводимомъ у Оригена. Надпись эта не имѣетъ и внутренней истинности, потому что Іеремія и Іезекиль никогда не были вмѣстѣ во время отведенія народа въ плѣнь: Іеремія оставался тогда въ Палестинѣ, а Іезекиль былъ уже въ плѣну; Іезекиль не возвращался изъ Вавилона, Іеремія не былъ въ Вавилонѣ. По словамъ бл. Θεодорита, «надписаніе сіе прибавилъ кто-нибудь, не вникнувъ въ мысль псалма и не изучивъ исторіи».

Псалмопѣвецъ прославляетъ Господа за благодатныя Его дѣйствія въ Сіонѣ (2—5), за проявленіе Его силы въ природѣ и въ изычскомъ мірѣ (6—9), за обильную жатву и плодородіе своему народу (10—14).

ПСАЛОМЪ 65.

Слова *воскреснія*, стоящаго въ надписаніи сего псалма, нѣтъ ни въ сврейскомъ текстѣ, ни въ древнихъ рукописяхъ

перевода LXX. Значеніе этой приписки можно понять развѣ по отношенію къ возстановленію народа израильскаго, къ возвращенію его изъ плѣна; думаютъ также, что эта приписка сдѣлана потому, что нѣкоторыя слова псалма сего поются въ день воскресенія христова.

Псаломъ содержитъ въ себѣ сначала обращеніе ко всеѣмъ людямъ прославлять Господа и пѣть Ему (1—4); воспоминаніе о томъ, что Богъ сдѣлалъ *прежде* для Израиля, особенно при Черномомъ морѣ и Иорданѣ (5—7); въ особенноти обращеніе къ Израилю прославлять Бога за то, что Онъ *теперь* сдѣлалъ, освободивши его отъ великихъ бѣдствій (8—12). Благодарность эта будетъ принесена въ обиліи жертвъ (13—15). Новое воспоминаніе о томъ, какъ Богъ услышалъ молитву и простекающее отсюда радостное чувство (16—20).

Примѣч Во множествѣ силы твоя соложутъ тебѣ враги твоя—будутъ лѣстить тебѣ, раболѣпствовать, покоряться

ПСАЛОМЪ 66.

Псаломъ этотъ представляетъ благодарственную пѣснь во время жатвы. Ср. Лев. 26, 4. Пѣвецъ молится о благосостояніи Израиля, чтобы чрезъ это язычники приходили къ познанію и прославленію Господа (2—5). Увѣренность его, что язычники будутъ нѣкогда почитать Господа, основывается особенно на настоящемъ благодѣяніи Божіемъ своему народу, въ дарованіи ему обильной жатвы (6—8).

ПСАЛОМЪ 67.

Изъ различныхъ мнѣній о времени и обстоятельствахъ происхожденіи этого псалма, вѣроятнѣйшимъ представляется, что онъ написанъ послѣ войны Давида съ аммонитянами, когда

кивотъ вавѣта былъ въ стану воинскомъ (2 Цар. 11, 11) и съ торжествомъ возвратился въ Иерусалимъ. При чемъ Давидъ могъ воспѣть пѣснь подобную той, какую пѣлъ Моисей при воздвиженіи кивота (Числ. 10, 34)

Въ первой половинѣ псалма пѣвецъ молится, чтобы Господь поразилъ своихъ враговъ на радость праведникамъ, и чтобы была приготовлена дорога побѣдителю и прославляемы были всемогущество и благодѣтельность Божія (2—7). Потомъ воспоминаетъ о томъ, какъ Богъ нѣкогда побѣдоносно провелъ свой народъ чрезъ пустыню въ Ханаанъ (8—11) и затѣмъ изображаетъ, какъ Богъ даровалъ своему народу побѣду и богатую добычу (12—15). Эта побѣда служитъ основаніемъ увѣренности, что Богъ изъ высокихъ горъ избралъ себѣ въ жилище небольшую гору Сіонъ, и что Онъ съ сонмомъ своихъ ангеловъ находится на Сіонѣ, для защиты своего народа, такъ что Сіонъ святъ и величествененъ, какъ нѣкогда Синай. Послѣ побѣды надъ врагами, Господь шествуетъ, ведя за собою въ триумфѣ плѣнныхъ своихъ враговъ и возсѣдаетъ на своемъ престолѣ (16—19).—Во второй части псалмопѣвецъ прославляетъ Бога, Который есть спасеніе своего народа, за обѣщанную побѣду надъ всѣми врагами его (20—24), и изображаетъ радостное побѣдное торжество Израиля послѣ оказанной ему Его Богомъ и Царемъ милости и суда надъ его врагами (23—28); наконецъ онъ простираетъ свой взоръ и за область Израиля и изображаетъ слѣдствія этихъ божественныхъ дѣйствій въ языческомъ мірѣ, и показываетъ, какъ прійдутъ къ Нему всѣ сильныя и поклонятся Ему, а Израиль будетъ наслаждаться всемогущею Его помощію (29—36).

Примѣч. Торжественное начало сего псалма: *Да воскреснетъ Богъ* и д. очень прилично воскресенію и вознесенію Іисуса Христа, почему церковь особенно любитъ

предначинать свои торжественныя воскресныя песни словами сего псалма.— Ст. 4. *Богъ вселяетъ единомысленныя (одинокихъ) въ домъ (въ семейство), изводя окованныя (узниковъ) мужествомъ (сильными или силою своей), также преогорчевающыя (противящися волѣ Божіей) живущія (будутъ жить, поселены) во гробѣхъ (въ пустыни).* — Ст. 12—45 *Господь даетъ глаголь благовѣствующимъ силою мною: царь силъ возлюбленнаго, красотою дому раздѣлти корысти. Аще поспите посреди предѣлъ, крѣмь голубинь посребренъ и междорамія ся въ блещаніе злата; внида разствитъ небесный цари на ней, оскѣжатся въ Селмонь.* Это одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ Псалтири въ подлинникѣ и во всѣхъ переводахъ. Славянской текстъ съ трудомъ даетъ нѣкоторый смыслъ. Ближайшій къ еврейскому тексту переводъ сего мѣста таковъ: «Господь даетъ слово: провозвѣстницъ великое множество. Цари воинствъ бѣгутъ, бѣгутъ, а сидящая дома дѣлится добычу. Если вы будете спать посреди стадъ, то сдѣлаетесь подобны крыльямъ голубицы, покрытымъ серебромъ, съ блестящими золотомъ перышками; когда Всемогущій рассыпалъ царей земли, она блистала какъ снѣгъ на Селмонѣ» (гора близъ Сихема, въ колѣнѣ Евремовомъ. Суд. 9, 47. 38). Этотъ переводъ, конечно, даетъ смыслъ граматическій, по логически текстъ остается также непонятнымъ, какъ и въ переводѣ славянскомъ, особенно ст. 14. Уже бл. Іеронимъ считалъ напраснымъ трудъ отыскать ясный смыслъ сихъ стиховъ. И потому достаточно сообщить славянскому тексту смыслъ граматическій, не пускаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія, какъ безплодныя. Вотъ этотъ славянской текстъ: *Господь даетъ глаголь (женамъ) благовѣствующимъ силою мною (громко, торжественно, или въ большомъ количествѣ лицъ). «Царь силъ» (Господь воинствъ) есть царь возлюбленнаго (народа Божія, или человека, греч. ἀγαπητὸς ἀγαπητὸς); ради красоты (для украшенія) дома (своего) раздѣлти корысти (добычу)—(возлюбленный). Аще поспите посреди предѣлъ (когда усюкоитесь,*

или лучше,—и тогда вы успокоитесь въ предѣлахъ земли обѣтованной), о, крилъ голубинѣ посребрене и междораміа ея (голубицы) въ блещаніи злата! (Зват. пад. двойств. числа)». Обращеніе къ Израилю, который у пророковъ очень часто сравнивается съ голубомъ (Ис. 60, 8 Іер. 48, 28. Ос. 7, 11). «Внегда разсыплетъ (разсыпаетъ) небесный царь (винит. над.) на ней (Палестинѣ), оснѣжатся въ Селмонѣ (будутъ какъ снѣгъ, который на Селмонѣ очень скоро таетъ)». Если еще взять во вниманіе, что здѣсь будущія времена можно перевести прошедшими, и связать эти стихи съ предыдущими, то съ 8—15 ст. будетъ непрерывная и полная смысла рѣчь о завоеваніи земли ханаанской.— Ст. 16 17. *Гора Божія* (въ значеніи превосходства), *гора тучная* (съ евр. Васанъ, гора по ту сторону Иордана), *гора усыренная* (холмистая, на подобіе сыра), *гора тучная*. Не принимая слова Васанъ за собственное имя, можно считать этотъ стихъ продолженіемъ предыдущаго и опредѣленіемъ горы Селмонѣ. *Всюю нелицуете горы усыренныя...* что завистливо смотрите горы холмистыя;—разумѣются царь и народы, которымъ принадлежатъ эти горы, *на гору, юже благоволи Богъ жити въ ней, ибо Господь вселится до конца.*—Ст. 18. 19. *Колесница Божія тмами темъ, тысяча побзующихъ* (колесницъ безчисленное множество, тысяча обильныхъ, полныхъ всего).. *пріял еси даяніе въ челоуцьяхъ* (отъ людей), *ибо (суть) непокоряющыяся* (съ евр. невѣрующіе), иначе—ибо противятся *сже всемитися* (тому, чтобы Израиль поселился между ними).— Ст. 23. 24. *Отъ Васана обращу* (избавлю), *обращу* (какъ избавилъ) *во гудинахъ морскихъ* (Чермн. м.), *яко да омочится нога твоя въ крови* (враговъ), *языкъ песь* (собакъ) *твоихъ* (да омочится въ крови) *отъ врагъ отъ него* (предъ отъ ненужныхъ).—*Веніаминъ въ ужасъ* (въ изумленіи, въ экстазѣ). Ст. 31. *Запрети* *звпремъ тростнымъ* (Египту), *сонму* (вм. сонмъ) *юнецъ* (различн. народовъ) въ юницахъ людскихъ, еже затворити искушенныя серебромъ (чтобы защитить евреевъ купленныхъ дорогою цѣною), или же от-

нося къ Египту (чтобы низвергнуть тѣхъ, которые провели жизнь свою въ денежныхъ расчетахъ).—Псаломъ этотъ написанъ въ духъ пѣсни Девворы (Суд. гл. 5).

ПСАЛОМЪ 68.

Надписаніе см. Пс. 44.—Псалмопѣвецъ молить Бога о помощи и защитѣ (1—4), свидѣтельствуя свою невинность (5, 6); потомъ изображаетъ свои страданія (8—13), повторяетъ молитву о спасеніи (14—22), молится о наказаніи враговъ (23—29), обѣщаетъ благодарность (30—37).

Примѣч. Апостолы относятъ этотъ псаломъ къ Іисусу Христу. Дѣйствительно, отъ изгнанія торжниковъ изъ храма, когда ревность по домѣ Божиємъ снѣдала Іисуса Христа (Іоан. 2, 17 ср. Пс. 68, 10) и привлекла на Него поношеніе носящихъ Бога (Рим. 15, 3—ст. 10), до крестныхъ страданій, когда даша въ снѣдъ Его желчь и въ жажду Его напоиша и отца (ст. 22—Іоан. 19, 28—29), постоянныя преслѣдованія враговъ заслуживали того, чтобы Господь пролилъ на нихъ гнѣвъ свой, и хотя Іисусъ Христосъ молился за нихъ на крестѣ, но своею ненавистію къ Нему и своимъ воплемъ: кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ (Мат. 27, 25), они дошли до того, что трапеза ихъ предъ ними стала въ сѣть, и въ воздаяніе (за ихъ грѣхи)—въ соблазнъ; помрачишася очи ихъ еже не видѣти (истиннаго Мессіи) и хребетъ ихъ выну сляченъ (отъ тяготѣющаго на нихъ проклятія (ст. 23. 24.—Рим. 11, 9. 10). Точно такой же участи подвергся и Іуда-предатель, орудіе злобы евреевъ противъ Іисуса Христа. Дворъ его остался пустъ и въ жилищахъ его не обрѣтется живый (ст. 26 ср. Дѣян. 1, 20).

ПСАЛОМЪ 69.

Стоящія въ надписаніи сего псалма слова: *въ воспоминаніе, во еже спасти мя Господу*, по замѣчанію бл. Феодорита и Ав-

густина не читались по еврейски, ни во многих греческих спискахъ и переводахъ, хотя и не неприличны содержанию псалма, который составляетъ повтореніе окончанія пс. 39, 14—18.

ПСАЛОМЪ 70.

Въ надписи этого псалма у I.XX съ именемъ Давида стоятъ имя сыновъ Ионадавовыхъ (*Рихавитовъ*. См. о нихъ Іер. 35, 1—11) и первыхъ плѣншихся (при Іоакимѣ); но рядомъ съ сею надписью и замѣтка, что въ еврейскомъ псаломѣ не имѣетъ надписи. «Сдѣлавшій сіе замѣчаніе, по выраженію бл. Θεодорита, и самъ признался, что приложилъ его отъ себя».

Престарѣлый, многое испытавшій и претерпѣвшій, псалмопѣвецъ молитъ Бога, чтобы Онъ не оставилъ его въ старости и защитилъ отъ враговъ (1—13). Въ твердой увѣренности на Бога онъ вадѣется исполненія своей молитвы, — прошедшее его служить ему ручательствомъ за будущее (14—20). Господь не оставитъ его и впредь своею защитою и онъ будетъ всегда прославлять благость Божию и возвѣщать о ней будущему поколѣнію (21—24).

Примѣч. Этотъ и предшествующій псалмы, по ученію отцовъ церкви, относятся также къ страждущему и гонимому Мессіи.—Ст. 15: «уста мои возвѣстятъ.... спасеніе твое, яко не познахъ книжная» съ евр. правильнѣе: «уста мои будутъ возвѣщать... Твои благодѣянія: ибо я не знаю имъ числа».

ПСАЛОМЪ 71.

Въ евр. псаломѣ этотъ надписывается: *Соломону*, но у LXX справедливѣе: «Давиду о Соломонѣ», какъ это можно заключить изъ сравненія содержанія псалма съ обстоятельствами воцаренія Соломона (3 Цар. гл. 1).

Псалмопѣвецъ молится, чтобы Богъ даровалъ царю правду, дабы онъ судилъ свой народъ справедливо и миръ господствовалъ въ странѣ (1—4), чтобы онъ царствовалъ долго и счастливо (5—7), чтобы власть его простиралась на самые отдаленные народы (8—11); ибо онъ есть защитникъ угнѣтанныхъ (12—15). Страна его да будетъ благословенна, имя его да будетъ прославлено во всемъ мірѣ (16—17).

Примѣч. Псаломъ этотъ, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ стиховъ, которые нужно считать обыкновеннымъ заключеніемъ общественныхъ молитвъ и слѣдовательно приложеніемъ церковнымъ (ср. Пс. 40, 14. 88, 53. 105, 48), есть величественное изображеніе царства Мессіи. Заповѣдуя пророку Наану и первосвященнику Садову помазать на царство Соломона, Давидъ не могъ не вспомнить того, что Господь глаголаше о домѣ его *вдалеко* (2 Цар. 7, 19) и что о Соломонѣ именно Господь сказалъ: *миръ и покой дамъ ему надъ Израилемъ во дни его.... той будетъ мнѣ въ сына и Азъ буду ему во отца и исправлю престолъ царства его во Израили до вѣка* (1 Цар. 22, 9. 10); не могъ поэтому онъ не видѣть въ Соломонѣ и его царствѣ, прообразъ того великаго потомка своего и Его вѣчнаго царства, которое будетъ простираться отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя (Пс. 71, 8) и продолжаться въ роды родовъ, начавшись прежде луны (ст. 5) и прежде солнца (ст. 17) и до того времени дондеже отыметса луна (ст. 7) или лучше во вѣки (ст. 17), т. е. какъ пзъяснилъ архангелъ Гавриилъ, безъ конца (Лук. 1, 32. 33). Давидъ провидѣлъ, что Соломонъ, предъ которымъ припадутъ еіюпляне (жители пустынь) и котораго враги будутъ лизать персть (кланяться, повергаться на землю),—которому цари еарсискіе (Фарсисъ, Тартесса въ Испаніи—указаніе на отдаленныя западныя страны) и острова (Средиз. моря) дары принесутъ, а царя Аравстіи и Савен (въ Евіюпіи: указаніе на отдаленнѣйшія страны для обозначенія широкаго

распространенія царства) дары приведуть,—что Соломонъ будетъ лишь прообразомъ того великаго царя, ему же поклонятся вси царіе земстін и вси языцы поработаютъ (ст. 9—11). Миръ и покой, мудрость и правда, отличавшіе царствованіе Соломона и сотворившіе честно имя его предъ современниками его (14) и благословенно во вѣки предъ потомками (17), былъ, по предвѣдѣнію Давида, лишь слабымъ проблескомъ того сіянія правды и предначаткомъ того множества мира (7), которое исполнитъ царство Мессіи, о немъ же благословятся вся колѣна земная и за неже вси языцы ублажатъ его (ст. 17). Такое отношеніе сего псалма къ царству Мессіи такъ очевидно, что не только христіанскіе толкователи, но и еврейскіе раввины: Кимхи, Абенъ-Езра, Раши, парафразъ халдейскій и др. относили его не къ Соломону одному, а къ Мессіи. Только новѣйшіе іудеи оспариваютъ эту очевидность и слѣпотствуютъ въ ясномъ пониманіи сего псалма.

Часть третья (72—88).

Третья книга или часть Псалтири начинается рядомъ псалмовъ Асафовыхъ (72—82); впрочемъ, судя по содержанію, не всё они могутъ быть приписаны одному лицу, и потому нужно допустить или существованіе нѣсколькихъ лицъ съ именемъ Асафа, отъ современника Давидова до современника Ездры, или что псалмы съ именемъ Асафа только нѣкоторые принадлежатъ ему, другіе же лишь написаны въ подраженіе ему. Псалмы Асафа, по замѣчанію толковниковъ, отличаются возвышенностію и темнотою слога и мыслей больше Давидовыхъ.

ПСАЛОМЪ 72 (ср. 36 и 48).

Псалмопѣвецъ начинаетъ указаніемъ результата, котораго онъ достигъ послѣ продолжительной борьбы, именно, что Богъ

благъ только въ чистымъ сердцемъ (1). Но онъ находился въ опасности уклониться отъ этого убѣжденія (2), когда видѣлъ, какъ грѣшники наслаждаются счастьемъ и преимуществами (4.5), что дѣлаетъ ихъ горделивыми (6—9), и сами праведники, отчаеваясь въ божественномъ промышленіи, считаютъ бесполезнымъ свое благочестіе (10—14). Самъ псалмопѣвецъ находился въ опасности подвергнуться этому искушенію (15); но вѣра его была очень сильна и не поддавалась сомнѣнію, почему онъ старался глубже вникнуть въ это явленіе (16.17) и такимъ образомъ достигъ убѣжденія, что счастье нечестивцевъ только кажущееся (15—23), что неразумно поэтому завидовать имъ (21.22), и заключаетъ увѣреніемъ въ совершеннѣйшей преданности Господу (23—28).

Примѣч. *Яко нѣсть восклоненія въ смерти ихъ съ евр.* «нѣтъ имъ огорченій до самой смерти». Симмахъ: «не помышляли о смерти своей», т. е. испытываемые въ опасностяхъ не отрекались отъ себя самихъ. Слово же: *восклоненіе* (*ἀνάκλισις*) означаетъ отреченіе; ибо намѣреваясь отречься отъ чего-либо, обыкновенно восклоняемъ голову (Θεοδоритъ).

ПСАЛОМЪ 73.

Псалмопѣвецъ молится, чтобы Богъ заступился за свой народъ, среди котораго свирѣпствуютъ враги и опустошаютъ святилище (1—9). Онъ проситъ, чтобы Господь, всегда являвшійся Богомъ-защитникомъ Израиля и о всемогуществѣ Коего свидѣтельствуетъ природа, пересталъ долѣе терпѣть ругательства вражескія (10—18), вспомнилъ о заключенномъ съ праотцами завѣтѣ и не предалъ погибели народъ свой (19—23).

Примѣч. *Положиши знаменія своя знаменія* (4). Частные законы израильскіе въ Писаніи часто называются

знамскіями (т. е. знаменіями завѣта); это понятіе псалмопѣвецъ переноситъ на *обычаи* языческіе, которые завоеватели вводили между іудеями. — *Сокрушилъ еси главы зміевъ* (13) (крокодиловъ)—образное представленіе египтянъ, погибшихъ въ Черномъ морѣ. *Иоамскія* съ евр. *быстрыя*, такъ какъ слово *танъ* съ евр. значитъ: сильный, быстрый.

ПСАЛОМЪ 74 (4 Цар. 18, 19).

Прославляя Господа за чудесныя Его дѣйствія, псалмопѣвецъ изображаетъ Его говорящимъ и обѣщающимъ, что, когда пастанетъ время, Онъ возстановитъ порядокъ на землѣ (2—4). Послѣ этого слѣдуетъ увѣщаніе ко врагамъ не гордиться, потому что не въ людяхъ, но въ Богѣ сила и могущество, и Богъ погубитъ почестивцевъ (5—10). А что это будетъ,—обѣщаетъ Самъ Богъ (11).

ПСАЛОМЪ 75.

Надписаніе: *къ ассирійяину*, заключающееся только въ переводахъ, объясняется предположеніемъ, что псаломъ этотъ составленъ по случаю пораженія Синахирима (4 Цар. гл. 19) и содержитъ прославленіе Господа за избавленіе Іерусалима отъ враговъ

Господь уничижилъ въ Іерусалимѣ (въ *мирѣ* = Салимѣ, древнее названіе Іерусалима) и на Сіонѣ могущественное воинство (2—4). Отъ прещенія Божія самые храбрые уснули сномъ смерти (5—7). Это божественный судъ, котораго страшится земля, чтобы сдѣлаться тѣмъ спокойнѣе (8—10). Поэтому, хвала и благодарность тому, кто страшенъ владыкамъ и царямъ земнымъ (11—13).

ПСАЛОМЪ 76.

Псалмопѣвецъ жалуется на великое несчастіе, постигшее народъ его и съ надеждою обращается къ Богу (2). Но онъ

вспомнилъ, что уже напрасно прежде дѣлалъ это (3), и теперь онъ еще такъ пораженъ, что не можетъ найти въ молитвѣ желаемого успокоенія (4), онъ вспоминаетъ о безпокойныхъ, безсонныхъ вочахъ, когда онъ переносился мыслию отъ печальнаго настоящего въ счастливое прошедшее (5—7), и спрашиваетъ самъ себя теперь: «ужели на всегда потеряна милость Божія?» (8—10); обращается, затѣмъ, къ исполненной надежды молитвѣ (11), и ободряетъ себя воспоминаніемъ о благодѣяніяхъ, которыя Господь дѣлалъ ижекогда Израилю (12—21).

Примѣч. Псаломъ написанъ вѣроятно во время вавилонскаго плѣна.—Ст. 11. *Пынь начахъ* (сталъ повторять): *сія измѣна* (измѣненіе) *десницы Вышняго*. «Десница Божія» часто употребляется какъ чувственный образъ помощи и защиты (Ис. 59, 7. 62, 9). Смысль: «буду молиться, чтобы сильная помощію десница Вышняго, открывавшаяся въ прежнія времена, явилась и теперь». Другіе: «молитва моя состоятъ въ томъ, чтобы измѣнилась десница Божія»

5

ПСАЛОМЪ 77.

Цѣль этого псалма. разсмотрѣніемъ древнѣйшей исторіи народа израильскаго, предостеречь современниковъ псалмопѣвца отъ невѣрія и непослушанія отцовъ и побудить къ надеждѣ на Бога и соблюденію закона Божія.

Псалмопѣвецъ пачинаетъ объявленіемъ, что онъ будетъ пѣть своему народу о древнихъ временахъ, ничего не сокроетъ отъ потомковъ изъ того, что передали отцы (1—4). Богъ далъ Израилю законы и какъ эти законы, такъ и своя дѣйствія повелѣлъ сдѣлать извѣстными будущимъ поколѣніямъ (5—8). Но сыны Ефрема забыли дѣла и чудеса, которыя Богъ сдѣлалъ для Израиля (9—12), какъ Онъ раздѣлилъ море, предводительство-

валъ народомъ, давалъ ему изъ камня воду (13—16), какъ Онъ показывалъ ему свою власть, наказывалъ его непослушаніе (17—31), но потомъ снова всегда прощалъ ему, и такимъ образомъ то благодаръствуя, то наказывая, провелъ его чрезъ пустыню и далъ въ обладаніе святую землю (35—55). Но кождна ивральскія, подобно отцамъ ихъ, отступили отъ Бога, поэтому Онъ оставилъ свое жилище среди Ефрема и предалъ святилище и ковчегъ въ руки враговъ (56—64). Наконецъ снова сжалился надъ своимъ народомъ, но вмѣсто Силома избралъ Сіонъ своимъ мѣстопребываніемъ и своего раба Давида избралъ управлять народомъ своимъ (65—72).

Примѣч. Ст. 2. *Гананіе*—*πρόβλημα*, загадочная рѣчь (Суд. 14, 14). Къ ст. 2 см. Мф. 13, 35.—Ст. 12. *Танеосъ*—*Цоанъ*—столица египтянъ въ дельтѣ Нила, при восточномъ рукавѣ его.

ПСАЛОМЪ 78.

Псаломъ этотъ относится вѣроятно (какъ и 73) ко временамъ разрушенія Иерусалима халдеями.

Изычники завоевали Иерусалимъ, осквернили храмъ, избили народъ (1—4). Псалмопѣвецъ молится, чтобы Господь отвратилъ свой гнѣвъ отъ Израиля, простилъ ему вину его и отмстилъ врагамъ (5—13).

ПСАЛОМЪ 79.

Свидѣніе Асафу—свидѣтельство, воспѣтое Асафомъ, о бывшемъ плѣненіи израильтянъ и объ избавленіи ихъ.

Молитва о помощи противъ враговъ и о возстановленіи разрушеннаго государства (2—4). Изображеніе страданій народа,

живущаго въ горести и сдѣлавшагося предметомъ раздора между сосѣдами (6—8). Подъ образомъ виноградника, псалмопѣвецъ воспоминаетъ, какъ Богъ вывелъ свой народъ изъ Египта, поселилъ его въ святой землѣ; зачѣмъ-же Онъ предалъ теперь опустошенію (9—15)? Новая молитва о помощи и возстановленіи (16—20).

ПСАЛОМЪ 80.

Псалмопѣвецъ начинается приглашеніемъ радостно праздновать праздникъ (вѣроятно въ началѣ седьмага мѣсяца) и прославлять Бога (1—6). Затѣмъ вводитъ говорящимъ самаго Господа; Онъ напоминаетъ объ освобожденіи изъ Египта, о странствованіи въ пустыни (7, 8), увѣщаетъ, имѣя въ виду непослушаніе Израиля, удерживаться отъ идолопоклонства (9—14) и даетъ обѣщаніе, если Израиль будетъ послушнымъ (15—17).

ПСАЛОМЪ 81.

Псаломъ этотъ, подобно 38-му, обращается къ несправедливымъ судьямъ. Вводится говорящимъ Самъ Богъ; Онъ упрекаетъ ихъ въ несправедливости (1—5), предостерегаетъ отъ превозношенія (6, 7). Въ заключеніе псалмопѣвецъ высказываетъ желаніе, чтобы Богъ совершилъ судъ надъ землею (8).

Примѣч. Боги—судья, такъ какъ они отъ имени Божія совершаютъ судъ.

ПСАЛОМЪ 82.

Многіе языческіе народы соединились для уничтоженія Израиля (2—9) Псалмопѣвецъ молится, чтобы Богъ разсѣялъ ихъ, уничтожилъ ихъ замыслы, дабы они чрезъ это познали Его силу (10—19).

Примѣч. Многіе толковники относятъ этотъ поимѣнъ къ войнѣ аммонитянъ, моавитянъ и эдомитянъ противъ Иосафата (2 Пар. 20). Правда, тамъ упоминаются не всѣ перечисленные здѣсь народы, но возможно, что они принимали участіе въ войнѣ не примою; поэтому о нихъ и не упоминается. Ст. 7. *Агаряне*—название арабскаго племени, жившаго по ту сторону Иордана, на востокъ отъ Галаада. *Геваль*—имя горной страны, находившейся на югъ отъ Мертваго моря. *Амаликъ*—имя народа, происходившаго отъ внука Исавова (Быт. 30). Ст. 9. *сыны Лотова*—аммонитяне и моавитяне (Быт. 19, 37, 38). Ст. 10. Намекъ на побѣду Гедсона надъ мадианитянами (Суд. 4, 5) и побѣду Варака надъ Иавиномъ и Спарою (Нав. 17, 11).

ПСАЛОМЪ 83 (ср. 43).

Псалмопѣвецъ, находясь вдали отъ отечества, высказываетъ свое сильное желаніе находиться подлѣ святилища (2—4), называя блаженными и счастливыми тѣхъ, которые могутъ посѣщать храмъ (5—8); потомъ онъ проситъ о милости Божіей и исполненіи желанія видѣть храмъ (9—11) и заключаетъ выраженіемъ своей надежды на Бога (12.13).

Примѣч. *Блаженъ мужъ, сму жесть заступленіе (помощь) сво у тебе: восхожденіе (дороги) въ сердце своемъ положи, т. е. блаженъ человекъ... который думаетъ о праздничныхъ своихъ путешествіяхъ ко храму. Во юдоль плачевную, въ мѣсто еже положи, ибо благословіе дастъ законопологающій, съ евр. проходя долиною плача, они превращаютъ се въ источники и дождь одѣваетъ се благословіями.* «Долина плача»—название одной долины подлѣ Иерусалима, чрезъ которую проходили путешествовавшіе ко храму.

ПСАЛОМЪ 84.

Богъ милосердно воспринялъ опять Израиля (2—4), но бѣдствія слова угнѣтають его, и поэтому псалмопѣвецъ молится,

чтобы Богъ совѣмъ оставилъ свой гнѣвъ и даровалъ совершенное спасеніе (5—8). Богъ обѣщаетъ счастье и спасеніе, если народъ не возвратится къ прежнему своему нечестію (9—14).

Примѣч. Псаломъ этотъ, по всей вѣроятности, относится къ тому времени, когда евреи, возвратившись изъ Вавилона, должны были бороться со многими бѣдствіями.

ПСАЛОМЪ 85.

Псалмопѣвецъ молитъ Бога о помощи, ссылаясь на свои бѣдствія, свое благочестіе и на божественную милость и всемогущество (1—10). Затѣмъ слѣдуетъ молитва, чтобы Богъ, помощь Котораго онъ такъ часто уже испытывалъ, укрѣпилъ его и руководилъ его къ познанію, къ страху Божию и благочестивой жизни (11—13). Наконецъ молитва противъ сильныхъ враговъ (13—15).

ПСАЛОМЪ 86.

Сіонъ, возлюбленный Богомъ городъ, защищается Имъ и прославляется (1—3). Сюда должны войти нѣбогда всѣ язычники, чтобы найти здѣсь себѣ свое истинное отечество и всѣ источники радости и спасенія (4—7).

Примѣч. Раавъ—поэтическое названіе Египта (собств. морское чудовище). *Господь повѣсть въ писаніи людей....* Господь будетъ перечислять народы.

ПСАЛОМЪ 87.

Жалобный псаломъ, написанный во время тяжкихъ бѣдствій, посланныхъ Богомъ на псалмопѣвца (2—10); онъ молится, чтобы Господь даровалъ спасеніе въ этой жизни (11—13) и оплачиваетъ тщету своихъ ожиданій быть услышаннымъ (14—19).

Примѣч. Особенность этого псалма состоитъ въ томъ, что въ немъ въ заключеніе не высказывается, какъ во всѣхъ другихъ молитвенныхъ псалмахъ, надежда быть услышаннымъ. Но изъ этого однако не слѣдуетъ считать его за отрывокъ какаго то другаго псалма. Пѣвецъ находился въ такомъ отчаянномъ расположеніи души, чувствовалъ себя объятымъ такимъ глубокимъ горемъ, что могъ высказать предъ Богомъ одно только свое чувство. Ст. 6. *Въ мертвыхъ свободу.* Еще не дождавшись кончины, не принявъ на себя рабства смерти, причисляю себя къ сущимъ въ мертвыхъ (Теодоригъ). Ст. 19. *удалимъ сси друи и искренняго, и знаемыхъ моихъ отъ страстей,* т. е. по причинѣ и во время моихъ страданій (*από ταλαιπωρίας*) оставили меня друзья и ближніе мои, или какъ съ евр. «знакомые мои сокрылись въ мракъ».

ПСАЛОМЪ 88.

Подвергшійся бѣдствіямъ, царь іудейскій молится о помощи, ссылаясь на обѣтованія Божіи, данныя Давиду. Онъ начинаетъ прославленіемъ вѣчно продолжающейся милости Божіей (2—4); потомъ воспоминаетъ о обѣтованіяхъ (вводя говорящимъ Самого Бога) (4.5) и силѣ Божіей (6—14), Его истинности и правдѣ (14.15); прославляетъ счастье народа, который Его почитаетъ (16—19). Затѣмъ псалмопѣвецъ обстоятельнѣе приводитъ данныя обѣтованія (20—38), жалуется, что печальное настоящее противорѣчитъ этимъ славнымъ обѣтованіямъ (39—47) и, указывая на краткость человѣческой жизни, молится о скорой помощи (48—52).

Часть четвертая (89—105).

Эта книга или часть псалтири почти вся состоитъ изъ псалмовъ, авторы которыхъ въ еврейскомъ текстѣ не означены,

за исключеніемъ пс. 89, который приписывается Моисею, чело-
вѣку Божію (Второз. 33, 1. 1 Пар. 23, 14. 1 Ездр. 3, 8) и
пс. 100 и 102, приписываемыхъ Давиду.

ПСАЛОМЪ 89.

Молитва Моисея, можетъ быть заимствованная собирате-
лемъ псалмовъ изъ древней «книги праведнаго» (Нав. 10, 13).
Нѣтъ достаточнаго основанія отрицать происхожденіе этого
псалма отъ Моисея.

Господь всегда былъ приближенъ Израилю, ибо Онъ пре-
выше всякихъ измѣненій и перемѣнъ (2—4), но люди подвержены
быстрымъ измѣненіямъ, существованіе ихъ — ничтожество (5.6);
потому что люди, по причинѣ грѣховъ своихъ, послѣ короткой и
исполненной бѣдствіями жизни, должны умирать (7—10). Если бы
люди хоть всегда помнили это! (11). Затѣмъ слѣдуетъ молитва,
чтобы Богъ даровалъ людямъ свою помощь, дабы проходить имъ
свою короткую жизнь благоуднымъ Ему образомъ (12), — возвра-
тилъ имъ свою милость и вознаградилъ за претерпѣнныя бѣд-
ствія (13—17).

Примѣч. Ст. 10 *Льта наша яко паутина поучахуся* съ
евр. *льта наши какъ поученіе* т. е. не что иное, какъ
непрестанное упражненіе, многотрудный подвигъ; но ЛХХ
прибавили для ясности *яко паутина* и вмѣсто *поученія*
положили, *поучахуся* чтобы показать, что мы, подобно
пауку, упражняемся въ соплетеніи дѣлъ, ни къ чему негод-
ныхъ и только себя изнуряемъ. Ст. 12. *Исчисли десницу*
твою тако скажи ми и окованныя (иные: *наказанные серд-*
цемъ въ мудрости), т. е. умоляю о томъ, чтобы и мнѣ на-
сладиться твоимъ благодѣніемъ, *исчислить и повѣдать дары*
твоей десницы и подражать умудрившимся Твоею благо-
датію, которые и другимъ указуютъ путь къ познанію
Тебя» (Феодоричъ).

ПСАЛОМЪ 90.

Счастливы кто надеется на Бога (1); Онъ сохраняетъ его и защищаетъ отъ всякаго несчастія (1—13). Вводится говорящимъ Самъ Господь и обѣщающимъ помощь и славу всѣмъ, кто почитаетъ Его и съ надеждою обращается къ Нему (14—16).

Примѣч. Подъ *бѣсомъ полуденнымъ* бл. Иеронимъ разумѣлъ моровое повѣтріе, смертоносный вѣтеръ (самумъ).

ПСАЛОМЪ 91.

Надпись псалма указываетъ на употребленіе псалма въ церк. богослуженіи въ субботу. — Благое дѣло прославлять Господа (2—4), такъ какъ велики и славны дѣла Его (6, 7) и только неразумный не видитъ этого (7), поелику онъ сомнѣвается въ божественной правдѣ, но псалмопѣвецъ знаетъ, что счастливые, повидимому, беззаконники будутъ истреблены (8). Господь высокъ вѣчно, а враги Его погибаютъ (9—10); но благочестивыхъ Онъ благословляетъ и ущедряетъ (11—16).

ПСАЛОМЪ 92.

По надписи, храмовое употребленіе этого псалма совершалось *въ день предсубботный* (въ пятницу), *егда насемся земля* (т. е. въ день шестой, когда созданы животныя земныя и люди).

Богъ есть верховный Владыка міра; всемогуществомъ своимъ Онъ управляетъ міромъ, поэтому твердо стоитъ міръ, ибо твердо основанъ отъ вѣка престолъ Божій (1—2). Сильно шумятъ рѣки, волнуется море, но славенъ въ высотахъ Господь (3—4). Сей могущественный Господь даровалъ Израилю вѣрные и несомнѣнные законы, и храмъ, который долженъ быть святъ и вѣчно существовать (5).

ПСАЛОМЪ 93.

Этотъ псаломъ во храмъ читается въ среду—*въ четвертый суббота*.

Псалмопѣвецъ начинаетъ молитвою, чтобы Богъ воздалъ за нечестіе гордымъ угнѣтателямъ своего народа (1—3), затѣмъ изображаетъ ихъ гордость, ихъ лютость и беззаконіе (4—7). Потомъ обращается въ израильтянамъ, повелевавшимися въ своей надеждѣ въ слѣдствіе побѣды язычниковъ (8) и говоритъ имъ, что Всевѣдущій и Всеправедный не оставитъ не наказаннымъ вражескаго нечестія (9.10); Онъ попускаетъ иногда язычникамъ, но Онъ знаетъ, что неудадутся нечестивые ихъ планы (11); поэтому, благо тому, кто даже среди страданій, во время торжества надъ нимъ нечестивцевъ, смотритъ на свои страданія, какъ на божественныя наказанія, посылаемыя для его блага и почерпаетъ мужество и надежду въ законѣ Божіемъ, такъ что спокойно ожидаетъ пока достигнетъ ихъ наказаніе (12.13), потому что не на всегда оставляетъ Богъ свой народъ (14) и совершитъ судъ (15); если Онъ теперь уже, въ печальное настоящее, оказалъ помощь и не допустилъ совершенной гибели (16—19), то Онъ и впредь будетъ благопріятствовать нечестивцамъ, которые погибнутъ отъ своего нечестія (20—23).

Примѣч. Не обинулся естъ—отъ обинуюсь, страхъ или завръніе имѣю.—Ст. 20. Да не пребудеть Тебѣ престоль беззаконія созидай трудъ на повельніс. Янѣе перевелъ Симмахъ: «не присоединится къ тебѣ престоль оскорбленія вопреки повелѣнію устрояющей бѣдствіе», т. е. не согласится быть сообщникомъ неправды съ судящими беззаконно; произносящіе приговоръ вопреки тому, что повелѣно Тобою, навлекаютъ происходящее отъ сего бѣдствіе (Феодоритъ). Съ евр. «присовокупится ли Тебѣ престоль беззаконія, созидающей бѣдствіе претиву заповѣди?».

ПСАЛОМЪ 94.

Псалмопѣвецъ призываетъ къ прославленію Господа (1—2), потому что Онъ есть Творецъ и Владыка міра (3—6) и Пастырь Израиля (7). Затѣмъ убѣждаетъ къ послушанію, указывая на непослушаніе отцовъ въ пустынѣ и наказанія, постигшія ихъ (8—11).

ПСАЛОМЪ 95.

Надпись псалма, посвященнаго Давиду, ясно указываетъ время его происхожденія послѣ плѣна.

Псаломъ начинается возбужденіемъ къ прославленію Господа (1—2), ибо Онъ одинъ только истинный Богъ, Творецъ всего (3—6); поэтому всѣ народы должны чествовать Его (7—10). Вся природа будетъ торжествовать, когда Онъ придетъ на судъ надъ язычниками (11—13).

ПСАЛОМЪ 96.

Написанъ, когда земля (царство) ея (Давида) устроится (приходило въ порядокъ послѣ возстанія Авессалома).

Псалмопѣвецъ прославляетъ Господа, какъ всемогущаго, страшнаго и праведнаго Владыку міра (1—6), предъ величіемъ Коего язычники трепещутъ, а Израиль радуется (7—9). Затѣмъ онъ убѣждаетъ Израиля чрезъ послушаніе слѣдаться достойнымъ помощи и милости Божіей (10—12).

ПСАЛОМЪ 97.

Благодарственная пѣснь послѣ побѣды надъ врагами. Богъ совершилъ великое предъ глазами народовъ, снова принялъ подъ свою защиту свой народъ (1—3). Въ радости объ этой помощи пусть принимаютъ участіе всѣ страны (4—6) и вся природа (7—9).

ПСАЛОМЪ 98.

Богъ великъ, высокъ и праведенъ (1—7); нужно молиться Ему, имѣющему царствовать на Сіонѣ надъ всѣми народами (5), Онъ внимааетъ молитвамъ, какъ доказываетъ это священная исторія (6—9).

ПСАЛОМЪ 99.

Этимъ псалмомъ оканчивается рядъ псалмовъ (94—99), начавшихся для храмоваго употребленія. — Псалмопѣвецъ призываетъ всю землю торжествовать и служить Господу (1, 4), ибо Онъ Творецъ всего и благодать Его вѣчна (2, 3, 4).

ПСАЛОМЪ 100.

Давидъ высказываетъ свои взгляды, которые онъ намѣренъ осуществлять въ свое царствованіе. Онъ объявляетъ, что будетъ царствовать по правдѣ и справедливости (1—2). Клеветниковъ же, гордецовъ, лжецовъ и всякихъ беззаконниковъ онъ будетъ отдалять отъ себя и наказывать; добродѣтельныхъ же имѣть подлѣ себя и пользоваться ихъ совѣтами и услугами (3—8).

ПСАЛОМЪ 101.

По надписи, псаломъ этотъ заключаетъ въ себѣ молитву несчастливца (*нищима*), когда онъ въ уныніи призываетъ предъ Богомъ печаль свою.

Псалмопѣвецъ, находясь въ плѣну, молится Богу о помощи и изображаетъ свои бѣдствія и свою печаль отъ угнетенія и поруганія враговъ (2—12). Но онъ имѣетъ утѣшеніе въ надеждѣ, что Богъ помилуетъ пѣкогда Сіонъ, освободитъ плѣнныхъ израильтянъ и что тогда всѣ народы будутъ почитать Бога (13—23).

Отъ такого радостнаго будущаго онъ снова возвращается къ печальному настоящему и жалуется на свои страданія (24;25), но скоро успокоивается мыслію о вѣчности и неизмѣнности Господа, который въ должное время доставитъ спасеніе (26—29).

Примѣч. Заключение псалма (26—22), представляющее прекрасное изображеніе вѣчности и неизмѣнности Божіей, ап. Павелъ прилагаетъ къ лицу Иисуса Христа (Евр. 1, 10 и д.).

ПСАЛОМЪ 102.

Псалмопѣвецъ возбуждаетъ свою душу къ прославленію Господа за Его благодѣянія и милосердіе (1—6), обѣщанія Моисею (7,8), и оказанія Имъ своему народу (9—14), въ виду слабости человѣческой природы (14—16). Милосердіе Божіе къ почитающимъ Его неизмѣнно (17, 18). Въ заключеніе онъ призываетъ ангеловъ и всѣ твари прославлять Бога (20—22).

ПСАЛОМЪ 103.

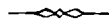
Въ переводѣ LXX и Вулгатѣ этотъ псаломъ носитъ надпись *о мѣстѣ бытіи*, т. е. о твореніи міра, и дѣйствительно представляетъ прекрасный гимнъ Господу, Творцу и Промыслителю міра

Сначала псалмопѣвецъ изображаетъ твореніе неба и земли (2—5), отдѣленіе суши отъ воды (6—6), растений и животныхъ (10—18). Потомъ обращается къ солнцу и лунѣ съ ихъ дѣйствіями на жизнь земли (19—23), показываетъ, какъ чудно Богъ оживилъ и населилъ море (24—26), какъ единою благодією Его сохраняются всѣ твари (27—30). Вѣчная Ему, да будетъ слава! Да познаютъ величіе Его и славу всѣ люди (31—35).

Примѣч. Ст. 17 *Еродіево* (Апство) жилище (гнѣздо) предводителствуеъ ими (выше всѣхъ). Ст. 26. *Змій* (левіаѳанъ) сей, сію же создалъ еси ругатися (ἐρπαίσειν — шутать) ему (отъ нимъ, съ моремъ).

ПСАЛОМЪ 104 и 105.

Оба эти псалма можно назвать историческими, потому что они изображаютъ чудеса Божія, сотворенныя для народа израильскаго со времени Авраама и до времени судей или царей. Чудеса эти были слѣдствіемъ завѣта, заключеннаго Богомъ съ Авраамомъ. Пс. 104 оканчивается изведеніемъ евреевъ изъ Египта; пс. 105, послѣ приглашенія къ славословію Господа и послѣ упрека за неразумніе чудесъ Божіихъ, подобно неразумнію ихъ предковъ, продолжаетъ исчисленіе чудесъ Божіихъ отъ изведенія изъ Египта до наказаній во времена судей, когда израильтяне не исполняли заповѣди Божіей о истребленіи хананеевъ и стали подпадать игу язычниковъ. Книга Паралипомѣнонъ (1 Пар. 16. 8—29, 34—36) содержитъ пѣснь, которуя составляютъ первая половина пс. 104-го (ст. 1—15), пс. 95-го и три стиха (1. 47. 48) пс. 105-го, и свидѣтельствуетъ, что Давидъ въ день перенесенія ковчега въ первый разъ далъ ее для прославленія Іеговъ, «Асафу и братьямъ его» Но искусственное составленіе этой пѣсни по слъченію съ псалмами очевидно и относится какъ и вся книга Паралипомѣнонъ ко времени позднѣйшему; самыя псалмы могли существовать гораздо ранѣе.

Часть пятая (106—150).

Эта часть Псалтири заключаетъ въ себѣ большую частію псалмы неизвѣстныхъ писателей. Только тринадцать псалмовъ въ еврейской Библии означены именемъ Давида, остальные же безъ надписи. Но нѣкоторые изъ ненадписанныхъ у евреевъ содержаніемъ своимъ и особенно надписями у LXX прямо указыва-

ютъ на Давида или другихъ писателей. Характеръ этой книги наставительный и хвалебный.

ПСАЛОМЪ 106.

Этотъ псаломъ по сходству содержания и изложения даже неодинаковости начала и конца, принадлежитъ къ группѣ псалмовъ книги 4-й и есть какъ бы продолженіе ихъ.

Псалмопѣвецъ возбуждаетъ возвратившихся изъ плѣна — благодарить Господа, собравшаго разсѣянныхъ (1—9), выкупившаго угнѣбленныхъ и закованныхъ въ желѣзо (10—16), спасшаго близкихъ къ смерти (17—22) и приведшаго на берегъ потерпѣвшихъ на морѣ кораблекрушеніе (23—31). Всѣ они должны благодарить Его и прославлять безмѣрную благодать, чтобы Онъ снова переселилъ ихъ въ обѣтованную землю, населилъ опять и благословилъ эту опустошенную страну (33—43).

ПСАЛОМЪ 107.

Составленъ изъ пс. 56, 8—12 и 59, 7—14.

Содержаніе его составляетъ возбужденіе псалмопѣвцомъ самого себя къ славословію Бога за милость его и особенно за побѣды надъ врагами.

ПСАЛОМЪ 108.

Церковь слѣдую указанію Иисуса Христа (Іоан 18, 12) и ап. Петра (Дѣян. 1, 20), прилагаетъ этотъ псаломъ къ Іудѣ Искаріоту. Какъ произведеніе Давида, онъ могъ быть произнесенъ во время крайняго озлобленія его врагами — Сауломъ, Авесаломомъ, Ахитофломъ, Дункомъ, Семеемъ и др. Но скорѣе онъ приличенъ времени послѣ плѣна, когда Товія и Салаваддаты

напали на Неемию и другихъ строителейъ храма іерусалимскаго (Неем. 6, 13, 14).

Псалмопѣвецъ жалуется на лѣстивыхъ, коварныхъ, неблагодарныхъ людей, которые коварствуютъ противъ него и преслѣдуютъ его, хотя онъ оказывалъ имъ добро (1—5) и призываетъ проклятіе на нихъ, на дѣтей ихъ, на имущество и на весь родъ ихъ (6—15), указывая свои побужденія къ такимъ зложеланіямъ на нихъ (16—20). Въ заключеніе онъ молится о помощи, выставляя свои тѣлесныя страданія и указывая дѣйствія или послѣдствія совершеннаго Богомъ избавленія (21—31).

ПСАЛОМЪ 109.

Въ послѣдніе дни жизни Давида, Духъ Святый открываетъ ему, что неосуществившіяся на немъ ожиданія Мессіи, въ будущемъ осуществятся на Томъ, Кто будетъ его сыномъ и Господомъ (2 Цар. 23, 1—7). На немъ вполне осуществится то, что прообразовательно совершилось, когда Давидъ поставилъ свой престолъ въ Іерусалимѣ противъ престола Іеловы (2 Цар. 6) и когда онъ, послѣ побѣды надъ царемъ аммонитскимъ, возложилъ себѣ на голову золотой вѣнецъ (1 Парал. 20, 1—3). Великій будущій Царь будетъ сидѣть на престолѣ на Сіонѣ одесную престола Господа и оттуда будетъ господствовать надъ своими врагами; но отношеніе *Его* къ Господу есть отношеніе родственныхъ существъ и Онъ къ погамъ своимъ повергнетъ всѣхъ своихъ враговъ (1, 2). И Онъ не только Царь, но и вѣчный священникъ, по вѣтвенному обѣщанію; Онъ священникъ и Царь свыше рожденнаго народа; прообразомъ Ему служилъ Мелхиседекъ, вполне соединявшій въ себѣ царскую и священническую власть (3, 4). Господь въ день гнѣва сокрушитъ всѣхъ враговъ сего Царя;

они погибаютъ, а Онъ торжествуетъ совершенную побѣду. Это будетъ во время конечнаго суда, когда вполнѣ откроется Его слава (5—7).

Евангелпсты повѣствуютъ, что Господь Иисусъ Христось, проповѣдую народу паранльскому свое божественное посольство и изболпчая заблужденія кппжпиковъ и фарисеевъ, спрашивалъ ихъ: чей есть сынъ Мессія? Какъ они думаютъ о немъ? Книжники, не обвиняясь, отвѣчали: Давидовъ. Какимъ же образомъ, возражаетъ имъ на это Спаситель,—какимъ образомъ Давидъ называетъ Его Господомъ: рече Господь Господеви моему, сѣди одесную мене и пр. (Мѳ. 22, 41—46. Мр. 12, 35—37. Лук. 20, 41—44). Фарисеи, конечно, не могли отвѣчать на возраженіе Иисуса Христа. Но отвѣтъ былъ ясенъ и этотъ отвѣтъ мы слышимъ изъ устъ апостоловъ (Дѣян. 2, 34—36. 1 Кор. 15, 25. Евр. 1, 13. 10, 13). Апостолы прямо доказали, что сей Господь, которому речено сидѣть одесную Господа, есть Иисусъ Христось, восшедшій на небеса и сѣдящій одесную Отца, дондеже будутъ положены все враги Его подъ ноги Его. Псалмопѣвецъ говоритъ: *Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене.* Здѣсь, какъ замѣтилъ уже Иисусъ Христось, *Господь* говоритъ *Господу* же, а не царю или другому какому потомку Давида. Правда утонченныя критики находятъ различіе въ названіяхъ Господа говорящаго и Господа сѣдящаго одесную: тамъ *Иегова*, здѣсь *Адонай*—господпнь (имя всякаго царя); но уже самое посажденіе сего Господа одесную *Иеговы*, взятое изъ обычая восточныхъ царей, и означавшее не только равенство чести, но и родственную, наследственную близость сѣдящихъ, показываетъ, что сила критики не уничтожаетъ силы пророчества. *Жель силы послеть ти Господь отъ Сіона и господствуй посреди враговъ твоихъ.* И это выраженіе, хотя и можетъ относиться къ Давиду, но прямо относится къ Мессіи, вторпий съ Сіона возвѣстпль новыи завѣтъ роду человекскому. *Съ тобою начало въ день силы твоея, во свѣтлостехъ святыхъ твоихъ: изъ чрева прежде ден-*

ници родилъ тл. Этотъ стихъ очень неясенъ какъ въ подлинникѣ, такъ и во всѣхъ переводахъ. Греческій переводъ и древній латинскій даютъ намъ, по изъясненію Златоуста, Василія В., Аванасія и др., мысль о началѣ или о господствѣ: съ тобою господство въ день силы (побѣды) твоея, во святлостн (во славѣ) святыхъ твоихъ, когда Я родилъ тебя изъ чрева прежде созданія девицы; т. е. власть дана тебѣ въ то время, когда ты рожденъ изъ лона Отца прежде всякой твари. Болѣе близкій къ буквѣ псалма и далекій отъ мессіанскаго значенія переводъ: «послѣ побѣды твоей народъ твой охотно принесетъ тебѣ жертвы во святилищѣ твоемъ; дѣти будутъ рождаться у тебя, какъ роса изъ чрева утренней зари». Но слѣдующій стихъ даетъ намъ возможность признать превосходство предыдущаго перевода, освященнаго и древностію и приниманіемъ св. апостоловъ. *Клятса Господь и не расклется: тл еси іерей во зпкъ по чину Мелхисседекову.* Этотъ стихъ служить темою обширнаго богодуховеннаго толкованія, предложеннаго ап. Павломъ въ посланіи въ Евреямъ (гл. 5—8). Сущность разсужденія ап. Павла состоитъ въ слѣдующемъ. Всякій первосвященникъ, избираемый изъ людей и поставляемый на служеніе Богу, чтобы приносить жертвы за грѣхи людей, въ то же время долженъ приносить жертвы и за себя (5, 1—3) Но поедлибу такіе первосвященники смертны, то и священство ихъ несовершенно и не вѣчно, а также и законъ или завѣтъ, который поставляетъ такихъ священниковъ, не можетъ привести къ совершенству и оставаться неизмѣннымъ. Вотъ почему Господь воздвигаетъ въ дому своемъ иного первосвященника, вѣрнаго въ званіи своемъ и вѣчнаго въ служеніи своемъ, первосвященника уже не по чину Ааронову, а по чину Мелхиседекову (Евр. 2, 17. 7, 24). Сей Мелхиседекъ по указанію ап. Павла, былъ истиннымъ прообразомъ Сына Божія, означая самимъ именемъ своимъ царя правды, а именемъ города своего—царя мира; неизвѣстностію же рода и продолженія жизни какъ бы соотвѣтствуя вѣчности своего священническаго и царскаго служенія. Встрѣтивъ Авраама, имѣвшаго уже обѣтованіе о рожденіи отъ него Мессіи, и возвращавшагося съ побѣды надъ языческими царями, съ хлѣбомъ и виномъ,

символами новаго завета, благословивъ друга Божія (Іак. 2, 23) и получивъ отъ него десятину, Мелхиседекъ въ лицѣ праотца Авраама благословлялъ и его потомка Левія, отъ коего ветхозавѣтное священство, и принялъ десятины отъ самаго отца вѣрующихъ и отъ тѣхъ, которымъ давались десятины. Итакъ какъ безъ всякаго прекословія, меньшій благословляется большимъ, то священникъ по образу Мелхиседека долженъ быть признаваемъ большимъ и совершеннѣйшимъ священникомъ, чѣмъ священникъ по чину Аарона. Какъ бы въ доказательство сего совершенства, Господь, нарекающій новаго первосвященника изъ чреды Мелхиседековой, нарекаетъ его съ клятвою, а не какъ священниковъ изъ колѣна Левіина, и даетъ ему это первосвященство во вѣкъ (Евр. 7). Дѣйствительно, Іисусъ Христосъ, будучи сыномъ Божиимъ, принесши самаго себя въ жертву Богу за грѣхи людскіе, вошелъ съ плотію своею и кровію во внутреннѣйшее святилище небесной скинии и сдѣлался первосвященникомъ вѣчнымъ, воссѣдая одесную престола Божія на высокихъ и не имѣя уже надобности повторять свою жертву ни за себя, ни за другихъ (гл. 6, 19. 20. 8, 1—6). Сила такого изъясненія псалма такъ очевидна, что нѣтъ надобности ни прибавлять что либо къ сему изъясненію, ни подозрѣвать натяжку. И хотя бы даже кто признавалъ, какъ хотятъ этого нѣкоторые толкователи, что лице Мелхиседека есть легендарное, или лучше, что въ 109 псалмѣ выраженіе Мелхиседекъ не собственное, а нарицательное имя (царь правды), и что іерейство по образцу царя праведнаго есть лишь указаніе на соединеніе въ лицѣ древнихъ царей священническаго и царскаго достоинства, какъ это видимъ въ Мелхиседекѣ, въ ошибкахъ Саула (1 Цар. 13, 9) и Осія (2 пар. 26, 16), въ примѣрахъ Іеровоама (3 Цар. 12, 32), моавитскаго царя (4 Цар. 3, 27), Ахаза (16, 12, 13) и другихъ: то и тогда бы это съ клятвою обѣщанное на вѣкъ священство указывало на превосходство и важность его и на особенность лица, сѣдѣщаго одесную Бога и получающаго такое обѣщаніе. Продолженіе сего псалма подтверждаетъ значеніе полученной высокими царемъ власти. Господь, сѣдѣющій одесную, въ день гнѣва своего сокрушитъ царей, будетъ судить народы, испровергнетъ многихъ.

Какъ счастливый полководецъ, онъ, предводительствуя войскомъ, не будетъ нуждаться въ водѣ, но на пути найдетъ ключевую воду и будетъ пить изъ источниковъ; какъ славный побѣдитель, онъ вознесетъ главу свою.

ПСАЛОМЪ 110.

Псалмопѣвецъ прославляетъ Господа за чудесное руководство Израилемъ (1—7), за дарованные Имъ благіе законы (7—8) и въ заключеніе увѣщаетъ къ страху Божию (9.14).

ПСАЛОМЪ 111.

Псаломъ этотъ прославляетъ счастье благочестивыхъ. — Благо тому, кто боится Бога и привязанъ къ Его заповѣдямъ (1); все будетъ благопріятствовать и ему и его потомству (2—9), въ до-садъ нечестивцевъ, желанія которыхъ не исполнятся (10).

Примѣч. Пс. 110 и 111 написаны оба въ алфавитномъ порядкѣ, но такъ, что каждый стихъ заключаетъ въ себѣ двѣ буквы, послѣдніе два по три. Бл. Иеронимъ считаетъ эти псалмы писанными съ педагогическою цѣлію, чтобы облегчить для дѣтей изученіе высокихъ истинъ, выраженныхъ въ стихъ псалмахъ.

ПСАЛОМЪ 112.

Рядъ псалмовъ отъ 112 до 118 называется у евреевъ *великой Аллилуйей*. Евреи соединяютъ эти псалмы и поютъ ихъ въ дни великихъ праздниковъ, исключая праздника очищенія и новаго года. Въ навечеріе пасхи они пѣлись по съденіи пасхальнаго агнца, но такъ, что псалмы 112 и 113 предъ второю чашею вина, а 114—117 предъ четвертою, которою окончивалось пиршество (Маѳ. 26. 30. Мар. 14, 26). Эти псалмы суть не что иное, какъ собраніе благодарностей и прославленій Бога за Его благодѣянія и великія дѣла.

Пс. 112 содержитъ возбужденіе въ прославленію Господа.— Во всякое время и на всякомъ мѣстѣ должно прославлять Его имя (2—3). Высоко царствуя надъ всеѣмъ (1.5), Онъ нисходитъ для благодѣтельнаго поученія о людяхъ, для возвышенія угнетенныхъ и счастья несчастныхъ (6—8).

ПСАЛОМЪ 113.

Пѣснь объ ишествіи изъ Египта.

Ишествіемъ изъ Египта народъ израильскій посвященъ былъ Богу (1.2). Тогда открылась власть Его надъ природою; все препятствія должны были уступить Ему (3.4). Излагая эти событія въ престоѣ повѣствованіи, псалмопѣвецъ воспроизводитъ ихъ еще въ живомъ обращеніи къ водамъ и горамъ (5. 6). Въѣсто отвѣта на это обращеніе указано основаніе ужаса природы (7. 8). Затѣмъ псалмопѣвецъ обращается съ молитвою къ Богу о помощи Израилю не ради его самого, по ради славы Божіей, такъ какъ несчастіе Израили дастъ поводъ язычникамъ поносить Бога Израилева (9.10), между тѣмъ какъ у Бога только сила и могущество (11); идолы же суть бездушныя изображенія (12—13); такъ же безвильны и надбѣющія на нихъ (16). Но Израиль долженъ надѣяться на Бога (17—19), Который тогда и благословитъ его (20—24), и прославлять Господа (25 26).

Примѣч. У евреевъ этотъ псаломъ раздѣляется на два псалма, такъ что съ 9-го стиха начинается новый псаломъ, который по ихъ счету будетъ 115-й.

ПСАЛОМЪ 114.

Псалмопѣвецъ благодаритъ Бога за спасеніе отъ великаго несчастія. Богъ услышалъ его молитву (1.2), когда окружили

его великія несчастія (3) и онъ воззвалъ къ Нему о помощи (4), ибо Онъ благо и милосердіе и потому избавилъ молящагося отъ бѣдствій, на что избавленный даетъ обѣтъ благоугождать Господу.

ПСАЛОМЪ 115.

Вспомнивая о своей вѣрѣ, съ которою призывалъ Бога въ несчастія, псалмопѣвецъ замѣчаетъ, что онъ тогда сознавалъ не-надежность помощи человѣческой (1, 2) и хотеть теперь въ присутствіи всего народа, жертвами и обѣтами, принести свою благодарность Господу (3—10).

Примеч. Этотъ и предшествующій псалмы у евреевъ составляютъ одинъ псаломъ 116.

ПСАЛОМЪ 116.

Этотъ, самый меньшій въ Псалтири, псаломъ призываетъ язычниковъ къ прославленію Господа за Его милосердіе и вѣрность въ исполненіи своихъ обѣщаній. (Ср. Рим. 15, 11).—По мнѣнію многихъ толковниковъ, это была храмовая пѣснь, употреблявшаяся въ началѣ, или въ концѣ богослуженія.

ПСАЛОМЪ 117.

Благодарственная пѣснь послѣ побѣды надъ врагами.

Псалмопѣвецъ призываетъ всѣхъ къ прославленію Господа (1—4), ибо Онъ помогаетъ всѣмъ призывающимъ Его въ пуждѣ и ищущимъ у Него помощи (5—9). Многочисленные враги-язычники окружали избавленнаго и угрожали ему гибелью; но упованіе его на Бога дало ему мужество и Богъ помогъ ему (10—18). Онъ входитъ въ храмъ, чтобы возблагодарить Господа (19—21). Народъ присоединяетъ при этомъ выраженіе и своей радости.

ной благодарности. за спасеніе презираемаго врагами ихъ отечества (22—26). Священники принимаютъ псалмопѣвца съ благословеніями и приносятъ благодарственные жертвы (26.27). Въ заключеніи—новое выраженіе благодарности (28.29).

Примѣч. По изъясненію христіанскихъ толковниковъ, въ этомъ псалмѣ изображается Мессія, Который по воскресеніи своемъ славословитъ Бога и призываетъ церковь къ славословію Бога, воскресившаго Его отъ мертвыхъ (Дѣян. 4, 10) и спасаго отъ всѣхъ враговъ. Онъ называется здѣсь *камнемъ*, его же небрегоша зиждущи (ст. 22), подъ которымъ, по свидѣтельству Спасителя (Мат. 21, 41. Марк. 12, 10. 11. Лук. 20, 17) и ап. Петра (Дѣян. 21, 41), должно разумѣть самого Христа, преданнаго іудеями на смерть и воздвигнутаго отъ мертвыхъ силою Божіею. Подъ *днемъ*, который сотворилъ Господь, дабы радоваться и веселиться въ оный (24), св. церковь разумѣетъ день свѣтлаго воскресенія Христова.—О Господи *спаси же* (25) съ евр. *יִשְׁעֵנִי אֱלֹהִים* (ср. Мѡ. 21 9).

ПСАЛОМЪ 118.

Псаломъ этотъ, наибольшій изъ всѣхъ псалмовъ, написанъ въ алфавитномъ порядкѣ, такъ что раздѣляется на 22 части. въ каждой по 8 стиховъ, начинающихся одною буквою; каждая часть заключаетъ особенный предметъ для дидактическаго представленія. Общее содержаніе псалма состоитъ въ томъ, что только страхъ Божій и соблюденіе закона Божія дѣлаютъ человѣка счастливымъ во всѣхъ положеніяхъ жизни.

Общее выраженіе блаженства сохраняющихъ законъ и ходящихъ путемъ закона (1—8); выраженіе радости и веселія о законѣ (9—16); молитва о просвѣщеніи въ законѣ (17—24); печаль сердца о законѣ и утѣшеніе въ законѣ (25—32); снова молитва

объ уверженіи въ законѣ (33—40); молитва о милости, благосостояніи и противодѣйствіи врагамъ (41—49); утѣшеніе обѣтованіями закона среди бѣдствій и поношеній (51—56); твердое сохраненіе закона (57—64); несчастія приводятъ къ исполненію закона (65—72); послѣ несчастій благодать Божія утѣшаетъ твердо въ законѣ (73—80); въ тяжкихъ страданіяхъ вѣрующій жаждетъ утѣшенія въ законѣ (81—88); слово Божіе вѣчно, какъ и дѣла Божія, оно спасаетъ угнетенныхъ (89—96); ученіе Божіе умудряетъ паче всего (97—106); законъ Божій—свѣтъ и ободреніе (106—113); любящій законъ ненавидитъ грѣшниковъ (114—120); молитва объ освобожденіи отъ гордыхъ людей (121—128); дѣйствія божественнаго ученія и молитва о благодати (129—136); божественное водительство и законъ Божій правы, хотя и страдаетъ псалмопѣвецъ (137—144); молитва его отъ всего сердца (145—152); вѣрность его закону подаетъ основаніе къ молитвѣ объ освобожденіи отъ множества враговъ (153—160); повтореніе главныхъ мыслей псалма (161—168); заключительная молитва (169—176).

ПСАЛОМЪ 119.

Этимъ псалмомъ начинается рядъ псалмовъ, именуемыхъ надписей: *пѣснь степеней*. Ссылаясь на то, что Господь уже внималъ прежнимъ молитвамъ псалмопѣвца (ст. 1.), онъ снова молится Богу о помощи, такъ какъ чрезвычайно сильны и тяжелы его страданія, особенно отъ злобной и ядовитой клеветы враговъ (ст. 2.). Злословіе и клевета на него такъ не справедливы, что онъ въ правѣ обратиться къ клеветникамъ съ вопросомъ: есть ли наказаніе, соответствующее злобѣ ихъ языка? (ст. 3.). Въ ст. 4 онъ отвѣчаетъ на это: есть такое наказаніе! Оно состоитъ въ строгомъ, внезапномъ наказаніи всемогущимъ (сильнымъ) Богомъ. Но Богъ еще не поднялъ своей наказующей десницы, еще томится псалмопѣвецъ подъ гнетомъ своихъ злобныхъ враговъ; отсюда

его жалоба, что онъ такъ долго вынужденъ жить среди свирѣ-
пыхъ, безчувственныхъ людей, которые причиняютъ ему столько
страданий (ст. 5. 6.), которые совершенно ненавидятъ мира (ст.
7).—Если признать, что молящійся здѣсь является выразителемъ
не личныхъ только своихъ чувствъ, то можно псаломъ этотъ
считать молитвою благочестивыхъ вавилонскихъ плѣнниковъ, ко-
торые подвергались тѣмъ разнымъ злословіямъ и клеветамъ (по-
дозрѣніямъ); такому пониманію псалма соотвѣтствуютъ и слова:
пришельствіе; пришельствова. Нѣкоторые толковники дума-
ютъ, что псаломъ этотъ написанъ по поводу враждебныхъ отно-
шеній возвратившихся изъ плѣна іудеевъ къ самарянамъ, кото-
рые злобно клеветали на іудеевъ при персидскомъ дворѣ; при такомъ
толкованіи прошедшія времена въ ст. 1. можно относить къ плѣну
и освобожденію изъ плѣна. Христіанскіе, при чтеніи этого псалма,
имѣютъ въ виду свое пребываніе среди грѣховнаго и развращен-
наго міра и устремляется своимъ желаніемъ къ обителямъ вѣч-
наго міра.

Примѣч. Пѣсьи степеней—переводъ *שִׁירֵי הַמַּעֲרָבִים*.
Многіе толковники свѣдѣются къ мнѣнію, что пят-
надцать псалмовъ съ такою надписью, во время торжест-
веннаго праздника почерпанія воды (въ праздникъ кушей),
пѣлись на пятнадцати ступеняхъ, которыя въ формѣ полу-
круга вели изъ женскаго притвора къ Никаноровымъ во-
ротамъ и въ притворъ пэрайльтанъ; отъ этого, говорятъ,
и получили эти псалмы названіе—«пѣсни степеней», т. е.
пѣсней на ступеняхъ. Еврейское надписаніе этихъ псал-
мовъ *ширъ гамаалотъ* одни понимаютъ въ смыслѣ *возвы-
шеннаго пѣнья*; другіе же видятъ въ этомъ выраженіи
указаніе на *мствицеобразную* какъ бы форму мысли въ
этихъ псалмахъ. Не мало толковниковъ и на сторонѣ того
мнѣнія, что это «пѣсни восхожденія», т. е. пѣсни, какия
воспѣвали плѣнники во время возвращенія (*начи восходити*,

Ездр. 7, 9.) изъ Вавилова въ Палестину; но это мнѣніе совершенно неприложимо въ отношеніи къ нѣкоторымъ псалмамъ, написаннымъ уже послѣ плѣна. Но большіе основаній на сторонѣ того мнѣнія, что надпись указываетъ на употребленіе этихъ псалмовъ при путешествіи іудеевъ на праздники въ Иерусалимъ, такъ какъ путешествіе въ горную страну называлось *восхожденіемъ* — По переводу LXX и по Вульгатѣ естественнѣе всего принимать ст. 3. за поэтическое обращеніе псалмопѣвца къ своимъ (своему) клеветникамъ: что можетъ быть дано тебѣ Богомъ, полною мѣрою (ср. 1 Цар 3, 17) удѣлено, какое наказаніе назначено, чтобы оно соответствовало твоей клеветѣ (къ языку — *πρός* — ср. Рим. 8, 18). По нынѣшнему еврейскому чтенію ст. 3. можно перевести: «что (Богъ) дастъ тебѣ (въ наказаніе за твои клеветы) и что прибавитъ тебѣ, языкъ лукавый?» Ст. 4. даетъ отвѣтъ: «изошранныя стрѣлы» и т. д. По переводу LXX и по Вульгатѣ ст. 4 также нужно понимать какъ вопросъ, предложенный въ ст. 3 и какъ названіе того наказанія, которое должно постигнуть клеветника. *Со угльми* — *סוּן תוֹץ אֲנֻדְרָאִי* имѣетъ значеніе: равно какъ, также какъ и углю; стрѣлы достанутся тебѣ, равно какъ и углю.... *Пустынные* — *עֲרְמוֹתַי* можно принимать въ смыслѣ *עֲרְמוֹתַי*, т. е. угли опустошающіе, истребляющіе все, къ чему ни прикасаются вслѣдствіе сильнаго въ нихъ жара. Нѣкоторые разумѣютъ здѣсь дровяной или можжевеловый кустарникъ, растущій въ пустынѣ (*עֵץ עֲרְמוֹתַי*), изъ котораго пустынные жители Аравіи готовятъ уголь: Дровяные угли даютъ очень сильный жаръ, долго тлѣютъ подъ пепломъ, и служатъ здѣсь, какъ и стрѣлы, образомъ сильнаго наказанія. — *Пришельствіе* — *תַּרְסִיחַ*, обитаніе, пребываніе въ какой либо странѣ въ качествѣ чужеземца. — *Кидаръ*, арабское племя; (Быт. 25, 13 Ис. 42, 11. 60, 7.) вѣроятно это названіе вавилонянь, какъ грубыхъ, злобныхъ людей (какъ у насъ о грубыхъ людяхъ говорятъ: готтентоты). Въ еврейскомъ: «горе мнѣ что я пребываю у Мосоха, (Мосхи у Чернаго моря. Быт.

10, 2.) живу у шатровъ Кндаревихъ.» Въ нѣкоторыхъ спискахъ Псалтири слова: *блѣхъ миренъ* связываются съ предшествующими словами: *съ ненавидящими мира*, которыя составляютъ начало отдѣльнаго предложенія; но большинство на сторонѣ чтенія, которому мы послѣдовали. — *Егда малоласъ имъ*, т. е. когда я совершенно спокойно высказывалъ свои религиозныя убѣжденія, исповѣдывалъ свою вѣру, они преслѣдуютъ меня за это.

ПСАЛОМЪ 120.

Этотъ псаломъ также могъ быть написанъ какимъ нибудь благочестивымъ плѣнникомъ въ Вавилонѣ. Съ грустью, съ тоскою взираетъ онъ изъ земли плѣненія къ горамъ, по направленію которыхъ лежитъ Палестина, взираетъ слѣдовательно къ святой землѣ, къ святому городу, гдѣ онъ представляетъ себѣ особенное присутствіе своего Бога, и съ горестію спрашиваетъ: откуда прійдетъ къ нему помощь, кто освободитъ его изъ плѣна? (ст. 1). Въ полной увѣренности, онъ и отвѣчаетъ за тѣмъ: всемогущій Богъ (создавшій небо и землю) поможетъ ему. Успокоивая самого себя (*погу твою*: перемена лица), онъ высказываетъ желаніе, чтобы Богъ не допустилъ погибнуть ему (пошатнуться), чтобы Богъ позаботился о судьбѣ его (ст. 3); несомнѣнно, взываетъ псалмопѣвецъ въ утѣшеніе свое, Господь печется о тебѣ (ст. 4), стоитъ подлѣ тебя для защиты твоей (ст. 5), предохраняетъ тебя отъ всякой непріятности (ст. 6), отъ всякаго зла (ст. 7), и притомъ вездѣ и всегда.

Примѣч. По мнѣнію нѣкоторыхъ, этотъ псаломъ пѣли возвращавшіеся изъ Вавилона плѣнники, когда они приближались къ Палестинѣ и когда имъ стали видны уже палестинскія горы; по мнѣнію же другихъ онъ направленъ противъ самаритянъ, и подъ *горами* здѣсь разумѣется сіонская гора (какъ часть высокаго горнаго хребта), на кото-

рой пребываетъ Господь, и откуда Онъ посылаетъ свою помощь. Намъ кажется, что здѣсь разумѣются *горы* вѣдестпнскія, лежавшія впрочемъ по направленію къ Іерусалиму, и по которымъ плѣнники опредѣляли себѣ положеніе Іерусалима, когда во время молитвы обращались по направленію къ своему священному городу (Дан. 6, 10). Обращать, по этому, взоры къ горамъ, значитъ тоже, что обращаться къ Іерусалиму, вспоминать въ тихой скорби объ утраченномъ отечествѣ; эта скорбь вызываетъ у автора грустный вопросъ: «откуда придетъ моя помощь?» долго ли я еще буду свои слезные взоры обращать изъ страны плѣненія къ родному городу?—Христіанпль при этомъ думаетъ о небесномъ Іерусалимѣ, небесномъ своемъ отечествѣ (Второз. 33, 15. Пс. 124, 1).—*Заснуть*—знакъ беззаботности.—*Покровъ*, *σκέπη*, евр. *снь*, защита отъ жары.—*На руку десную твою, ἐπί Χεῖρα*... Онъ есть твоя защита; жаръ солнечный, особенно представляется жгучимъ съ правой стороны (юга?), а поэтому и защита съ этой стороны. По другому толкованію: Господь повернетъ твою правую руку. Сражаются обыкновенно правою рукою; если же въ борьбѣ Богъ защищаетъ эту руку, то можно обѣщать себѣ успѣхъ.—*Луна* считается здѣсь причиною часто значительнаго на востокъ (*жгучаго*) ночнаго холода; какъ солнце признается причиною жара, такъ восточные жители ночной холодъ приписываютъ лунѣ (ср. Быт. 31, 40). Вѣроятно св. писатель хотѣлъ этимъ выразить мысль: никакой опасности, никакому затрудненію ты не подвергнешься.—*Вложденіе и исхожденіе*—выходъ и входъ въ домъ; Онъ защититъ тебя, гдѣ бы ты ни былъ, куда бы ни пошелъ, слѣдовательно вездѣ, во всякой твоей дѣятельности, въ жизни и смерти (Второз. 28, 6 и д.).

ПСАЛОМЪ 121.

По надписи въ еврейской Псалтири, этотъ псаломъ написанъ Давидомъ. Онъ могъ быть написанъ имъ въ то время, когда

животъ завѣта бытъ перепесепъ на Сіютъ и когда началось совершатся величественное богослуженіе, организованное Давидомъ (1 Пар. 16). Не могъ не заботиться Давидъ о томъ, чтобы израильтяне вѣхъ колѣвъ усердно и охотно собирались въ Иерусалимъ на три главные праздника, чтобы приучались тамъ сознать себя и чувствовать при общественномъ богослуженіи чадами одного Бога, святымъ и избраннымъ народомъ; но ничто такъ сильно не могло питать и возвышать сознанія единства и національнаго чувства евреевъ, какъ общія праздничныя торжества въ Иерусалимѣ. Чтобы сдѣлать посѣщеніе этихъ праздниковъ приятнымъ и полезнымъ для народа, Давидъ могъ написать нѣсколько пѣсней для путешествовавшихъ въ Иерусалимъ; одна изъ такихъ пѣсней и сохранилась въ этомъ псалмѣ. Она рассчитана для праздничнаго барабана путешественниковъ, прибывшихъ въ Иерусалимъ, въ воротахъ его (ст. 2) и собирающихся идти съ процессіей въ скинія (которая называется уже и *домомъ Божиимъ*) на гору Сіютъ. Прибывши въ Иерусалимъ и вступивши въ его ворота, путешественники вспоминаютъ, какъ они еще *дома* обрадовались, когда имъ сказали: „близко праздникъ, поѣдемъ въ Иерусалимъ“ (ст. 1). И теперь когда цѣль ихъ достигнута, когда они прибыли въ этотъ славный Иерусалимъ, радость ихъ достигла высшей степени (ст. 2). Пораженные величественнымъ видомъ города, они восклицаютъ: „ты Иерусалимъ, и ко своимъ уже *постройкамъ* величественный городъ (ст. 3); но еще славнѣе какъ *религіозный* центръ вѣхъ колѣвъ (ст. 1). Иерусалимъ служить и *политическимъ* центромъ народа: какъ средоточіе всякой правительственной и судебной власти. (ст. 5). Имѣя въ виду такое высое значение Иерусалима, путешественники убѣждаютъ другъ друга, молиться о преизобиліи Божественной милости Иерусалиму (ст. 6. 7) и для общаго интереса (ст. 8) народнаго желать ему мира, тѣмъ болѣе, что онъ есть городъ, въ которомъ обитаетъ Богъ (ст. 9).

Примѣч: Возвеселихся, ἐνφρανθήτω толкуется, одними какъ прошедшее, а другими какъ настоящее; правильнѣе же понимать въ смыслѣ радости, начавшейся еще дома, когда сказали, «въ домъ Господень поидемъ!» и достигшей высшей степени въ настоящемъ. — *О рекшихъ мнѣ εὐρηόσι,* — обрадовался, когда сказали, сказанному мнѣ. — *Во дворяхъ* — въ пригворахъ, собственно въ воротахъ и у воротъ, гдѣ, какъ замѣчено, путешественники собирались, чтобы въ торжественной процессіи войти въ городъ. *Иерусалимъ* въ ст. 3. зват. падежъ. — *Зиждемый, οὐκ οδοποιεῖν τε,* устроенъ, яко градъ, какъ городъ построенъ Иерусалимъ, а не какъ село или деревня; далѣе характеризуется и устройство его: *ему же причастіе его вкутъ,* съ евр.: «слитый въ одно», т. е. видъ котораго представляетъ сплошной рядъ домовъ, а не разбросанъ какъ въ деревняхъ. *Причастіе μετόχου,* participatio, указываетъ на внутреннюю связь домовъ. *Вкутъ, ἐπὶ τὸ αὐτὸ,* въ одно и тоже цѣлое соединяются все дома. Многие подъ словомъ *причастіе* разумѣютъ общеніе, соучастіе, мирное сожительство іерусалимскаго гражданства. Иные это мѣсто объясняютъ: Иерусалимъ есть городъ, въ которомъ принимаютъ участіе все израильтяне, такъ какъ онъ есть религиозный и политическій центръ народа, духовное его отечество. *Тамъ бо взидоша..* съ евр.: «туда восходятъ».. *Свидѣніе ирамлево, (αρχιδέρον τῶ Ἰσραήλ,* — по заповѣди, данной Израилю, ежегодно три раза собираться во скинии, (Исх. 23 17. Втор. 16, 16). Законъ называется свидѣніемъ (Ис. 118, 2). Другіе переводятъ: во свидѣтельство для Израиля, что онъ есть народъ Божій. Иные: ко скинии свидѣній. Въ обоихъ этихъ стихахъ представляется основаніе, зачѣмъ такъ величественно устроенъ Иерусалимъ: это и свойственно такому городу, который служитъ религиознымъ и политическимъ центромъ народа. — *Сидоша престоли,* т. е. тамъ стоятъ престолы или скамьи для суда (*на судъ, εἰς κρίσιν*), который производится царемъ и представителями его. — *Въ дому Давидовѣ, ἐπὶ βίβλον Δαυὶδ,* по ближайшему толкованію — престолы, съ которыхъ произво-

сится судъ надъ (ἐπί σὺν νικί.) домомъ Давидовымъ (надъ Израилемъ?). Съ евр.: престолы для дома Давида, для потомковъ Давида, имѣющихъ право суда. *Вопросите, ἐρωτήσατε*, освѣдомитесь, наслаждается ли Иерусалимъ миромъ, какъ значитъ его имя (городъ мира).—*Въ силѣ, ἐν τῇ ἐδύναμι in virtute*; эти выраженія употребляются въ значеніи войска, множества народа (Ис. 23, 10, 67, 13). Съ евр.: да будетъ миръ въ стѣнахъ твоихъ! (Смыслъ тотъ же).—*Столпостыни* (πυργοὶ ἑρείκ), высокіе дворцы, башни. *Братія*—ближніе всѣ іудеи, которые были чадами Божиими и братьями между собою; въ общемъ интересѣ всѣхъ желается счастья Иерусалиму; ибо если здорово сердце, то здорово и др. членамъ.

ПСАЛОМЪ 122.

Псаломъ этотъ представляетъ исполненную довѣрчивости (*возведохъ очи*) молитву Израиля ко всемогущему Богу. Сознавая свою совершеннѣйшую зависимость отъ Него (*рабъ—рабыня*), народъ *пристальнымъ* взоромъ (знакъ страстнаго желанія въ чувствѣ зависимости) взираетъ къ Господу, и не отвращаетъ отъ Него просащаго своего взора до толъ, пока не преклонитъ Его на милость (ст. 2), пока Онъ не скажетъ страданіямъ: *довольно!* Помилуй, Господи, ибо мы *довольно* уже пострадали; пусть поношеніе, которое мы терпѣли доселѣ, перейдетъ теперь на нашихъ гордыхъ, роскошныхъ мучигелей (ст. 3, 4).—Такъ дѣйствительно могли молиться плѣнники, послѣ того какъ страданія усмирили ихъ и они снова начали твердо привязываться ко Господу. Другіе видятъ въ этомъ псалмѣ отношеніе къ тому, что терпѣли возвратившіеся изъ плѣна отъ самаритъ (ср. Неом. 4, 4).

Примѣч. Христіанинъ можетъ молиться такимъ образомъ но всякой нуждѣ. Какъ рабы и рабыни смотрятъ на своихъ господъ, ожидая отъ нихъ всего, такъ мы съ довѣ-

ріємъ и молитвою взираемъ къ Тебѣ, ожидая отъ Тебя помощи.—*Поношеніе избующимъ* (изобилующимъ) τὸ ἐνεδός τοῖς ἐυθρησῖσι, стоитъ внѣ связи съ предшествующимъ полустишіемъ, какъ отдѣльное предложеніе; для полноты смысла нужно дополнить его словомъ: *да будетъ* поношеніе и проч. Конструція славянскаго нашего перевода въ этомъ мѣстѣ сходна съ еврейскою, такъ какъ съ еврейскаго читаемъ: «довольно насыщена душа наша поношеніемъ отъ надменныхъ и уничиженіемъ отъ гордыхъ».

ПСАЛОМЪ 123.

По надписи въ еврейскомъ текстѣ Псалтири (въ переводѣ LXX, въ Вулгатѣ и большей части древнихъ переводовъ надписи надъ этимъ псаломомъ нѣтъ) псаломъ этотъ произошелъ отъ Давида; но противъ этого говоритъ главнымъ образомъ арамейскій колоритъ рѣчи сего псалма. Онъ могъ быть написанъ какъ благодарственная пѣснь послѣ отвращенія опасности со стороны Арамеянъ и Идумеянъ (2 Цар. 8, 3 и 10, 7 и д.).—Можетъ быть также, что возвратившіеся изъ плѣна высказываютъ свою благодарность: если бы Господь не былъ съ нами (ст. 1 и 2), мы непремѣнно подверглись бы устремленію вражеской силы (3—5). Да будетъ, по этому, благословенъ Господь, избавившій насъ отъ опасности (6. 7.); Онъ, всемогущій (*создавшій небо и землю*); помогъ намъ и только Онъ можетъ помогать; по этому на Немъ покоится наша надежда (8).

Примѣч. Яко *иже* не Господь бы былъ съ нами и пр. дословный переводъ εἰ μὴ ὅτι Κύριος ἦν ἐν ἡμῖν. Слово яко здѣсь значитъ что: «если бы не было, что Господь былъ съ нами»... Такъ можно перевести, удерживая всѣ слова греческаго текста. Ст. 5 съ еврейскаго переводится: «прошли бы надъ душою нашею воды бурныя». Последнее выраженіе въ греческомъ: ἀνοψόστατον, въ славянскомъ: *не посто-янную* (т. е. воду). По смыслу греческаго текста здѣсь безъ

сомнѣнія разумѣется чрезвычайнаго глубокая (бездонная) вода, изъ которой нѣтъ спасенія; нѣкоторые отцы читають: воду *безмѣрную*, а другіе, переходя отъ образа къ дѣйствительности (*тяжелыя бѣдствія*) переводятъ *невыносимую*, т. е. въ которой погибають.

ПСАЛОМЪ 124.

Богъ всегда защищаетъ свой народъ противъ его враговъ; Онъ положитъ конецъ постоянному вражескому угнѣтвенію (1—3): да будетъ Онъ милостивъ къ добрымъ и да накажетъ беззаконниковъ (4. 5).

ПСАЛОМЪ. 125.

Псалмопѣвецъ благодаритъ за возвращеніе изъ плѣна (1—2). Но такъ какъ не все израильяне возвратились, а большая часть осталась въ землѣ плѣненія, то онъ молитъ о возвращеніи и остальныхъ (4) и надѣется, что основанное среди бѣдствій и слезъ общество будетъ имѣть еще радостное будущее (5. 6).

ПСАЛОМЪ 126.

Въ еврейскомъ этотъ псаломъ имѣетъ надпись: *Соломону*, т. е. написанъ Соломономъ. Сравни. ст. 1—3 съ притч. 10, 22 и 2 Цар. 12, 15. 3 Цар. 3, 5—14 (это даетъ Онъ своему *возлюбленному во снѣ*) говорить за происхожденіе псалма отъ Соломона. Въ царствованіе его производились громадныя постройки, построены храмъ, царскій дворецъ; укрѣплены Иерусалимъ и другіе города (3 Цар. 9, 15); евреи при Соломонѣ вели большую торговлю (3 Цар. 10, 15. 22. 27) и старались о приобрѣтеніи богатствъ. При такихъ обстоятельствахъ Соломонъ имѣлъ достаточно причинъ и поводовъ впускать стронившимъ и укрѣпляв-

шимъ города и заботившимся о приобрѣтеніи богатствъ, что все зависитъ отъ *Божія* благословенія (ст. 1—2). Если же кому-либо, вслѣдствіе неуспѣшныхъ трудовъ, и удастся приобрѣсть богатства, то такой не можетъ приобрѣсть того, что безконечно больше доставляетъ человѣку счастья, чѣмъ деньги и имущество, и составляетъ ему защиту въ жизни, именно дѣтей, потомство, если не дастъ *Господь* (3—5). Такимъ образомъ псаломъ вполне можетъ быть объясняемъ обстоятельствами времени Соломона. Но LXX опустивши надпись *Соломону*, понимали этотъ псаломъ, какъ и позднѣйшіе толковники, относя его ко временамъ послѣ плѣна вавилонскаго. Можно впрочемъ допускать, что возвратившіеся изъ плѣна во время построенія находили подходящую къ своимъ обстоятельствамъ пѣснь Соломона, и пророки послѣ плѣна вавилонскаго имѣли достаточно поводовъ внушать строителямъ храма тоже, что Соломонъ внушалъ своимъ современникамъ. Въ то время, когда каждый изъ строителей въ одной рукѣ долженъ былъ держать мечъ (Неем. 4. 18), когда даже Неемія и его братья, и рабы, и стражи не снимали съ себя одежды (Неем 4, 23), не могли спать въ опредѣленное время, не излишне было внушать всѣмъ: не должны они думать, что *ихъ* способности и *ихъ* осторожности достаточно противъ самарянъ; счастливаго успеха своихъ усилій они должны ожидать отъ *Бога* (ст. 1—2). Испытавшимъ тяжела бѣдствія, много потерпѣвшимъ (*сынове отрясенныхъ*) дается увѣреніе, что послѣ этого времени страданій наступитъ время покоя (*сонъ*) и что имъ достанется въ удѣлъ чрезвычайное благословеніе плода чревнаго и съ этимъ увѣреніе народа (ст. 3). Что для героя стрѣлы и вообще оружіе, то для находящихся теперь въ униженіи израильтянъ будутъ многочисленныя ихъ дѣти (ст. 4). Поэтому счастливъ тотъ человѣкъ, которому *Господь* дастъ дѣтей по его желанію; онъ вступается за него, когда враги его встанутъ противъ него.

Примѣч. *Встанете по сѣденіи*, по словамъ бл. Теодорита нужно читать въ неопредѣленномъ а не въ повелительномъ наклоненіи: «напрасно вамъ утрепневать, вставать (вдругъ) по (враткомъ) сѣдѣніи, напрасно ѣдите хлѣбъ печали (съ печалію).—*Хлѣбъ болѣзни*—съ трудомъ и безпокойствомъ приобрѣтаемый.—*Сонъ*—спокойныя, счастливыя времена.—*Мзда плода чреваго* награда, состоящая въ плодѣ чрева.—*Сынове отрясенныхъ*—возвратившіеся изъ плѣна, которые были какъ бы стряхнуты, изгнаны изъ своего отечества.—*Отъ нихъ*, т. е. касательно сыновей.—*Глаголатъ... во вратѣхъ*—защищаться предъ судомъ, такъ какъ у воротъ производился судъ.

ПСАЛОМЪ 127.

Счастливъ благочестивый человѣкъ (1. 2); онъ наслаждается плодами трудовъ своихъ и домашнимъ счастіемъ (3. 4), видитъ счастливымъ свое отечество (5) и видитъ своихъ вѣкувъ (6).

Примѣч. *Лоза плодовая въ странѣхъ дому твоего*—плодоносная виноградная лоза, вьющаяся по сторонамъ дома,—образъ богатой дѣтьми матери, живущей только для своего семейства.

ПСАЛОМЪ 128.

Часто Израиль угвѣтаемъ былъ врагами, но Богъ помогаль ему (1—4). Счастія же враговъ Израили Онъ никогда не оставяль продолжительнымъ (5—8).

Примѣч. *Отъ юности*—со времени избранія, при Авраамѣ.

ПСАЛОМЪ 129.

Псалмопѣвецъ молитъ о похощи и прощевіи грѣховъ (1—4), высказываетъ свою надежду и увѣщаетъ Израиля въ такой же надеждѣ (5—6).

ПСАЛОМЪ 130.

Этотъ псаломъ служить выраженіемъ смиренія и довольства, самообладанія и надежды на Бога. — Изъ третьяго стиха видно, что псалмопѣвецъ говоритъ отъ плени народа. Надежды и ожиданія Израиля, объясняетъ намъ псалмопѣвецъ, не переходятъ надлежащей мѣры; стремленія его направлены не къ завоеваніямъ, не къ политической славѣ, но къ исполненію воли Божіей, въ рукахъ коего находится судьба народа, и отъ котораго только онъ ожидаетъ всего.

Примѣч. Яко отдосенно на матеръ свою. Какъ откормленное дитя спокойно лежитъ на рукахъ у матери, не требуетъ уже молока материнго; такъ безпритязателенъ и народъ.

ПСАЛОМЪ 131.

Псалмопѣвецъ начинаетъ молитвою, чтобы Богъ вспомнилъ о многотрудныхъ заботахъ, съ какими Давидъ старался устроить прочное жилище кивоту Божію (1—5). Такое жилище, продолжаетъ онъ, теперь найдено (6. 7); да увидеть же Господь въ это жилище и да пошлетъ свое благословеніе священникамъ и всѣмъ благочестивымъ людямъ (8. 9). Да помянетъ Онъ благочестіе Давида и на помазанномъ его преемникѣ (м. б. Іехоніи) (10), какъ общалъ Онъ это Давиду (11. 12), такъ какъ Онъ избралъ Сіонъ своимъ жилищемъ и общалъ подавать тамъ счастье и радость и сдѣлать могущественнымъ домъ Давидовъ (13—18).

ПСАЛОМЪ 132.

Похвала согласію: прекрасно, когда братья, члены народа, живутъ въ согласіи между собою.

По мнѣнію однихъ эта пѣснь относится къ соединенію всѣхъ колѣнъ израильскихъ при восшествіи на престолъ Давида; по другимъ же—къ собраніямъ народа въ Іерусалимѣ въ большіе праздники.—Пахучимъ мѣромъ, весьма любимымъ и цѣннымъ на востокѣ, помазываютъ тамъ не только голову, но и бороду и притомъ такъ сильно, что падаютъ капли; самымъ дорогимъ мѣромъ помазывали священниковъ при ихъ посвященіи.—Ааронъ здѣсь, какъ представитель священства.

ПСАЛОМЪ 133.

Пѣснь левитскихъ стражей, которые попеременно восходили на стражу храма, и эту пѣсню возбуждали другъ друга къ бодрствованію и исполненію должности.

ПСАЛОМЪ 134.

Псалмопѣвецъ призываетъ къ прославленію Господа (1—3), потому что Онъ избралъ Израиля своимъ народомъ (4). Онъ есть Господь природы (5—7). Онъ творитъ чудеса для своего народа и далъ ему въ обладаніе обѣтованную землю (8—14). Ничтожны языческіе идолы (15—19), но Израиль прославляетъ Бога (19—21).

Примѣч. По содержанію этотъ псаломъ есть сочетаніе нѣсколькихъ псалмовъ или частей. Наибольше сходства ояъ имѣетъ со второю половиною 113-го псалма, а потомъ съ началомъ 112 и 117-го.

ПСАЛОМЪ 135.

Возбужденіе къ славословію Господа за Его великія благодѣянія, явленныя въ твореніи, (1—9), въ освобожденіи евреевъ изъ Египта и проведеніи чрезъ пустыню (10—20), во введеніи въ землю ханаанскую и въ промышленности (21—26).

Примѣч. Каждый стихъ псалма заключается припѣвомъ; что указываетъ на храмовое употребленіе псалма. По со-

держанію и языку онъ очень похожъ на предыдущій (ср. 17—21 съ 134, 10—12).

ПСАЛОМЪ 136.

«Псаломъ сей не написанъ у евреевъ, нѣкоторые же, рѣшившись на смѣлое дѣло, написали: *Давиду Іереміемъ*, и прибавили: не написанъ у евреевъ. Но самый составъ написанія провозглашаетъ неразуміе написавшихъ; потому что Іеремія не былъ отведенъ съ плѣнными въ Вавилонъ» (Феодоритъ).

Псалмопѣвецъ воспоминаетъ о глубокой скорби, которую испытывали евреи во время вавилонскаго плѣна (1—6) и высказываетъ желаніе, чтобы Вавилонъ за совершенную имъ неправду и насиліе, также какъ и Едомъ за свое участіе въ разрушеніи Іерусалима, получили наказаніе (7—9).

ПСАЛОМЪ 137.

Въ надписи подлѣ имени Давида у LXX стоятъ еще имена Аггея и Захаріи, чѣмъ указывается, можетъ быть, на введеніе въ церковное употребленіе этихъ псалмовъ сими пророками

Псалмопѣвецъ благодаритъ Бога, что онъ услышалъ его молитву, даровалъ ему милость, силу и мужество въ опасностяхъ (1—3). За это славное проявленіе божественнаго міроуправленія, обращающаго вниманіе и на слабыхъ, все царя земные будутъ прославлять Господа (4—6). Молитва о продолженіи и впредь божественной помощи (7—8).

ПСАЛОМЪ 138.

«Въ иныхъ спискахъ къ имени Давида прибавлено: *Захаріемъ въ разстѣннхъ*; сего не нашли и ни въ еврейскомъ текстѣ,

ни у LXX, ни у другихъ переводчиковъ; сдѣлалъ же прибавленіе сіе къ надписанію кто-нибудь, выразумѣвъ псаломъ по своему усмотрѣнію» (Феодоритъ).

Псалмопѣвецъ изображаетъ всевѣдѣніе (1—6) и вседѣприсутствіе Господа (6—12), создавшаго человѣка и еще отъ рожденія опредѣлившаго судьбу его (13—16). Пропыкнутый божественною высотой, онъ высказываетъ свое отвращеніе къ печестивцамъ (17—22) и молить объ покаяніи и очищеніи своего душевнаго состоянія (23—24).

ПСАЛОМЪ 139.

Псалмопѣвецъ молится о помощи противъ злыхъ людей, которые съ насиліемъ, хитростію и клеветою встаютъ противъ него (2—6). Да уничтожитъ Господь ихъ замыслы и накажетъ ихъ (7—12). Онъ увѣренъ, что Господь услышитъ его и обѣщаетъ славословить Господа (13—14).

Примѣч. Ст. 10. Глава окруженія ихъ: *трудъ устенъ ихъ покрываетъ*, яснѣе переводить съ евр. «головы окружившихъ меня да покростъ бѣдствіе ихъ устъ», т. е. бѣдствіе, которое они мнѣ приготавливаютъ, да падетъ на ихъ собственную главу. Въ русск. переводѣ Псалтири, вмѣсто *головы* поставлено *ядъ*, согласно съ чтеніемъ въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ впрочемъ, спискахъ.

ПСАЛОМЪ 140.

Псалмопѣвецъ молится, чтобы Господь сохранилъ его отъ грѣховныхъ дѣйствій (1—4), защитилъ отъ преслѣдователей и наказалъ ихъ (5—10).

ПСАЛОМЪ 100.

По надписи, псаломъ этотъ написанъ Давидомъ, *всегда быти ему съ вертепъ, молящуся*, вѣроятно въ пещерѣ Энгадди (1 Ц. 24).

Оставленный всѣми, преслѣдуемый врагами, онъ молить Бога о помощи.

ПСАЛОМЪ 151.

Этотъ псаломъ написанъ Давидомъ, *егда гоняше его Авесаломъ, сынъ его.*

Давидъ молится о помощи противъ враговъ, и о томъ, чтобы Онъ не вступалъ съ нимъ въ судъ, потому что нѣтъ ни одного человѣка, который былъ-бы, праведенъ предъ Богомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ молится и о нравственномъ просвѣщеніи и силѣ.

ПСАЛОМЪ 143.

У LXX этотъ псаломъ имѣеть приписку: *къ Голіаѳу*, т. е. противъ Голіаѳа; но эта приписка кажется основана лишь на первыхъ словахъ псалма, гдѣ Давидъ прославляетъ Господа Бога за то, что Онъ научаетъ рудъ его на ополченіе и персты его на брань. Псаломъ имѣеть очень много сходства съ 17 пс. (ср. 143, 1. 17, 33—35. 40; 143, 2 3. 17, 2. 3. 4; 143, 5. 6 17. 8. 9. 10, 143, 7. 8. 9; 17, 17. 18. 44—46; 143, 10, 17, 31. 48) и есть какъ бы его сокращеніе.

ПСАЛОМЪ 144.

Хвала величію, благодти, міроправлевію и правдѣ Божіей. Псалмопѣвецъ возвѣщаетъ, (1—7) что онъ будетъ прославлять Господа за Его благодть, милость и праведное міроправленіе (8—14), за Его попеченіе о страждущихъ и благочестивыхъ (15—21).

Примѣч. Этотъ псаломъ написанъ въ азбучномъ порядкѣ.

ПСАЛОМЪ 145.

Слова надписи: *Алея и Захаріи* не находятся ни въ еврейскомъ текстѣ, ни у LXX въ экзиплахъ.

Псалмопѣвецъ призываетъ себя къ прославленію Бога и надеждѣ на Него, такъ какъ Онъ есть помощникъ и избавитель несчастныхъ, защитникъ оставленныхъ.

ПСАЛОМЪ 146.

Этотъ псаломъ представляетъ благодарственную пѣснь Богу, какъ возстановителю разрушеннаго Іерусалима (2—3), какъ всемогущему Владыкѣ природы (4—8), какъ питателю всѣхъ тварей и помощнику уповающихъ на Него (9—11).

ПСАЛОМЪ 147.

Псаломъ сей въ евр. текстѣ присоединяется къ предыдущему и возстановляетъ согласіе въ счетѣ псалмовъ какъ въ еврейской, такъ и въ греческой Библии. — Въ надписи его стоятъ имена *Анся* и *Захарій*, изъ которыхъ нѣтъ въпрочемъ нѣтъ переводѣ LXX.

Псалмопѣвецъ призываетъ Іерусалимъ къ прославленію Господа за Его благодѣянія въ дождѣ, вѣтрѣ и другихъ явленіяхъ природы, и за дарованіе откровеннаго закона.

ПСАЛОМЪ 148.

Имена *Анся* и *Захарій*, стоящія въ славянской Библии надъ этимъ, какъ и надъ предшествующимъ псалмомъ, указываютъ на введеніе въ церковное употребленіе этихъ псалмовъ поименованными пророками.

Псалмопѣвецъ призываетъ всѣ творенія Божія къ прославленію Господа. Сначала онъ обращается къ небеснымъ существамъ (1. 2.), потомъ къ небеснымъ тѣламъ, звѣздамъ, небу и облакамъ (3. 4.), такъ какъ Богъ создалъ ихъ и даровалъ имъ вѣчное

назначеніе (5.6). Зѣмльмъ призываетъ къ прославленію Бога море (7), воздушныя явленія (8), горы и холмы, деревья и всѣхъ звѣрей (9.10), и наконецъ—людей (11.12), такъ какъ Онъ превъше всего и возвышаетъ свой народъ (13. 14).

ПСАЛОМЪ 149.

Псалмопѣвецъ влагааетъ въ уста Израиллю новую хвалебную пѣснь Господу за благословеніе Его народу своему (1—4); благочестивые пусть теперь торжествуютъ (5) и дѣлаютъ отомщеніе врагамъ своимъ (6—9).

ПСАЛОМЪ 150.

Псалмопѣвецъ призываетъ вѣрующихъ прославлять Господа и въ храмѣ, и на тверди, сообразно съ Его могуществомъ и величіемъ, хвалить на всѣхъ музыкальныхъ инструментахъ и паче всего звуками всѣхъ живыхъ существъ, чтобы всякое дыханіе хвалило Господа.

Въ заключеніи Книги Псалмовъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ есть еще 151-й псаломъ, надпись котораго гласитъ, что *сей псаломъ особо писанъ Давидомъ, и вънь числа 150 псалмовъ, внигда единоборствоваше на Голава*. Въ еврейскомъ, въ халдейскомъ, въ Вульгатѣ и даже во многихъ греческихъ рукописяхъ его нѣтъ, и потому онъ не принятъ въ канонъ. Но онъ есть во многихъ спискахъ LXX, въ сирскомъ, арабскомъ, во многихъ древнихъ латинскихъ рукописяхъ и у многихъ церковныхъ писателей. Древность его не подлежитъ сомнѣнію. Содержаніе не заключаетъ въ себѣ ничего особаго и также ничего противорѣчащаго духу и содержанію Псалтири. Нѣкоторые считаютъ его эпитафіей Давиду, вложенною въ уста самого Давида.

КНИГА ПРИТЧЕЙ.

Название книги и значение ея.

Книга притчей въ еврейскомъ носитъ названіе *мишле шело*, у LXX *παροιμίαι*, въ Вульгатѣ — *proverbia*. Какъ показываютъ всѣ эти названія *), она есть собраніе нравственныхъ изреченій, пословицъ и даже загадокъ. Какъ плодъ богопровѣщешпой мудрости, сія книга пользовалась величайшимъ уваженіемъ не только у евреевъ, но и у христіанъ. Евреи въ своихъ бесѣдахъ, особенно съ молодыми людьми, постоянно приводили изъ этой книги мѣста, какъ правила благочестивой жизни и счастливой. Древніе отцы Церкви, по свидѣтельству Евсевія, за ея высокопаставительный характеръ, назвали ее *πανάρητος*, сокровище всѣхъ добродѣтелей; и *βασιλικόν δῶρον*, царственный даръ. — Ни евреи, ни христіане не сомнѣвались въ богодухновенномъ значеніи сей книги и всегда считали ее въ ряду каноническихъ книгъ.

Цѣль книги и сущность содержанія.

Цѣль книги ясно указывается писателемъ въ началѣ книги: это—*познати премудрость и наказаніе и уразумѣти словеса мудрости, пріяти же извѣтія словесъ и разрѣшенія гаданій, уразумѣти же правду истинную и судъ исправляти; да дастъ незлобивымъ коварство* (сообразительность), *отрочати же юну чувство же* (эстетику—чувство всего прекраснаго или высокаго) *и смыслъ*. (1. 2—4), или короче: научить искусству счастливой жизни. И дѣйствительно, вся книга представляетъ рядъ совѣтовъ и правилъ,

*) *Мишле*—подобіе, притча; *париміа*—слово при пути, большею частью—въ притчѣ; *proverbia*—пословицы, загадки.

какъ достигается это искусство и въ чемъ оно состоитъ. Опытный наставникъ составляетъ премудрость въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, опредѣляющихъ отношеніе человѣка къ Богу и къ ближнему, и въ соблюденіи правилъ, возлагаемыхъ на него положеніемъ его въ семействѣ, обществѣ и государствѣ. Такимъ образомъ, мы находимъ въ книгѣ: правила премудрости въ собственномъ смыслѣ, или благочестія, какъ познанія самого начала нравственности,—правила благоразумія, какъ плода опыта,—и правила приличія, какъ приспособленія къ житейскимъ требованіямъ. Несмотря, впрочемъ, на столь высокую цѣль книги Притчей и на важность содержанія ея, должно замѣтить, что означенныя правила снисканія премудрости не представляютъ еще того совершенства, той идеальной чистоты и высоты, какую мы находимъ въ нравственномъ ученіи Іисуса Христа и Его апостоловъ,—что и само собою понятно, такъ какъ Ветхій Заветъ былъ только сѣнь грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей.

Составъ и время происхожденія

Надписаніе книги Притчей относитъ составленіе ея къ Соломону; но въ срединѣ книги и въ концѣ есть другія надписи, которыя указываютъ на позднѣйшее происхожденіе книги и даже на принадлежность нѣкоторыхъ частей ея другимъ лицамъ. Такъ, въ нынѣшнемъ еврейскомъ и въ переводѣ блаж. Іеронима, въ началѣ 10-й гл. есть надпись: *притчи Соломона*; въ переводѣ LXX и въ нашемъ славянскомъ она опущена. Съ 22 гл. 17 ст. (слав. 18) начинается новый отдѣлъ притчей, *словеса мудрыхъ*, продолжающійся до 23 ст. 24 гл. Въ этомъ стихѣ находятъ надпись: *и сіе происходитъ отъ мудрыхъ* (по руск. пер.), что считается началомъ новаго собранія притчей. Гл. 25 содержитъ въ себѣ *притчи Соломона, собранныя и списанныя друзьями Езекии, царя іудейскаго*, между которыми обык-

повенно считаютъ Исаію, Еліавима, Гоаха и Собну (4 Ц. 18. 26). Это собраніе идетъ до 30 гл. Въ 30 гл., по еврейскому надписанію, заключаются слова *Агура, сына Якея*, въ друзья или ученикамъ, Иеіелю и Увалу. Названіе Агура снномъ Якея препятствуетъ принимать это имя за нарицательное и видѣть въ немъ только собирателя (Агуръ=собиратель), какъ перевелъ это Іеронимъ, который разумѣлъ подъ Агуромъ того же Соломона *). Въ 31-й послѣдней главѣ, по еврейскому тексту, заключается *наставленіе, которое дала мать Лемуелю царю*, въ которомъ, опять, хотая видѣть Соломона или Езекию. Послѣднія двѣ надписи не замѣтны въ нашей Библии, но существованіе ихъ въ подлинномъ текстѣ и во всѣхъ переводахъ, а равно замѣтка 25 гл. прямо указываютъ, что кн. Притчей, хотя въ главномъ составѣ своемъ и принадлежитъ Соломону, но окончательное происхожденіе свое получила не раньше времени Езекии царя и въ своемъ составѣ заключаетъ не только изреченія Соломона, но и другихъ мудрецовъ,—такъ что надпись Соломона въ началѣ книги есть лишь *метанимическая*, такъ какъ съ именемъ мудрости соединялось всегда, какъ и теперь у насъ, имя Соломона, мудрѣйшаго изъ людей. (Ср. надпись: книга Премудрости Соломона). Въ 3-й книгѣ Царствъ говорится (4, 22), что Соломонъ изрекъ 3000 притчей; но если онѣ не составляли особенной книги, не дошедшей до насъ, а вошли въ составъ нашей кн. Притчей, то все таки не сохранились въ цѣлости, потому что собственно въ отдѣлѣ притчей Соломона (св. 9—24 гл.) насчитываютъ только 376 притчей, и собранія, сдѣланномъ друзьями Езекии, около 130. Вся же книга Притчей состоитъ не болѣе, какъ изъ 915 (слав. 921) стиховъ.

*) Блаж. Іеронимъ перевелъ: *Verba congregantis, filii tomentis* разумѣя подъ первымъ Соломона, какъ собирателя мудрости, а подъ вторымъ Давида, отыгравшаго слово благо (Пс. 44, 2).

Употребленіе кн. Притчей въ Православной церкви.

Послѣ Псалтири, Церковь христіанская изъ книгъ Вѣтхаго Заѣта оказываеъ преимущественное вниманіе книгъ Притчей. Въ своихъ церковныхъ чтеніяхъ изъ книгъ Вѣтхаго Заѣта, ^{чаще} чаще другихъ и, можно думать, древнѣе другихъ она употребляетъ и употребляетъ книгу Притчей, называя ее часто книгою Премудрости Соломона, — и вслѣдствіе такого употребленія всѣ чтенія изъ В. З. получили на церковномъ языкѣ названіе *паремій*. Такъ въ дни св. четыредесятицы Православная церковь ежедневно, кромѣ субботъ и недѣль, на вечернѣ предлагаетъ христіанамъ изъ кн. Притчей одну (вторую) паремію, какъ лучшее назидательное чтеніе въ эти дни поста и покаянія. Подобныя же чтенія предлагаетъ она и въ дни памяти святыхъ, какъ бы желая сопоставить совѣты премудрости съ примѣрами благочестія, наглядно представляемаго жизнью святыхъ *)

Изложеніе содержанія кн. Притчей для послѣдовательнаго чтенія ея

Введеніе въ книгу Притчей гл. 1—6.

Составитель книги Притчей предпосылаетъ своимъ сборникамъ притчей обширное введеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ рѣчей. Въ немъ онъ старается склонить юношей къ слушанію и исполненію совѣтовъ, которые предложены въ притчахъ мудрецовъ. Своимъ собственнымъ примѣромъ и опытами другихъ онъ доказы-

*) Въ дни четыредесятицы прочитываются по порядку, за исключеніемъ немногихъ стиховъ, почти цѣлкомъ первая 24 глава и послѣдняя 31-ая съ 8 ст. до конца. Пареміи же на службахъ общихъ въ честь святыхъ или святителей и преподобныхъ составляются обыкновенно изъ отдѣльныхъ мѣстъ разныхъ главъ кн. Притчей, часто съ присоединеніемъ стиховъ и изъ кн. Премудрости Соломона. Изъ другихъ чтеній замѣчательны — чтеніе въ 1 день января, когда читается 8, 22—30, и въ богородичные праздники — 3, 11—1.

ваетъ, что премудрость состоитъ въ страхѣ Божіемъ и есть основаніе всѣхъ добродѣтелей, и что только она ведетъ къ истинному счастью; напротивъ, нечестіе, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось и какими бы обманчивыми успѣхами ни сопровождалось, всегда оканчивается гибелью человѣка. Въ заключеніе, отъ лица самой уполномоченной Премудрости изображаетъ Ея божественныя свойства и дѣйствія и приглашаетъ въ обширный храмъ мудрости къ участию въ Ея божественной вечерѣ, въ противоположность подобнымъ же приглашеніямъ безумія.

Предисловіе и первая рѣчь, гл. 1—3.

Введеніе кн. Притчей, вслѣдъ за надписью, относящеюся къ цѣлой книгѣ (1, 1), указываетъ прежде всего цѣль, съ которою предлагаются эти притчи. Назначеніе ихъ не только для неопытныхъ, но и для опытныхъ (2—6). Положивъ (ст. 7) какъ бы эпиграфомъ книги опредѣленіе премудрости, которая, по мнѣнію мудрецовъ Ветхаго Завета, состоитъ въ страхѣ Господнемъ и благочестіи (Ср. Іов. 28, 28; Пс. 110, 10; Притч. 9, 10; Еккл. 12, 13; Сир. 1, 15, 16; Прем. 1, 4), премудрый начинаетъ свою обширную рѣчь къ юношѣ, котораго онъ называетъ сыномъ и которому старается напомнить, въ порядкѣ заповѣдей 2-й скрижали Десятисловія, важнѣйшія обязанности его къ ближнимъ, и общаетъ за то земное благополучіе, общаемое и Десятисловіемъ. Напомнивъ юношѣ, что исполненіе воли родителей составитъ для него лучшее украшеніе (8. 9), мудрый наставникъ предохраняетъ его отъ общества людей, которые льстивыми общаніями богатства станутъ склонять его на грабежъ и кровопролитіе (10—14); онъ увѣряетъ, что участь такихъ людей есть несомнѣнная гибель (15—19), въ которой—впрочемъ—они сами виновны (20—30); потому что несчастіе есть плодъ нечестія; напротивъ—спокойная жизнь есть награда за благочестіе (31—33). Ис-

тинное исканіе мудрости ведетъ къ богопознанію и справедливости (2. 1—9) и спасаетъ отъ оболъщенной злаго мужа и особенно лукавой жены (10—20). Оно только ведетъ къ счастью, а печестіе къ гибели (21, 22). Какъ заповѣди закона, для постояннаго памятованія о нихъ, должны были быть навязаны на рукѣ и на лбу (Втор. 6, 8; 11, 18): такъ слова мудрости должны быть обложены на шеѣ и написаны на скрижаляхъ сердца, потому что въ нихъ источникъ долготѣней и счастливой жизни (3, 1—4). По отношенію къ Богу эта премудрость состоитъ въ томъ, чтобы уповать на Бога всёмъ сердцемъ и не полагаться на свою мудрость и знанія (5—8; == Римл. 12, 16), чтить Бога отъ своихъ праведныхъ трудовъ (9. 10 == Бук. 14, 13) не ослабѣвать надеждою на Него даже во время несчастій (11. 12 == Евр. 12; 5). Такая мудрость, какъ залогъ здоровья и благоденствія (ст. 8 и 10), должна быть цѣнима выше всёхъ сокровищъ земли (13—17); она древо жизни, и какъ при твореніи міра она дала всему порядокъ, такъ она устрояетъ и счастье человѣка, ищущаго ея (18—26). По отношенію къ ближнимъ эта мудрость преимущественно проявляется въ благотворительности (27—28; == Мѡ. 5, 42), дружелюбіи (29. 30 == Римл. 12, 18; Евр. 12, 14) и необщеніи съ людьми злыми, которые своею гордостью и нечестіемъ навлекаютъ на себя клятву Господю (31—35 == Лук. 14, 11; Гак 4, 6; 1. Петр 5, 5).

Вторая рѣчь, гл. 4—5

Мудрый наставникъ внушаетъ своимъ ученикамъ быть внимательными къ наставленіямъ его, указывая на собственный примѣръ послушанія родителямъ (4, 1. 2). Нѣкогда родители его увѣщевали его самого къ приобрѣтенію мудрости, какъ лучшаго украшенія и огражденія жизни (3—13), и удерживали отъ пути нечестивыхъ, потому что они, ненавидя ближнихъ, ходятъ во тьмѣ

(14—19) — 1. Иоан. 2, 11); особенно же совѣтовали ему соблюдать свое сердце отъ нечестія, потому что сердце источникъ жизни (20—23) — Мѳ. 12, 35; 15, 18. 19); лживость устъ, уклончивость въ путяхъ, говорили они, должны быть чужды ему (24—27), потому что (какъ прибавлено въ греч. и лат. переводахъ) Господь благоволитъ только къ путямъ прямымъ (28, 29); и наконецъ, родители его съ особенною силою предостерегали его отъ соблазновъ прелюбодѣйной жены (5. 1—6). Теперь этотъ наставникъ повторяетъ своимъ юнымъ ученикамъ это мудрое завѣщаніе своихъ родителей и остерегаетъ ихъ отъ соблазновъ чужой жены (7—14), совѣтуя находить счастье и любовь въ собственномъ семействѣ (15—20); дѣлать же это нелицемѣрно, потому что Богу открыты всѣ пути человѣка, и всякое уклоненіе отъ закона строго наказывается (21—23).

Третья рѣчь, гл. 6 и 7.

Въ третьей рѣчи своей опытный наставникъ предлагаетъ юношѣ нѣсколько отдѣльныхъ совѣтовъ житейской мудрости. Такъ, предохраняя отъ неприятныхъ послѣдствій неудачнаго ручательства за друзей, онъ, вопреки закону любви столь высоко похвальной въ Новомъ Завѣтѣ (Иоанн. 15, 13), совѣтуетъ не ручаться за друга *) (6, 1—5). Лѣниваго оцъ отсылаетъ къ муравью (а по LXX и къ пчелѣ) поучиться трудолюбію во избѣжаніе убожества, которое также постигаетъ лѣнивыхъ (6—11), какъ гибель — беззаконниковъ (15—12); при этомъ онъ замѣчаетъ, что Господь особенно ненавидитъ гордеца, лжеца, злодѣя и сварливаго (16—19). Повторивъ въ третій разъ свое требованіе, чтобы юноша строго

*) Премудрый, конечно, предостерегаетъ отъ того ручательства, которое можетъ быть сдѣлано юношей по излишней самоувѣренности въ своихъ силахъ и слѣд. бесполезно; или, не желаетъ подвергать молодого человѣка опасности попасть въ рабство и потомъ проклясть свою дружбу (4. Ц. 4, 1).

соблюдалъ наставленія родителей (20—23=1, в. 3; 4, 1—3), онъ снова предостерегаетъ молодыхъ людей отъ грѣха прелюбодѣянiя (24—29) и говоритъ, что какъ воръ, пойманный на мѣстѣ преступленiя, не только возвращаетъ похищенное, но и приплачиваетъ седемьричную цѣну вещи: такъ прелюбодѣй часто платитъ за свой грѣхъ собственною жизнью, попавъ въ руки раздраженнаго мужа (30—35); наставникъ проситъ юношу помнить его слова (7, 1—4) и брiтвомъ съ парочкою картинности изображаетъ всѣ обольстительныя приемы блудницы, старающейся увлечь въ грѣхъ молодаго и неосторожнаго юношу (5—23): тамъ ожидается его гибель (24—27).

Заключенiе введенiя, гл. 8 и 9.

Премудрiй слышитъ голосъ самой премудрости. Она взываетъ ко всѣмъ людямъ съ высокихъ и многочисленныхъ мѣстъ (8, 1—3) и, замѣтивъ, что рубы ея полны истины и важности, (4—11) изображаетъ свои божественныя свойства и дѣйствiя, какъ Премудрости востаевои; она даетъ послѣдователямъ своимъ власть, и богатство, и благополучiе (12—21); она совѣчна Богу Творцу *) (22—26), соучастница въ творенiи и промышленiи мiра (27—31); теперь она приглашаетъ всѣхъ къ слушацiю своихъ уроковъ, обѣщая дѣлать ихъ мудрыми и счастливыми (32—36). Вотъ она устроила себѣ величественный домъ о семи столбахъ и приготовила въ немъ обильную трапезу для всѣхъ желающихъ вкусить мудрости, приглашая особенно безумныхъ и неопытныхъ (9, 1—10) и прибавляя, что только такимъ образомъ можно

*) Ст. 22. *Господь созда (стяжа) мя начало путей своихъ, въ дѣла своя.* Еврейск. текстъ имѣетъ здѣсь *канани*—*приобрѣлъ*, слѣд., вмѣсто стоящаго въ греч. печатномъ текстѣ *ἐκτίσθη*—*создалъ*, правильнѣе будетъ, какъ замѣтили еще св. отцы (Аванасiй, Евсеviй, въ спорахъ съ Арианамъ, *ἐκτίσθητο*, *possedit*—*стяжалъ*,—какъ въ перев. Акилы и др. и въ Вулгатѣ— Пс. 138, 13.

прожить долго (11. 12); напротивъ, какъ замѣчено у LXX, слѣдующій лживымъ обѣщаніямъ обманщиковъ лишается всего. И потому, хотя *безуміе* приглашаетъ на подобную же вечерю слабоумныхъ (13—18); но мудрость удерживаетъ своихъ чадъ отъ послѣдованія сему приглашенію (прибавка въ греч. и слав. послѣ 18 ст.).

Примѣч Въ изображаемой въ 8 и 9 гл премудрости нельзя не узнать ту *Божію Премудрость* (1 Кор. 1, 24), о которой еванг. Іоаннъ говоритъ въ началѣ своего евангелія: *въ началѣ бѣ Слово* (Λόγος, слово, разумъ=Σοφία, премудрость) и *Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово; Сей бѣ искони у Бога. Вся тѣмъ быша и безъ него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1—3=Колос. 1, 16), и въ которой *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3). Здѣсь не олицетвореніе только одного изъ свойствъ Божіихъ, но указаніе на дѣйствительное личное существованіе Бога-Слова, вѣчной Премудрости, какъ это подтверждается и указаніемъ новозавѣтныхъ писателей и вѣрованіемъ Отцевъ Церкви и всею рѣчью Премудрости о себѣ. *Азъ премудрость всеміахъ*, говоритъ она о себѣ, *совѣтъ, и разумъ, и смыслъ, азъ призвахъ* (8, 12); *мною царіе царствуютъ, и сильніи тишутъ правду* (законы) (15); *Господь стяжа мя начало путей своихъ въ дѣла своя* (прежде дѣлъ своихъ); *прежде вѣкъ основа* (русск. помазалъ) *мя, въ началѣ, прежде неже землю сотворити; прежде неже горимъ воздрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ мя; егда готоваше небо, съ нимъ бѣхъ; и егда полагаше морю предѣлы ея, да воды не мимо идутъ усть ея, и крѣпки творяше основанія земли, бѣхъ при немъ устрояя* (ст 22. 23. 25. 27. 29). *Эта Премудрость созда себѣ домъ и утверди столбовъ седмъ; закла своя жертвенная и раствори въ чаши своей вино, и утовова свою трапезу; посла своя рабы созывающіи съ вѣсокимъ проповѣданіемъ* (на чаши) *маломощи: иже есть безуменъ да уклонится ко мнѣ; и требующимъ ума рече: примѣ*

дите ядите, мой хлѣбъ, и пійте вино, еже растворихъ вамъ; оставите безуміе и живи будете, и исправите разумъ въ вѣдѣніи (9 1—6). Въ евангеліи Иисусъ Христосъ приточно уподобляетъ царствіе Божіе человеку царю, иже сотвори браки сыну своему и посла рабы своя призвати званія (Мѣ. 22, 2. 3) Этотъ человекъ царь есть Богъ Отецъ, устрояющій на землѣ чрезъ Сына и для Сына Своего брачный пиръ, на который созываетъ многихъ. Домъ премудрости, въ которомъ долженъ происходить этотъ пиръ, по изъясненію св. отцевъ, есть пречистая плоть Христова (св. Игнатій богоносецъ), или лучше есть Церковь Божія на землѣ (св. Амвросій, Августинъ и др.); ея семь столовъ—семь таинствъ, низводящихъ на вѣрующихъ седмичисленные (Исаи 11, 1. 2) и неисчисленные дары всесвятаго Духа,—или семь соборовъ вселенскихъ, утвердившихъ во вселенной вѣру православную. Жертва, закланная по случаю сего пира, есть самъ Единородный Сынъ Божій, растворившій, вмѣсто вина, свою кровь и уготовавшій въ пищу вѣрующимъ свою плоть. Онъ-то послалъ своихъ апостоловъ и евангелистовъ съ высокою проповѣдью, чтобы призвать всѣхъ на божественную вечерю любви,—и вѣчно вѣщаетъ устами пастырей: примите, ядите хлѣбъ живота вѣчнаго, иже есть плоть моя, и пійте вино—кровь мою, и живи будете во вѣки!

Первый сборникъ притчей.

Притчи Соломона, 10—22, 16.

Въ предложенныхъ доселѣ бесѣдахъ премудрый излагалъ увѣщанія въ послѣдованію премудрости и изображалъ различныя свойства и дѣйствія ея. Теперь онъ предлагаетъ самыя заповѣди, или правила мудрости, соединяя въ одно драгоценное ожерелье крупныя жемчужины благожеланія и опытности. Чтобы сдѣлать болѣе убѣдительными свои совѣты, онъ любитъ каждую положи-

тельную мысль сопровождать противоположностью. — Здѣсь мы видимъ рѣзкое различіе между сыномъ благоразумнымъ и безумнымъ (10, 1), между человѣкомъ праведнымъ и неправеднымъ (2, 3), лѣнивымъ и прилежнымъ (4, 5) и между участіемъ того и другого: одного ожидаетъ слава, другого забвеніе (6, 10). Премудрый и въ рѣчахъ (11—14) и въ дѣлахъ (15—19) проявляетъ только любовь къ ближнимъ, и ею покрываетъ все грѣхи (Ср. 1 Петр 4, 8; 1 Кор. 13, 4, 7); онъ вѣрѣею отличается и рѣчью отъ человѣка злого (19—21), — и потому онъ получаетъ отъ Бога благословеніе, которое и обогащаетъ его и прилагаетъ ему лѣта жизни: тогда какъ зло человѣка неправеднаго обращается во вредъ ему самому (22—30). — Возвращаясь вниманіемъ опять къ употребленію слова, какъ самаго лучшаго мѣрила нашего внутренняго состоянія (31—32). — Мф. 12, 37; Іак. 3, 6), и указывая, какъ-бы для сравненія, еще на одно очень важное и частое злоупотребленіе — неправильный вѣсъ и мѣру (11, 1), премудрый старается доказать, что гибель, угрожающая неправеднику, не можетъ быть отвращена и богатствомъ (2—4), между тѣмъ праведность доставляетъ благополучіе не только самому праведнику (5—9), но и тому обществу или городу, въ которомъ онъ находится (10—15). Семейное счастье, въ устроеніи котораго принимаетъ участіе не только мужъ, но и жена (16), спокойствіе духа и здоровье тѣла (17), успѣхъ во всемъ, происходящій отъ благословенія Божія (18—22), благотворительность къ ближнимъ (23—28), мудрая заботливость о домѣ (29): вотъ плоды того древа жизни, которое произрастаетъ для праведника, какъ награда за его добродѣтели (30—31). Впрочемъ, по мнѣнію премудраго, мудрымъ дѣлается только тотъ, кто охотно принимаетъ наставленія, хотя-бы они подавались даже женою, которая по взгляду древнихъ мудрецовъ, не могла быть совѣтницею и руководительницею мужа (12, 1—4); напротивъ, кто не любитъ обличеній, тотъ скоро подпадаетъ коварнымъ совѣтамъ льстецовъ, и

прежде всего — вліянію жены (5 — 9). Проявляемый въ обращеніи съ домашними знакомыми и въ земледѣльческихъ занятіяхъ, а также (по LXX) въ веселыхъ пирушкахъ (10. 11), раздражительный характеръ злого человѣка обнаруживается безъ всякаго повода къ гнѣву (12 — 16); но лукавыя и лживыя рѣчи его, особенно въ судахъ, какъ и все неправедное, неприяты Господу (17 — 22) и потому всё дѣла неправеднаго сопровождаются неуспѣхомъ и кончаются смертію (23 — 28).

Желая глубже впечатлѣть въ памяти юности свои правила, премудрый снова приводитъ его къ основной добродѣтели юности — послушанію (13, 1) и остерегаетъ отъ главныхъ пороковъ, свойственныхъ этому возрасту, — празднословія, какъ слѣдствія праздности (2 — 6), хвастовства своимъ имѣніемъ (8 — 10) и проистекающей отъ того расточительности, въ ущербъ благотворительности (11. 12); и такъ какъ собственныя выгоды человѣка побуждаютъ его быть внимательнымъ къ совѣтамъ и наставленіямъ мудрыхъ (13 — 21), то опытный наставникъ считаетъ необходимымъ строгія мѣры при воспитаніи дѣтой (22 — 25). Справедливость такихъ правилъ премудраго не трудно подтвердить и примѣрами. У человѣка мудраго, какъ называетъ онь благочестиваго, все хорошо: въ домѣ у него по рядокъ, изъ устъ его рѣчь умная, у яслей его крѣпкіе воли, въ судѣ онь вѣрный свидѣтель; но ничего такого не види у мужа немудраго (14, 1 — 7). Мудрый понимаетъ, что его собственное благосостояніе требуетъ отъ него такого поведенія, и отъ того его домъ процвѣтаетъ (8 — 11); нечестивый же увлекается призракомъ счастья и самъ строитъ свою погибель (12 — 18). Пока онь счастливъ, пока онь богатъ, его окружаютъ многочисленные друзья, но какъ скоро онь обѣднѣетъ, всё его оставляютъ (19 — 23), потому что истинное богатство въ мудрости, въ страхѣ Божіи (24 — 27); даже царь славится многочисленностью народа (28), и его должны украшать долготерпѣніе, кротость, снисхожденіе къ нищимъ

(29—32); его мудрость и правда возвысят его народъ,—и благоволеніе царя обращается только на вѣрныхъ слугъ (33—35), и между ними преимущественно на кроткихъ, потому что кротость и въ глазахъ Божиихъ похвальна (15, 1—4). Премудрый поэтому хочетъ склонить юношу къ послушанію родителямъ и мудрымъ наставникамъ (5—7) и говоритъ, что не жертвы и не молитвы человѣка пріятны Господу, а его кротость и чистота сердца, которое открыто предъ Господомъ (8—11—Мф. 9, 13; 12; 7. Псал. 50, 19). Какъ важно влияніе сердечныхъ расположеній на жизнь человѣка, можно видѣть изъ того, что радость или печаль сердца ярко отражаются на лицѣ (12—15—Мф. 12, 34). И такъ, не богатство, не роскошныя яства доставляютъ удовольствіе, а страхъ къ Богу, покорность сына родителямъ, прямота пути и внимательность къ добрымъ совѣтамъ (10—23). Мудрый, или благочестивый человѣкъ, сознавая, что Господу противны и мысли злыя, и что Онъ отвращается отъ издоимцевъ,—очищаетъ себя милостыней и вѣрой (24—27); отъ того пути праведника пріятны Господу, и самъ праведникъ наслаждается веселіемъ и доброю славою (28—33)*). И потому премудрый предлагаетъ юношѣ предавать свои дѣла въ волю Божию, потому что у Господа все дѣла имѣютъ свое назначеніе (16, 1—4) и Ему пріятны только ищущіе правды (5—9), точно также какъ и царю, который заботится о возвышеніи своего народа правдою (10—15). Доказавъ, что премудрость дороже золота и серебра и что блаженство въ надеждѣ на Бога (16—20), премудрый совѣтуетъ не опасаться того, что нѣкоторые люди имѣютъ неблагоприятное мнѣніе о праведникахъ: доброе

*) Въ нашей славянск. Библии и въ Александр. спискѣ греческаго перевода LXX порядокъ стиховъ 15 гл. ст. 27 ст. до 10 ст. 16-й гл. отличенъ отъ порядка стиховъ еврейскаго и латинск. текстовъ; именно стихи нашей Библии въ евр. расположены такъ; 15, 27; 16, 6; 15, 28; 16, 7; 15, 29; 16, 8 9; 15, 30, 32 33; 16, 2. 5. 1. 10.

всегда останется добрымъ, а то, что только кажется правымъ, оканчивается большею частью не хорошо (21—25); нѣтъ, поэтому, и надобности доказывать, что злой человѣкъ самъ себя влечетъ къ гибели (26. 27) и что употребляя различныя ухищренія для гибели своего ближняго, онъ подвергнется праведному суду Божию (28—33).—Преимущества мудрости и добродѣтели для премудраго такъ очевидны, что онъ не сомнѣвается предпочитать кусокъ черстваго хлѣба, съѣдаемый въ мирѣ, богатой трапезѣ, сопровождаемой ссорой (17, 1), и разумнаго раба—глупому наслѣднику (2). Что касается несчастій, которыя иногда постигаютъ праведника, то премудрый смотритъ на нихъ, какъ на очистительное средство (3), и потому насмѣшки падъ несчастными считаетъ оскорбительными для самого Творца, который посылаетъ эти несчастія (4. 5). Онъ считаетъ лучшимъ украшеніемъ и наградою человѣка дѣтей и внуковъ, и, судя на основаніи закона естественнаго преемства добра и зла, проявляемаго въ любви къ ближнему и въ глупости, предсказываетъ нечестивому постоянныя несчастія (6—14); ему не помогаютъ богатства, потому что самаго важнаго сокровища—премудрости и любви къ ближнимъ нѣтъ у него (15—20). Вотъ почему и родители не радуются о глупомъ сынѣ (21—22); онъ изъ-за пазухи возьметъ подарокъ, чтобъ только измѣнить правосудію (23), и въ дѣлахъ и словахъ обнаружитъ свое безумію; между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что молчаніе считается признакомъ ума (24—28).

Указавъ преимущества добродѣтели, отождествляемой съ мудростью, премудрый указываетъ еще на одну черту въ поведеніи нечестиваго, или глупаго,—желаніе быть во всемъ отличнымъ отъ другихъ. Отъ друзей онъ отдѣляется, чтобы казаться самостоятельнымъ, чтобы ни у кого не заимствовать совѣтовъ (18, 1—2); особенно уста такого человѣка суть источникъ всякаго зла (3—8), но такъ какъ онъ не заботится о своемъ исправленіи, то самъ себя губитъ (9). У праведника въ этомъ случаѣ есть приобѣ-

жище — Господь, но печестивый напрасно защищается своимъ богатствомъ или славою (10 — 12). И такъ, видя въ даръ слова, въ послѣдшномъ употребленіи его и не въ законномъ злоупотребленіи словомъ па судѣ — много опасности (13 — 17), и наоборотъ, въ правильномъ и осторожномъ употребленіи дара слова находят много пользы (18 — 20), премудрый справедливо заключаетъ, что во власти языка жизнь и смерть (21 — Мф. 12, 37; 1 Петр. 3, 10). Указывая затѣмъ на важное значеніе доброй жены и вѣрнаго друга (20 — 24), премудрый совѣтуетъ предпочитать бѣдняка простосердечнаго богачу надменному, и осторожнаго человѣка — торопливому (19, 1 — 3), особенно же остерегаться, чтобы это не были друзья, привлекаемые богатствомъ и желаніемъ угодить сильному (4 — 7.) Похваливъ опять приобретающихъ себѣ мудрость и указавъ, что терпѣливость отличаетъ человѣка разумнаго и особенно царя (8 — 12), премудрый указываетъ, что безуміе человѣка гибельно и для его родителей (13). Посему онъ совѣтуетъ родителямъ, чтобы, вмѣстѣ съ правами на наследство, они указывали сыну, что лѣньность доводитъ до голода, что сохраненіе заповѣдей Божіихъ сохранить го жизнь, что милостыня нищему есть заемъ самому Господу, — и чтобы они не щадили сына, пока еще есть возможность вліять на него (14 — 19); сыну же внушаютъ слѣдовать этимъ родительскимъ наставленіямъ о милостынѣ, страхѣ Господнѣ и лѣности, потому что стыдъ не слушать родителей (20 — 22); напротивъ, совѣтуетъ оставить безъ вниманія совѣты объ уклоненіи отъ разумныхъ правилъ (27 — 29). Теперь, премудрый научаетъ различать вещи сами въ себѣ отъ ихъ дѣйствій; вино отъ пьянства, глѣвъ царя и вѣшній поводъ къ раздраженію его, — а также людей задорныхъ и лѣнливыхъ отъ благоразумныхъ, и хвлящихся своею добродѣтелью отъ дѣйствительно добродѣтельныхъ (20, 1 — 9 — 1 Иоан. 1, 8). Какъ негодны Господу неправильные вѣсы и мѣры, такъ, конечно, не могутъ быть пріятны Ему, сотворившему

все для блага людей, лѣнныя и лицемѣрные, лжецы и клеветники, непочтительныя въ родителямъ и любостительныя (10—32); потому что не только Господь взмѣшиваетъ правды отъ путей человѣка, но и мудрый царь требуетъ тогоже (24—26 = Сравни. Римл. 13, 4). Полагая посему лучшимъ украшеніемъ царю милость и истину, а юношамъ — мудрость, старцамъ съдѣину (27—30), премудрый говоритъ, что и сами цари находятся въ рукахъ Божіихъ (21, 1). И потому каждый, находясь въ рукахъ Его, долженъ угождать Ему правдою, а не жертвами (2. 3). Иначе, грѣхи человѣка привлекутъ на него гнѣвъ Божій (4—8). Отсюда, какъ естественное слѣдствіе, вытекаетъ преимущество жизни, хотя и бѣдной, но спокойной, — и человѣка правдиваго, сострадательнаго, предъ нечестивымъ и немилосерднымъ (9—13). Потому что, находя удовольствіе въ правосудіи и сокровище въ мудрости, онъ приобретаетъ и жизнь и славу и предохраняетъ душу свою отъ бѣдствій (14—23): тогда какъ у надменнаго, лѣннаго, своенравнаго и безстыднаго, т. е. вообще у нечестиваго, нѣтъ ни мудрости ни помощи, ни мужества отъ Бога (24—31). Наконецъ, премудрый проводитъ рѣзкую противоположность между добрымъ именемъ и богатствомъ, благоразуміемъ и безуміемъ, смиреніемъ и коварствомъ (22, 1—5) и, совѣтуя наставлять юношу съ молодыхъ лѣтъ (6, по греч. и русск.), онъ какъ бы перечисляетъ нѣсколько выдающихся правилъ для поведенія, именно, что злодѣя постигнетъ несчаствіе, а благодѣтеля благословеніе (7—9), что, съ удаленіемъ злого человѣка изъ общества, удаляются распри и обиды, что Господь внимаешь праведникамъ (10—12), что лѣнныя часто измышляютъ пустыя отговорки, чтобы уклониться отъ труда; что свойственное дѣтямъ неразуміе бываетъ удалено строгимъ воспитаніемъ и что угнетеніе съдѣнаго не обогащаетъ, а дѣлаетъ бѣднымъ самого угнетателя (13—16).

Два прибавленія къ первому оборнику притчей, 22, 17—24 гл.

Первое прибавленіе (22, 17—24, 22). Предложивъ юношѣ значительный запасъ правилъ мудрости и благочестивой жизни, премудрый въ заключеніи обращается къ нему съ просьбой быть внимательнымъ ко всѣмъ его совѣтамъ и постоянно соблюдать ихъ, какъ лучшее руководство въ жизни (22, 17—21). Между прочимъ онъ совѣтуетъ ему не обижать бѣднаго, не дружить съ гнѣвливымъ, не поручаться за друга, когда самъ не имѣетъ чѣмъ заплатить, не отступать отъ положеннаго искони отцами и приспособлять свою дѣятельность къ лицамъ (22—29). Особенно премудрый обращаетъ вниманіе на поведеніе молодаго человѣка на пирахъ. Тамъ предосудительна не только жадность, но и обращеніе съ неравными по состоянію (23, 1—5); опасно, далѣе, не только обращеніе съ человѣкомъ завистливымъ, но неосторожное слово, сказанное глупому, и отступленіе отъ принятыхъ обычаевъ (6—12), при чемъ премудрый имѣетъ случай напомнить и родителямъ о строгомъ внушеніи сыну правилъ поведенія за столомъ (13.14), а сыну—о необходимости слѣдовать этимъ правиламъ (15—19). Главное изъ нихъ—не упиваться виномъ (20—22—Римл. 13, 13). Упращивая и увѣщевая юношу слушать и исполнять это правило его родителей и его самого (26), премудрый изображаетъ и отвратительный видъ пьяницы и всѣ несчастныя и непріятныя послѣдствія пьянства (27—35). Въ этомъ случаѣ юноша не долженъ увлекаться примѣрами и совѣтами другихъ людей, которые говорятъ ложь и примѣромъ своимъ ведутъ въ несчастіе (24, 12): потому что премудрость пужна во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ случаяхъ жизни,—и въ устройствѣ дома, и въ войнѣ, и въ несчастіяхъ, какъ своихъ, (3—10), такъ и въ несчастіяхъ ближнихъ, которыми мы должны помогать и по закону любви и по страху предъ правосудіемъ всевъдущаго Бога (11.12 Ср. Лук. 10, 37. Римл.

2, 7). Приглашая юношу вкушать эту мудрость, премудрый обѣщаетъ ему добрую будущность (13—16¹), и почти евангелескимъ языкомъ совѣтуетъ ему не радоваться паденію врага, не завидовать нечестивымъ и бояться Бога и царя (17—21 = 1 Петр. 2, 17. Мо. 22, 1); при чемъ (по LXX), вѣроятно, для усиленія впечатлѣнія присоединено изображеніе страшнаго дѣйствія царскаго гнѣва (вставка въ слав. и греч. между 22 и 23 ст.) *).

Второе прибавленіе (24, 23—34). Въ этомъ краткомъ прибавленіи премудрый говоритъ о безпристрастіи на судѣ (23—25), о добромъ словѣ и о порядкѣ въ домѣ (26.27), о клеветѣ на ближняго (28.29) и о пагубномъ дѣйствіи лѣности (30—34).

Примѣч. Въ обонхъ этихъ прибавленіяхъ языкъ и форма притчей рѣзко отличаются отъ языка и формы собственно притчей. По языку они сближаются съ введеніемъ въ книгу и указываютъ на вѣроятность происхожденія ихъ отъ собирателя притчей, а не отъ Соломона. И форма здѣсь отличная отъ предыдущихъ притчей: тамъ обыкновенно двучленные стихи, между тѣмъ какъ здѣсь притча обнимаетъ 2, 3, даже 7 стиховъ, и нѣкоторые стихи состоятъ изъ 3—4 членовъ.

Второй сборникъ притчей.

*Притчи Соломона, собранныя друзьями Езекиа царя
гл. 25—29.*

Благочестивые друзья благочестиваго Езекиа царя, заботясь о сохраненіи священныхъ памятниковъ своего народа, изъ устъ народа или изъ письменныхъ памятниковъ, собрали нѣсколько бо-

*) Въ Александрійскомъ спискѣ греч. Библіи между 22 и 23 ст. этой главы вставлены первые 14 ст. 30-й гл., а послѣ 34 ст. 24 гл. 30, 15—31, . Такимъ образомъ вышеупомянутые нами сборники притчей Агура и Лемуеля царя, по этому списку, помѣщены послѣ перваго и втораго прибавленія къ сборнику притчей собственно Соломоновыхъ, вѣроятно съ цѣлю слиянія ихъ съ ними въ одно цѣлое.

лѣе извѣстныхъ изреченій мудраго царя и предложили ихъ въ назиданіе своимъ современникамъ. Въ знакомой уже намъ формѣ двустий, представляющихъ то стравненія, то противоположенія, мы встрѣчаемъ здѣсь изображеніе царя въ его славѣ и необходимость почтенія къ нему и къ сильнымъ (25, 1 — 7 = Лук. 14, 10), предосторожность противъ ссоръ и тяжбъ (8 — 10 = Мѳ. 5, 25, 26), указаніе на важное значеніе современно поданнаго совѣта, или сдѣланнаго обличенія (11 — 12), и изображеніе вѣрнаго посла и тщеславнаго человѣка (13 — 14). Затѣмъ слѣдуютъ прекрасныя правила о терпѣливости по отношенію къ требованіямъ власти, о печастомъ посѣщеніи друзей изъ спасенія не сдѣлаться имъ противнымъ, — объ удаленіи отъ клеветы на ближняго (15 — 19) и отъ страсти, которая гложетъ сердца, подобно уксусу и дыму (20) и очень хорошее правило объ отношеніи со врагомъ въ дни нужды его 21 — 23 = Рим. 12, 20. Лук. 6, 27). Далѣе идутъ замѣчанія о рѣчи во время огорченія, о неудобствѣ жизни съ женою сварливою, о важности доброй вѣсти, о паденіи праведника и не-самостоятельности человѣка (24 — 29). Другія сравненія указываютъ намъ, что глупому не пристала честь и что, какъ съ одной стороны на вопросъ глупца не слѣдуетъ отвѣчать глупо, чтобъ самому не показаться глупцомъ: такъ съ другой стороны должно отвѣчать глупцу соотвѣтственно его вопросу, чтобъ обличить его глупость (26, 1 — 5); потому что у глупца все не кстаети, и ему все неприлично (6 — 11). Такъ же неприлтенъ и лѣпивый, который не хочетъ ничего дѣлать (12 — 16). За нимъ обличается человѣкъ выѣшивающійся въ чужую распрю, шутникъ, клеветникъ и льстець (17 — 23), и подается совѣтъ остерегаться козней врага, по вѣстѣ съ тѣмъ не строить козней ближнему (24 — 28); не хвалиться будущимъ и не быть самохваломъ (27, 1. 2. = 2 Кор. 10, 18), избѣгать самому гнѣва, но не считать гнѣвъ, или обличенія друга за оскорбленіе, потому что они полезны, чѣмъ сладкія рѣчи вра-

га, — такъ что оставлять изъ за того друзей вовсе не слѣдуетъ (3 — 10). Послѣ того юноша приглашается къ мудрости и къ благо-разумной осторожности въ несчастіяхъ, постигающихъ его друзей, и даже въ обращеніи съ ними, а равно и съ женщиной сварливой (11 — 19); но при этомъ похваляется предъ нимъ взаимная помощь и добрая слава и особенно заботливость о своемъ хозяйствѣ, которое служитъ источникомъ благосостоянія для него и для его семейства (17 — 7).

Изложенныя доселѣ наставленія больше относились къ жизни обыденной, практической, и мало касались внутренняго духа и исправленія жизни нравственной. Это правила житейской мудрости, которая часто идетъ въ разрѣзъ съ мудростью высшею духовною. Но далѣе идутъ наставленія именно этого, духовнаго, характера, — и предъ нами снова появляются образцы благочестиваго и нечестиваго съ ихъ свойствами и дѣйствіями, съ преимуществами первыхъ и съ неудачами послѣднихъ. — Вотъ нечестивый, не находящій себя покоя, конечно, отъ угрызеній совѣсти; вотъ цѣлая страна обѣдствующая отъ умноженія преступниковъ закона, притѣснителей, грабителей и соблазнителей (28. 1 — 1.). Сколько славы для народа, когда въ немъ много добродѣтельныхъ, какъ блаженъ самъ праведникъ; напротивъ, какъ несчастенъ народъ при правителѣ тиранѣ и какъ жалокъ самъ преступникъ — убійца (1, — 17)! Праведникъ доволенъ своимъ и привлекаетъ на себя благословенія народа (18 — 10); неправедникъ завистливъ къ чужому, даже къ роднымъ, и, возбуждая между ближними ссоры, отвращая отъ обѣднаго взоры, привлекаетъ на себя проклятія (1, — 27); удивительно ли послѣ этого, что онъ быстро погибаетъ и что его гибели всѣ радуются (18; 29, 1.2)? Мудрый человекъ доставляетъ радость и родителямъ, и — если онъ царь, прославляетъ свою страну (3. 4); но льстецъ только соблазняетъ ближнихъ, кошуна возмущаетъ городъ (5, 3), даже мудрецъ, связавшійся съ безумнымъ — не можетъ

имѣть покоя (9), и онъ всегда въ несправедливости у неправедныхъ людей (10). Правдивость и несправедливость правителя отражаются на ближайшихъ его сотрудникахъ и на благоденствіи его народа (11—14); точно также доброе воспитаніе отзывается на послѣдующей жизни сына и строгость на поведеніи раба (15—21). Нужно ли послѣ этого говорить, что неправедный между другими посягаетъ раздоръ, унижаетъ самъ себя и несправедливъ свою душу,—а праведникъ приобретаетъ себѣ славу и безопасность, находясь подъ защитой самаго Господа,—и что какъ мерзость праведнику путь неправды, такъ неправеднику ненавистенъ праведникъ (22—27).

Два прибавленія

1) Слова Агура, гл. 30.

Къ богодухновеннымъ и мудрымъ словамъ премудраго израильскаго царя благочестивые собиратели притчей не усумнились присоединить и пророческія изреченія Агура, которыя онъ изрекъ о боговѣдѣніи и мудрости къ Иеіелю и Укалу. Этотъ великій мужъ, впрочемъ намъ совершенно неизвѣстный, признавая себя невѣждою въ познаніи Бога и Его великихъ свойствъ, какъ совершенно непостижимыхъ для человѣческаго ума (30, 1—6—Ин. 3, 13; 1, 18), начинаетъ высказывать приобретенную имъ изъ опыта и наблюденія мудрость въ формѣ притчей (параболъ), состоящихъ изъ двухъ—трехъ и четырехъ стиховъ. Онъ говоритъ, что онъ всегда просилъ у Бога двухъ вещей, именно: чтобъ Онъ избавилъ его отъ лжи и обмана и чтобы не дѣлалъ его ни бѣднымъ, ни богатымъ, опасаясь отъ пресыщенія забыть Бога и отъ бѣдности сдѣлаться воромъ и влятвопреступникомъ (7—9). Давши совѣтъ не доводить раба до крайности—клеветать на господина и проклинать предавшаго его въ руки господина (10),

Агурь обращается къ роду, проклинающему своихъ родителей, нечистому, хотя и считающему себя чистымъ, высокоумному и кровожадному (11—14), и предлагаетъ имъ притчу о кровожадной ненасытности (евр. *halduka*, греч., лат. и слав. *пыльвица*), которая съ своими двумя (слав. тремя) дочерьми никогда не насыщается, и съ которою по ненасытности могутъ сравниться— адъ, бесплодная утроба, ненапоенная водою земля и огонь (15 16). ●Обрекая непокорнаго родителя на съѣденіе хищнымъ птицамъ (17), Агурь сознается, что онъ не могъ понять, или лучше— замѣтить, слѣдовъ орла въ воздухѣ, змѣя на скалѣ, корабля въ морѣ и путей мужа въ юности (русск. къ *дьявь*) (18—20). Но овъ очень хорошо замѣтилъ, что много зла происходитъ на землѣ, когда рабъ воцарится, когда глупецъ сытъ, когда доброму мужу попадетъ нехорошая жена и раба сдѣлается госпожею (21—23). Наконецъ, онъ выхваляетъ прекрасныя инстинкты муравьевъ, сурьковъ, саранчи и ящерицы (или паука) (24—28) и съ удовольствіемъ смотритъ на величественную поступь льва, пѣтуха (русск. оленя), козла впереди стада и царя среди подданныхъ (29—31). Слово свое мудрый наставникъ заключаетъ совѣтомъ юношѣ прерывать молчаніемъ ссоры и покрывать имъ свои ошибки (32.33).

2) Изреченія Лемуеля и. 31.

Благочестивая и мудрая мать этого царя обращается къ своему сыну съ прекрасными совѣтами не поддаваться вліянію женщинъ и не предаваться горячимъ напиткамъ, которые такъ вредно дѣйствуютъ особенно на властителей. По ея мнѣнію это вино слѣдовало бы отдавать несчастнымъ, чтобы они забывали свое горе; но царямъ слѣдуетъ открывать свои уста не для напитковъ, а для правосудія (31, 1—9). Наконецъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы склонить молодаго царя къ скромной семейной жизни, добрая мать произноситъ прекрасную похвалу доброй

женѣ, изображая въ акростихѣ (расположенномъ по азбучному еврейскому порядку) ея прекрасныя свойства и ея важное значеніе для мужа и семьи. Эта добродѣтельная жена вѣрна своему мужу (10—12), заботится о своемъ хозяйствѣ, рабынь заставляетъ работать и сама работаетъ (13—19) для того, чтобы доставить необходимую одежду себѣ, дѣтямъ и мужу (21—25), въ рѣчахъ она умна, въ трудѣ неуспѣшна (26, 27), въ бѣднмъ милостива (20), и за то пользуется любовью дѣтей и мужа, хотя-бы и не отличалась красотой и славой у людей (28—31).

Примѣчаніе. Не нужно забывать, что въ этомъ прекрасномъ изображеніи, заключающемъ въ себѣ много чисто христіанскихъ чертъ, отразился весь ваглядъ восточныхъ древнихъ народовъ на женщину, на ея значеніе въ семействѣ. И теперь на Востокѣ жена—раба и исполнительница прихотей и привязаній мужа: тѣмъ болѣе за 2 1/2 тысячи лѣтъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изображаемая здѣсь жена отличается собственно бережливостью, заботливостью о хозяйствѣ, да умѣемъ готовить одежды. При прежнемъ простомъ образѣ жизни это, дѣйствительно, были лучшія добродѣтели женщины. Только христіанство сняло съ женщины иго тиранства мужей и указало высокое значеніе и назначеніе женщины!

Общее замѣчаніе о нн. Притчей.

Книга Притчей, какъ сборникъ отрывочныхъ изреченій, выраженныхъ вънемъ снатымъ, болшею частью народнымъ, и притомъ нынѣ неупотребительнымъ, представляла и представляетъ чрезвычайно много затрудненій для переводовъ. Нынѣшній еврейскій текстъ во многомъ очень отличенъ отъ греческаго и латинскаго, какъ по содержанію и выраженію мыслей, какъ даже и по объему. Текстъ LXX, а слѣдовательно—и нашъ славянской, сравнительно съ текстомъ еврейскимъ, имѣетъ очень много при-

бавленій. Многія изъ нихъ очень легко объясняются желаніемъ переводчиковъ представить яснѣе мысль подлинника, и слѣдовательно суть—повторенія, но другія прямо указываютъ на то, что переводчики имѣли подъ руками текстъ еврейскій болѣе полный, чѣмъ онъ нынѣ,—или, какъ это нѣкоторые предполагаютъ, переписчики вносили въ текстъ перевода чуждыя тексту, но соотвѣтственныя духу и содержанію его, мысли и слова. Собственно нашъ славянскій текстъ, рабски слѣдуя тексту греческому, не смотря на исправленіе представляется часто неяснымъ; въ нѣкоторыхъ—впрочемъ—мѣстахъ представляетъ неправильности перевода и даже пропуски противъ принятаго греческаго текста.

Для полноты знанія текста считаемъ излишнимъ присоединить указаніе главнѣйшихъ разногласій между нынѣшними переводами съ еврейскаго и съ греческаго. Совершенно различный смыслъ имѣютъ въ нынѣшнемъ еврейскомъ и въ греческомъ слѣдующія мѣста: 2 гл. кон. 15 и весь 16 ст.; 6, 16; 10, 10 кон.; 11, 15, 25; 13, 23 (слав. 24) нач.; 14, 7. 17 кон.; 15, 4 кон. и 23; 17, 12 нач. 19 кон.; 18, 8; 19, 13 кон.; 23, 7 кон. 28. 31 кон. 24, 7. 8. 9. 26, 7. 8; 27, 9 кон. 16 и 27 нач.; 30, 1. 31. Важнѣйшія прибавленія и повторенія: 1, 7 середина, 14 коп. 18 кон. 21 нач. 27 кон. 2, въ конц. 2. 3. 19 повторенія и 20 коп.—21. 3, въ 15 и 16 есть приб. 4, въ 10 повт.; ст. 28 и 29 прибавлены у 70; 5, 3. 5 есть приб. 6, въ 8 ст. большое приб. и въ 11. 13. 25; 7 въ 1 ст. приб.; 8, 21 кон. приб.; 9, 6 сред. повт. 10 кон. приб.; въ ст. 12 и 18 больш. приб.; 10, 5 нач. приб.; 11, 3 и 4 ст. переставлены; въ 16 сред. приб. и въ 26 нач. повт.; 12, 11 и 26 кон. приб. 13, въ 9 и 11 кон. приб. и весь 14 ст.; 16 коп. приб. 14, 22 кон. приб.; въ 35 кон. приб., а слова, составляющія конецъ этого ст. по евр., отнесены въ нач. слѣдующей гл. 15, въ 5 и 18 и 33 кон. повт. 16, 17 кон. повт. 17, въ 5. 6. 16. 18 кон. приб. 18, весь 23

приб. 19, 7 кон. приб. 22, 9 весь приб. и (по слав. счету) въ 10. 15. 21 есть повт. и приб. 23, 2 кон. 31 нач. приб. 24, послѣ 22 больш. вставка, даже сравнительно съ греч. текстомъ. 25, 10 кон. приб. 21 весь повт. 20. 26, 11 кон. приб. 27, въ 20. 21 кон. приб. 28, 17 кон. приб. 29, 7 кон. приб. 25 кон. повт. 30, 22 кон. и 23 нач. переставлены; 31, 2 сред. приб. 31, 28 ст. лишній; 25 и 26 переставлены. Пропуски въ слав. Библии сдѣланы въ 21, 10 и 28 ст. и въ 22, весь 6 ст.

Е К К Л И С Т А С Т Ъ.

Значеніе и причина наименованія книги.

Греческое названіе книги — *Εκκλησιαστής* составляет переводъ еврейскаго слова — *когелетъ*, находящагося въ первомъ стихѣ книги. *Когелетъ* (отъ *кагалъ*) значитъ буквально: *созывающая, проповѣдующая* (подразумѣвается: *мудрость, созывающая къ слушанію и проповѣдующая*). Смыслъ этого выраженія легко понять, взявъ во вниманіе содержаніе первыхъ девяти главъ кн. Притчей Соломона, которыя авторъ кн. Еккліастъ очевидно имѣлъ въ виду. Какъ Іисусъ Христосъ въ совершеннѣйшемъ смыслѣ называетъ себя воплощенною *премудростію Божіею* (Лук. 11, 49 и д.): такъ Соломонъ, прообразъ Христа, учитъ въ своей кн. Притчей не какъ частный человекъ, не какъ мірскаго мудреца, но какъ представитель *божественной премудрости*, которая благоволила устроить себѣ жилище среди Израиля и которой ложная мудрость противопоставляется подъ образомъ прелюбодѣйной женщины. Въ кн. Притчей премудрость изображается *проповѣдующею* и *сзывающею* къ себѣ слушателей; она сзываетъ людей, призываетъ къ слушанію себя въ

мѣстахъ наибольшаго стеченія народа, въ мѣстахъ общественныхъ собраній (Притч. 1, 20 и д. 8, 1 и д.). Израильская мудрость не есть дѣло отдѣльныхъ лицъ, не школьная мудрость, но принадлежитъ всему народу Божію и имѣла своею задачей пропитать весь строй народной жизни.

Но указывая, выраженіемъ *когелетъ*, на то, что обращенныя къ народу и пзложевныя въ книгѣ рѣчи имѣютъ собственнымъ своимъ источникомъ божественную премудрость, авторъ при этомъ называетъ сына *Давидова, царя въ Иерусалимѣ* (подъ которымъ нельзя не разумѣть Соломона) *органомъ*, посредствомъ котораго премудрость открывается народу. Не смотря однако на это, кн. Еккліастъ самую эту надпись показываетъ свое отличіе отъ Притчей, Пѣсни пѣсней и тѣхъ псалмовъ, которые приписываются Соломону. Безличнымъ именемъ, которымъ обозначается здѣсь Соломонъ, ясно указывается на то, что лице, которому оно приложено, есть только символическое, а не дѣйствительное *лице* и что Соломонъ здѣсь имѣется въ виду какъ символъ, какъ общепризнанный главный носитель божественной мудрости, которая какъ-бы олицетворилась въ немъ.

Главная мысль и цѣль книги.

Поставленіемъ имени Соломона во главѣ книги все содержаніе ея должно было получить особенную силу и значеніе, такъ какъ имя Соломона могло служить синонимомъ самой мудрости. Цѣлію книги было частію *утѣшить* народъ Божій въ тяжелыя времена его жизни, частію доставить ему *наставленіе*. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи рѣчи премудрости, содержащіяся въ книгѣ, тѣмъ особенно были поразительнѣе, что время, въ которое онѣ раздавались въ средѣ народа, противопоставляется времени Соломона и сравнивается съ нимъ.

Всѣ позднѣйшія поколѣнія смотрѣли на Соломоново время, какъ на недосягаемый уже больше идеалъ, какъ на исчезнувшій золотой вѣкъ, и особенно въ тяжелыя времена любили обращаться къ прошедшей славѣ Израила въ вѣкъ Соломона. И потому писатель кн. Еккліастъ заставляеть мудрѣйшаго изъ людей, какъ бы изъ гроба, подать свой голосъ и объяснить, что пресловутая слава того времени въ сущности была—суета, что протекшее завидное счастье было только блестящимъ бѣдствіемъ и что истиннаго счастья, истиннаго удовлетворенія своимъ стремленіямъ къ счастью нужно искать въ чемъ-то другомъ, а не въ тѣхъ благахъ, которыми повидимому такъ обильно было царствованіе Соломона. Писатель безъ околичностей разсвѣтаетъ ошибочное представленіе, которое такъ часто отягощаетъ бремя страдальцевъ, именно что они будто несутъ самый тяжелый крестъ. Этому мучительному, хотя и ложному представленію онъ противопоставляетъ тотъ неоспоримый фактъ, что человѣческая жизнь, какъ и вообще все, что находится подъ солнцемъ, подлежитъ одному и тому же жребію. Какъ прародители, разрушивъ грѣхопаденіемъ свое райское счастье, назвали одного изъ своихъ сыновей Авелемъ (*суетою*), такъ и всякое человѣческое дѣйствіе, желаніе, обладаніе, наслажденіе должны быть названы въ высшей степени суетными (*суетою суетствій*) и блестящая судьба на взглядъ мудраго должна быть только блестящимъ бѣдствіемъ. Люди предаются неуспыннымъ трудамъ, стремятся куда-то и движутся, думая, что все идутъ впередъ, а между тѣмъ все ихъ дѣланіе въ одномъ и томъ же круговоротѣ возрастанія и уменьшенія, пріобрѣтенія и утраты, рожденія и умирапія. Каждое поколѣніе въ своихъ бесполезныхъ усиліяхъ должно снова всякій разъ начинать съ того, на чемъ остановилось предыдущее поколѣніе, такъ какъ мѣстомъ дѣйствія, на которомъ они движутся остается все таже земля, на которую изречено проклятіе, на которой нѣтъ

ничего неизмѣннаго, ничего такого, что удовлетворяло бы истиннымъ потребностямъ сердца. Истинная жизнь не на этомъ переходящемъ мѣрѣ, а на новомъ небѣ и новой землѣ, которую Богъ создастъ. Ничто подъ солнцемъ не можетъ удовлетворить человѣка, такъ какъ все въ мѣрѣ суета; поэтому истинная мудрость учитъ наслаждаться тѣмъ, что Богъ даровалъ человѣку. Но находящееся подъ солнцемъ не только суета, но и развращеніе; поэтому нужно избѣгать участія въ всеобщемъ развращеніи и пребывать въ страхѣ Божіемъ, ожидая будущаго суда.

Писатель и время происхожденія книги.

Уже одна загадочная надпись книги (когелетъ—екелисиастъ) скорѣе опровергаетъ, чѣмъ подтверждаетъ мнѣніе о происхожденіи ея непосредственно отъ Соломона. Самъ писатель книги, заставляя Соломона, бывшаго до конца своей жизни царемъ, говорить: „*блѣхъ* царь надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ“ (1, 12) и слѣдовательно представляя Соломона говорящимъ уже *посль* своей смерти, въ позднѣйшіе вѣка, очевидно наводитъ на мысль, что не самъ Соломонъ написалъ эту книгу. Не могъ и этого сказать о себѣ Соломонъ: „и возвеличихся и приложихся мудрости *паче всѣхъ бывшихъ прежде меня* (царей) въ Іерусалимѣ“; такъ какъ до Соломона въ Іерусалимѣ собственно былъ только одинъ царь, отецъ его Давидъ. Непосредственное происхожденіе отъ Соломона книги Екелисиастъ отрицаютъ также и слѣдующія слова самой книги 12, 9—11: „эти слова мудрыхъ, подобныя игламъ и вбитымъ гвоздямъ, составлены мужами собранія (т. е. обществомъ ученыхъ людей) и переданы единымъ пастыремъ“. Изъ этихъ словъ ясно слѣдуетъ, что не Соломономъ написана или составлена эта книга, когда не было и не могло быть никакихъ ученыхъ обществъ, но что составляющія содержаніе ея мысли могли быть только слышаны изъ устъ его другими, передавшими эти мысли даже и въ письменномъ видѣ

составителю книги. Еще рѣшительнѣе за позднѣйшее происхожденіе книги въ настоящемъ ея видѣ говоритъ изображеніе вѣншихъ и внутреннихъ, современныхъ автору обстоятельствъ, хотя и сдѣланное съ большою осторожностію, такъ какъ, по замѣчанію автора, благоразуміе требовало, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, наложить нѣкоторый покровъ на современный ходъ дѣлъ, поелику небезопасно было свободно выражаться (10, 20). Въ книгѣ замѣчаются жалобы на несправедливыхъ и пристрастныхъ судей, на угнетеніе безпомощныхъ, на вымогательство низшихъ властей въ царствѣ, на возвышеніе къ значительнымъ должностямъ рабовъ и невѣждъ и т. п. (3, 16. 4, 1. 10, 6 и т. д.). Понятно, что такъ могъ писать только или человѣкъ, самъ страдавшій отъ такихъ неурядицъ, или безучастный зритель, но не царь, имѣвшій и долгъ и силу препятствовать столь явному беззаконію. Все это несомнѣнно указываетъ на время, когда народъ іудейскій вздыхалъ подъ гнетомъ языческой власти именно на состояніе клонившейся къ упадку, вслѣдствіе произвола, подеупности и развращенія правителей, персидской монархіи. Поразительно также сходство положенія народа, по изображенію книги, съ изображеніемъ, какое, за исключеніемъ частныхъ случаевъ благорасположенности къ іудеямъ лучшихъ персидскихъ царей, представляется по книгѣ Нееміи (9, 36 и др.).—На это же время указываетъ и то, что говорится о внутреннемъ состояніи народа, а также и самая цѣль книги. Объ идолопоклонствѣ, противъ котораго въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ не переставали ратовать пророки, нѣтъ въ книгѣ и рѣчи. *Проповѣдникъ* (такъ обыкновенно переводится слово *Еккліасіастъ*) вмѣсто идолопоклонства замѣтнымъ образомъ направляетъ свое ученіе противъ фарисейскаго направленія жизни, какъ ревновалъ противъ этого совершенно подобнымъ образомъ и пр. Малахія, противъ преобладанія вѣншности въ богослуженіи, противъ скудости и, болѣе всего, недовольства своимъ положеніемъ,

доводившаго до ропота противъ Бога, вмѣсто самообвиненія и самообличенія. Съ книгою пр. Малахїи сходна вѣ. Еккліасїастъ и въ отдѣльныхъ выраженїяхъ; названіе, напримѣръ, священника *ангеломъ* находится въ той и другой книгѣ (ср. подлинникъ или переводъ съ подлинника 5, 5 и Мал. 2, 7). Вообще образъ выраженія книги, сжатость и краткость, несвойственныя большей части книгъ Ветхаго Завѣта, арамейскіе слова и обороты, повообразовательныя философскія неуметливца выраженія книги чужды пражнему, особенно соломоновскому, образу выраженія Св. Писанія. Нельзя не видѣть также въ влггѣ указаній на зарождавшїяся надежды близкаго испроверженія персидскаго владичества и желаній свергнуть чужеземное иго; но проповѣдникъ увѣчиваетъ къ преданности и терпѣнїю, и предостерегаетъ отъ преждевременныхъ надеждъ, такъ какъ царь еще много имѣетъ силы (8, 3—6. 10, 4). Не отрицая, поэтому, древняго мѣтна, господствовавшаго и въ іудейской и въ христіанской церкви, о происхожденїи книги Еккліасїастъ отъ Соломона, мы должны принимать его только съ тѣмъ ограниченїемъ, что мысли и изрѣченія Соломона о суетности всего земнаго, извѣстныя современникамъ и потомкамъ Соломона и можетъ быть находившіяся въ числѣ 3,000 его притчей и 5,000 пѣслей (3 Цар. 4, 32), получили видъ отдѣльной книги отъ какаго-либо богодухновеннаго писателя времени плѣна, можетъ быть отъ Ездры или пр. Малахїи.

Обозрѣніе содержанія для послѣдовательнаго чтенія.

первая часть. Суета всего земнаго гл 1—6.

1. *Проповѣдникъ изъ опытовъ собственной жизни приводитъ доказательства, что все суета г. 1—3.*

Все подѣ солнцемъ, и въ жизни человека, и въ природѣ и въ исторїи, подчинено вѣчному круговороту явленія и исчезно-

венія, ничто слѣдовательно не находится въ покоѣ, не даетъ успокоенія тому, кто ищетъ его (1, 2—11). Исслѣдованіе задачи жизни также не приводитъ ни къ чему. Все изслѣдующая мудрость не доставляетъ человѣку покоя; и такъ какъ человѣкъ ничего не можетъ измѣнить въ составѣ міра, то и знаніе доставляетъ ему только печаль (12—18). Поэтому проповѣдникъ обращается къ удовольствіямъ жизни, не доставятъ ли онѣ человѣку покоя и удовлетворенія его стремленіямъ. Онъ (Соломонъ) создалъ себѣ рай на землѣ, царство наслажденія и радости, но и здѣсь не нашелъ онъ мира (21—11). Испытавши суетность матеріальной жизни, онъ предается стремленіямъ къ знанію (12). Здѣсь хотя онъ и позналъ преимущество знанія, именно что оно даетъ человѣку пониманіе своихъ дѣйствій (13. 14), но однако скоро онъ замѣтилъ суетность и этого стремленія, такъ какъ одинаковая участь постигаетъ и мудраго и безумнаго, именно смерть, забвеніе и передача пріобрѣтеннаго такому наслѣднику, который можетъ быть окажется безумнымъ (14—21), между тѣмъ какъ и это стремленіе связано съ непрестаннымъ безпокойствомъ и заботами (22. 23). Но хотя суета и въ жизни чувственной и матеріальной, хотя суета и въ жизни исключительно умственной, хотя и вся вообще жизнь человѣческая суетна; но отсюда не слѣдуетъ, что жизнь человѣка должна быть предоставлена полному произволу и разнузданности, а вытекаетъ только житейское правило — соединять вмѣстѣ знаніе и наслажденіе и помнить, что все это подается только Богомъ и при томъ только людямъ благочестивымъ. Не отъ человѣка зависитъ возможность наслажденія жизнью, но отъ Бога (24. 25). Но такъ какъ Богъ добро и зло раздѣляетъ смотря по нравственному достоинству людей, то отсюда главное правило для жизни: поступать добродѣтельно, и наслаждаться жизнью, соединяя знаніе съ удовольствіями (26). Вѣрность этого правила доказывается тѣмъ, что все имѣетъ отно-

сительное только достоинство, что ничто само по себѣ ни хорошо ни дурно, ни пріятно, ни противно, но бываетъ такимъ или другимъ смотря по обстоятельствамъ времени. Проповѣдникъ развиваетъ эту мысль, показывая, что самыя явныя противоположности имѣютъ свое время, т. е. по обстоятельствамъ могутъ быть хорошими или худыми, умѣстными или неумѣстными (3, 1—9). Поэтому если человѣкъ трудится надъ чемъ либо (10), то вопросъ еще—выбралъ ли онъ надлежащее время, въ которое трудъ его можетъ быть умѣстнымъ, такъ какъ можетъ статься, что трудъ его доставитъ ему только одни мученія (10), поелику Богъ приспособилъ все только къ извѣстнымъ обстоятельствамъ времени, между тѣмъ какъ въ сердце человѣка Онъ вложилъ стремленіе простирать свои взоры вдаль и трудиться въ виду будущаго, такъ что человѣкъ вслѣдствіе этого не понимаетъ дѣла Божія (11). Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ ничего не сдѣлаетъ лучше, какъ если станетъ веселиться, т. е. во всякой вещи искать пріятную, утѣшительную сторону и дѣлать добро, потому что отъ послѣдствія зависитъ, чтобы Богъ даровалъ ему возможность наслажденія (12. 13). Ибо Богъ создалъ все совершеннымъ само по себѣ и безконечнымъ въ вѣчномъ круговоротѣ (14. 15). Если же это противъ этого возразить, что въ мірѣ часто случается неправда вмѣсто правды (16), то нужно помнить, что въ свое время наступитъ судъ Божій надъ праведными и нечестивыми (17). Даже и въ томъ случаѣ если бы и сомнительно было, имѣетъ ли человѣкъ преимущество предъ животными и безсмертенъ ли духъ человѣка, правило о благочестивомъ наслажденіи радостями жизни было бы несомнѣнно вѣрнымъ (18—22).

2. Проповѣдникъ доказываетъ суетность всего изъ разсмотрѣнія важнѣйшихъ явленій и направленій человеческой жизни. гл. 4—6.

Проповѣдникъ разсматриваетъ различныя явленія жизни. Въ

да, какъ одинъ угнѣваетъ, другаго, онъ изъ этого выводитъ мысль, что лучше было-бы не жить, чѣмъ испытывать такъ много зла (4, 1—3). Онъ видитъ ревностныя заботы и труды дѣловаго человека, который хочетъ превзойти своихъ ближнихъ; но къ этому поуждаетъ его зависть, суетность, ревность. Другой предается лѣности и пожираетъ самъ себя въ праздности, погибаетъ неразумно. Нужно избѣгать той и другой крайности и спокойно стараться о приобрѣтеніи необходимаго для удовлетворенія своихъ потребностей (4—6). Отъ разсматриванія частной дѣятельности проповѣдникъ переходитъ къ совокупной дѣятельности людей, показывая сначала выгоды тѣснаго союза двухъ, трехъ человекъ (8—12), потомъ соединенія многихъ въ одно общество подъ властію царей (13—16). — Проповѣдникъ обращаетъ, затѣмъ, свой взоръ къ религіозной жизни. Онъ видитъ, какъ безумный безъ благоговѣнія приходитъ въ домъ Божій, — какъ другой, безъ внутренняго благочестія, приноситъ жертвы, — какъ третій, какъ-бы во снѣ (поясною сердечною побужденіемъ) даетъ обѣтъ Богу и не исполняетъ его, павлекая тѣмъ на себя гнѣвъ Божій (4, 17—5, 1—6). Онъ всматривается, далѣе, въ отравленіе правосудія. Носправедливость не должна приводить насъ въ отчаяніе, потому что высшій Судія воздастъ по дѣламъ судьямъ низшимъ (7). Даже деспотическая власть не должна приводить въ отчаяніе, ибо она лучше, чѣмъ безвластіе (8 по Евр. тексту). Переходя къ разсматриванію богатства, проповѣдникъ говоритъ, что бѣднякъ, жалующійся на свою бѣдность, пусть не досадуетъ на богатство богача. такъ какъ бѣднякъ больше можетъ имѣть радости въ жизни, чѣмъ богачъ (9—11) и при томъ богатый не всегда будетъ пользоваться своимъ богатствомъ (12—16). По этому самое лучшее — наслаждаться тѣмъ, что Богъ дастъ, безъ заботы о будущемъ (16—17). Для противодѣйствія безумному стремленію къ приобрѣтенію богатства, праведникъ еще разъ представляетъ, что богатство имѣетъ

нѣкоторое значеніе, когда человекъ пользуется имъ, между тѣмъ оно не имѣетъ никакого значенія, когда отъ него не получается удовольствій, а только мученія (6.1—2). Лучше выкидывшъ чѣмъ такой богачъ; выкидывшъ совершенное ничтожество, но онъ этого не чувствуетъ, потому что ничего не знаетъ о ничтожествѣ, между тѣмъ какъ такой богачъ чувствуетъ и знаетъ это. Лучше несуществованіе, чѣмъ такая жизнь, хотя бы и долгая (4—6). Трудъ не наполняетъ человѣческаго сердца, такъ-же какъ и мудрость; поэтому лучше умѣренно наслаждаться настоящими благами, укрощать свои пожеланія, а не вступать для удовлетворенія имъ въ безполезную борьбу съ высшею силою, такъ какъ мы не знаемъ, хорошо ли то, къ чему мы стремимся, и осчастливить ли насъ достиженіе нашихъ стремленій, а о результатахъ послѣ смерти, чѣмъ нехѣдно человекъ успокоиваетъ себя, не можетъ быть и рѣчи (7—11. 7, 1).

Вторая часть. Поведеніе мудраго въ этомъ міръ суеты. г. 7, 2—II, 8.

1. Мудрость учитъ выбирать средний путь въ противоположностяхъ жизни. г. 7, 2—50.

Главное вниманіе мудраго должно быть обращено на то, чтобы хорошо было окончаніе жизни; поэтому лучше постоянно имѣть въ виду непостоянство и ничтожество земныхъ удовольствій, чѣмъ создавать себѣ чрезъ нихъ обманчивое наслажденіе (7, 2—8). Изъ ничтожества всего земнаго проповѣдникъ выводитъ заключеніе, что каждый долженъ остерегаться неудовольствія и нетерпѣнія. Когда дѣло начинается, нужно хорошо къ нему присматриваться, а не высокомерно противостоять ему; обыкновенно оно оканчивается лучше, чѣмъ начиналось: поэтому лучше терпѣливо ожидать исхода его (9. 10). Ропотъ—дѣло востающихъ противъ управленія Божія безумныхъ людей (11). Мудрость лучше именуе-

ства; она даетъ человѣку жизнь (12. 13). Не слѣдуетъ роптать на зло, но принимать его какъ добро и предаваться терпѣливо водительству Божію (15). Ни праведность считающаго себя праведнымъ, ни печестіе легкомысленнаго не можетъ доставить человѣку счастья, но только страхъ Божій, потому что праведность человѣческая никогда не бываетъ совершенна (16—21). Не слѣдуетъ обращать вниманія на злословія (22. 23). Изслѣдованіе мудрости не сдѣлало проповѣдника мудрымъ; онъ пашель, что вездѣ распространено искушеніе посредствомъ грѣха (*женщины*—олицетвореніе грѣха, какъ и въ Притч. 7 гл.) (24—27). И въ стремленіи къ благочестію иногда псуждалъ его мужчина, но женщина—никогда (28. 29). Но не въ Богѣ вина, что человѣкъ съ такимъ трудомъ находитъ прямой путь, но вина—его лукавство (30).

2. *Мудрость учитъ подчиненію высшимъ силамъ въ человеческой жизни. г. 8. 9, 1—10.*

Какъ ни ограниченнымъ является понятіе „мудрости“; однако она имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для человѣка, такъ какъ она учитъ спокойно подчиняться тѣмъ силамъ, которыя господствуютъ надъ человѣкомъ (8, 1). Она учитъ его повиноваться безпрекословно и вѣрно царскимъ постановленіямъ (2—4), общему закону: хотя человѣкъ имѣетъ свободную волю, но онъ долженъ упражнять ее въ томъ, чтобы благоразумно подчинять ее,—что составляетъ высшій законъ для человѣка, вмѣсто неразумнаго противодѣйствія этому закону (6—7); она учитъ подчиняться непреодолимой силѣ смерти, отъ которой никто не можетъ избавиться (8); она учитъ также подчиненію опредѣленіямъ воли Божіей, по которымъ иногда судьба человѣка не находится въ соответствіи съ его поведеніемъ (9—14), а въ такомъ соответствіи только единственно и возможно наслажденіе жизнью (15). Поэтому самое луч-

шее—радостно пользоваться существующимъ, такъ какъ всякое усиліе постигнуть смыслъ явленій міра не приводитъ къ успѣху (16. 17). Невыносимо, что въ мірѣ одна и таже судьба постигаетъ какъ добраго, такъ и злаго человѣка; послѣдняго это дѣлаетъ самоувѣреннымъ (9, 1—3). За тѣмъ къ тому и другому приходитъ смерть, приносящая всѣмъ конецъ (4—6), такъ что правило о богоугодномъ наслажденіи жизнію и имуществомъ своимъ, и здѣсь получаетъ свое оправданіе. Наслаждайся, поэтому, жизнію и имуществомъ своимъ, пока обладаешь ими и не заботься ни о чемъ, пбо если что должно съ тобою случиться, то непременно случится, а если нѣтъ, ты не можешь этого предусмотрѣть и не знаешь, какъ долго будешь жить (7—10).

3. *Преимущества мудрости предъ безуміемъ. г. 9, 11—10, 18.*

Показавши въ предыдущемъ отдѣлѣ преимущества мудрости положительнымъ образомъ, проповѣдникъ указываетъ, далѣе, преимущества ея отрицательно, изображая частныя дѣйствія безумія и поведеніе безумныхъ, при чемъ для противоположности выставляетъ на видъ и поведеніе мудрыхъ. Начинаетъ проповѣдникъ этотъ отдѣлъ замѣчаніемъ, что успѣхъ дѣла зависитъ не отъ способности совершающаго оное, но отъ тѣхъ обстоятельствъ, при какихъ оно совершается, такъ что человѣкъ неудачнымъ выборомъ времени дѣйствій, при добромъ намѣреніи и хорошихъ способностяхъ къ дѣлу, подвергается несчастію (11. 12). Впрочемъ мудрость обладаетъ великимъ преимуществомъ (13). Чтобы показать это значеніе мудрости, проповѣдникъ представляетъ примѣръ, вѣроятно заимствованный изъ современной исторіи (14. 15). Изъ представленнаго примѣра открывается, что мудрость есть самое лучшее орудіе противъ всякаго неустройства въ мірѣ (16—18). Но если кто-либо, обладая многою мудростію, а чрезъ это и славою, имѣетъ при этомъ въ себѣ не много и безумія, то послѣднее по-

темнѣсть его мудрость и уничтожаетъ его славу (10, 1). Мудрому сердце подаетъ брѣвность и силу, безумный обличаетъ себя вездѣ ч во всемъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ (2. 3). Это проповѣдникъ подтверждаетъ частными опытами, сначала въ отношеніи начальника къ подчиненнымъ. Гнѣвъ и ошибки начальниковъ производятъ много не добраго; гнѣву нужно противопоставить хладнокровіе и спокойствіе, тѣмъ болѣе, что ошибки, проистекающія отъ гнѣва, могутъ испортить всѣ отношенія, отчего подчиненный можетъ нажить дурныя послѣдствія (4—7). За симъ слѣдуетъ рядъ изреченій, показывающихъ, что безуміе приноситъ вредъ самому безумному. Не нужно дѣлать ничего такого, о чемъ напередъ извѣстно, что оно подвергнетъ опасности, а принимать мѣры къ исполненію того, что требуется (8—10). Когда бываютъ у кого и способности, но если онѣ, по безумію, не прилагаются къ дѣлу, то онѣ безполезны (11). Рѣчи безумнаго вредатъ ему самому (12), все, что ни говоритъ онъ, безумно (13), а онъ много любитъ говорить, тогда какъ человѣкъ долженъ быть осторожнымъ, такъ какъ ни самъ отъ себя, ни отъ другихъ онъ не можетъ узнать, что будетъ (14). Мудрый ходитъ прямою дорогою, а безумный окольнымъ путемъ (15). Бѣда странѣ, въ которой юные (неразумные) князья, заботящіяся только о собственныхъ удовольствіяхъ, а не о государствѣ (16. 14). Печальны слѣдствія такого управленія: государство распадается отъ нерадѣнія власти, расточительности и взяточничества нуждающихся въ деньгахъ чиновниковъ (18.19). Но не нужно никогда и ничего говорить нехорошаго о власти, такъ какъ это не безопасно (20). Не нужно отказываться дѣлать благотворенія, хотя бы не предвидѣлось никакой надежды на возмездіе; нерѣдко по прошествіи долгаго времени доброе дѣло вознаграждается (11, 1). Должно оказывать добро сколько возможно большому числу людей, такъ какъ въ непредвидѣнномъ несчастіи хоть одинъ изъ многихъ можетъ оказать и намъ помощь (2). Для счастливаго успѣха

(„жать“) необходимы съ одной стороны благопріятнаго обстоятельства, зависящаго отъ Бога, а съ другой—дѣятельность человѣка („сѣять“); но бывають такія обстоятельства, зависящаго отъ Бога, въ которыхъ понятны человѣку какъ причина ихъ, такъ и дѣйствіе (напр. когда облака бывають полны, то они прольютъ на землѣ дождь, или если лежитъ дерево на томъ мѣстѣ, гдѣ оно упало) (3); но бывають и такія обстоятельства, въ которыхъ человѣкъ ничего не знаетъ (какіе, напр., пути вѣтра, или—какъ образуются кости въ чревѣ матери) (5). Поэтому не долженъ человѣкъ тратить времени на наблюденіе надъ такими обстоятельствами, для изслѣдованія и объясненія ихъ (4), по во всякое время продолжать и терпѣливо повторять свою дѣятельность, потому что одинъ разъ неудавшееся, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ удасться въ другой (6). Впрочемъ независимо отъ всякаго успѣха, жизнь уже сама по себѣ имѣетъ нѣчто пріятное (7) и еслибы человѣкъ не гонялся слишкомъ за успѣхомъ, то онъ могъ-бы радоваться, пока живъ, при всякихъ обстоятельствахъ, особенно если возьмемъ во вниманіе какъ продолжительны теплыя дни, т. е. время послѣ смерти, когда человѣкъ не будетъ уже наслаждаться свѣтомъ (7); нужно пользоваться настоящимъ, а не какъ все будущее, поелику мы не знаемъ его,—суета (8).

Заключеніе книги. гл. II, 9—12, 8.

Пусть человѣкъ наслаждается счастьемъ жизни, особенно во дни своей силы, до наступленія старости и смерти, сдерживая впрочемъ это наслажденіе и упорядочивая его убѣжденіемъ, что создавшій его Богъ, позоветъ на судъ; и поэтому пусть наслаждается въ страхѣ Божіемъ (11,9—10,1), не дожидаясь старости,—этого времени мрака, постояннаго печальнаго душевнаго расположенія (2), когда будутъ отказываться служить члены тѣла: руки, ноги, зубы, губы (3. 4), когда станетъ овладѣвать робость, осла-

бъютъ страсти, когда прійдется собираться въ вѣчный домъ свой (5), когда разстроится весь организмъ и потухнетъ жизнь, когда, наконецъ человѣкъ обратится въ прахъ, а духъ свой отдастъ Богу (6 -- 8).

Приписка писателя ст. 9—14.

Эта приписка соотвѣтствуетъ предисловіямъ въ нашихъ книгахъ. Авторъ высказываетъ здѣсь цѣль книги, поводъ къ составленію ея и задачу ея. Проповѣдникъ, составившій книгу, былъ мудрымъ не для одного только себя, но у него было стремленіе сообщать евоп познанія и народу, и вслѣдствіе этого онъ, много испытавши и излѣдовавши, высказалъ много мудрыхъ изреченій (9). При этомъ онъ руководился стремленіемъ найти съ одной стороны прекрасную форму для своихъ мыслей, а съ другой— высказать истину, и такимъ образомъ написалъ подлежащее сочиненію (10). Высказанныя и записанныя въ книгѣ наставленія мудрыхъ имѣютъ важное значеніе: онѣ, подобно игламъ, побуждаютъ людей къ добру и, подобно вбитымъ гвоздямъ, утверждаютъ въ добрѣ, служа результатомъ долгихъ изслѣдованій многихъ лицъ. Но во всякомъ случаѣ необходимо прежде всего самообученіе и испытаніе, а не одно слушаніе изреченій и сочиненій другихъ. Если бы человѣкъ не стремился къ самообученію, а желалъ бы все черпать отъ другихъ, то изданію книгъ и проповѣдямъ не было бы конца (11. 12). Чтобы устранить наконецъ всякое недоразумѣніе касательно высказаннаго въ книгѣ ученія, авторъ кратко и ясно указываетъ границы, въ каковыхъ нужно держаться ученія его о наслажденіи жизнію: нужно бояться Бога и соблюдать Его заповѣди, потому что въ этомъ все для человѣка и потому что всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, даже тайное, хорошо ли оно, или худо (13. 14).

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

Наименованіе книги и вопросы, требующіе разрѣшенія.

Пѣснь пѣсней, или—собственно съ еврейскаго (*шир—гашим—рим*) высочайшая, лучшая пѣснь, и по надписи и по всеобщему убѣжденію приписываемая Соломону, есть прекраснѣйшій памятникъ древнееврейской священной поэзіи, вполне достойный имени Соломона,—а по изъясненію отцевъ Церкви, есть высочайшее богодухновенное изображеніе таинственнаго союза Христа съ Церковію. Но изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ объ этой книгѣ, отстывая, отъ общеприятаго взгляда, приводятъ къ самымъ разнорѣчивымъ понятіямъ о составѣ книги, ея происхожденіи и ея значеніи. Причиною такихъ разногласій служитъ то, что Пѣснь пѣсней, представляя единство въ характерѣ, въ изложеніи, въ языкѣ, не представляетъ такого единства въ послѣдовательности рѣчи, не имѣетъ связности и цѣльности изображенія. Многіе изслѣдователи приходили къ той мысли, что въ книгѣ Пѣснь пѣсней соединено нѣсколько отрывочныхъ пѣсней, можетъ быть изъ числа тѣхъ 5000, которыя были составлены Соломономъ (3 Цар. 4, 32).. Другіе же, съ большею основательностью, утверждаютъ, что Пѣснь пѣсней есть не что иное, какъ родъ драмы, или драматическаго произведенія, въ которомъ принимаютъ участіе разныя лица. Но какъ сіи лица не означены именами, а объ ихъ участіи можно догадываться только по ходу разговора, то здѣсь для толкователей открывается самое обширное поле догадокъ и измышленій. Другое, что остается неизвѣстнымъ для изслѣдователей, это—по какому поводу, для какихъ лицъ или о какихъ лицахъ написано сіе произведеніе, когда и кѣмъ.

Писатель и время происхожденія.

Надпись книги относитъ ея составленіе Соломону; но, какъ часто случается, такая надпись еще не всегда служитъ доказа-

тельствомъ, потому что она могла быть сдѣлана гораздо позже. Нужно поискать внутреннихъ признаковъ принадлежности книги Соломону. Въ книгѣ мы встрѣчаемъ неоднократно имя Соломона, по большую часть какъ лица посторонняго (1 Ч. 5, 13, 3, 7—11; 8, 11). Другія изображенія также не соответствуютъ лицу Соломона: такъ, намъ извѣстно, что у Соломона было 700 женъ и 300 наложницъ (3 Ц. 11, 3), а здѣсь представляется только 60 царицъ и 80 наложницъ (6, 7). Кроме того, въ языкѣ встрѣчаютъ халдеизмы или лучше, персизмы, позднѣйшіе гебраизмы, — и потому относятъ происхожденіе книги Пѣсней пѣсней къ позднѣйшему времени, послѣ плѣна вавилонскаго. — Но такого мнѣнія принять никакъ нельзя. Основываться на однихъ, даже и дѣйствительныхъ персизмахъ и позднѣйшихъ гебраизмахъ, было бы очень несправедливо, такъ какъ не извѣстно въ точности все богатство и разнообразіе языка времени Соломона и самаго Соломона, который имѣлъ очень обширныя сношенія со всеми сосѣдними народами. Точно тоже можно сказать и о противорѣчїи книги Пѣсней съ историческими сказанїями о Соломонѣ: меньшее число женъ могло быть первоначальнымъ; большее же, указываемое книгою Царствъ, могло принадлежать лишь позднѣйшему времени жизни Соломона. — Представленіе Соломона въ третьемъ лицѣ объясняется характеромъ сочиненія. — Гораздо больше даетъ намъ возможности судить о времени происхожденія книги указаніе на городъ Тирцу. Имено, (6, 6 по русск.) возлюбленная сравнивается здѣсь съ Іерусалимомъ и съ Тирцою (слав. *благволеніе*), которая была столицею царства израильскаго со времени Іеровоама (3 Ц. 14, 17; слав. *Сарира* до 7-го года царствованія Амврія, построившаго Самарію (3 Ц. 16, 23-24), т. е. съ 975—924 г. до Р. X. Впослѣдствїи Тирца совсѣмъ исчезаетъ изъ исторїи, и было бы страннымъ, если бы писатель позднѣйшаго времени вздумалъ сравнивать красоту невѣсты царской съ красотой города, совершенно забытаго народомъ.

Притомъ же въ книгѣ упоминается еще объ озеряхъ Есевонскихъ (7, 4); но Есевонъ со временъ Исаи (15, 4=Иер. 48, 2) уже принадлежалъ не Израилю, а Моаву. Всмотриваясь далѣе, мы встрѣчаемъ здѣсь колесницы Фараона (1, 8), которыми такъ плѣнялся Соломонъ (3 Ц. 10, 29; 2 Пар. 1, 17); затѣмъ устройство одра, или носилокъ его (3, 9-10), его брачный поѣздъ (3, 11), его возлежаніе за столомъ (1. 11), его виноградники (8, 11): все это предметы столь знакомые писателю, что онъ говоритъ о нихъ какъ очевидецъ и очевидцамъ, и притомъ въ такихъ чертахъ, которыя вполне приличны времени Соломона. Нельзя поэтому не относить происхожденіе книги Пѣсней къ времени Соломона. Если же Тирца (слав. Ферса,) сдѣлалась извѣстною только со временъ Героваама, т. е. по смерти Соломона, то уже одно то обстоятельство, что она почти сразу дѣлается столицею царства израильскаго, говорить въ пользу, неизвѣстной только намъ, ея прежней извѣстности ¹⁾, по крайней мѣрѣ по красотѣ мѣстоположенія, отъ которой она и имя свое получила,—а въ настоящемъ случаѣ писатель и обращаетъ вниманіе единственно на красоту. Если же Пѣснь пѣсней можно отнести къ времени Соломона, то съ увѣренностью можно и писателемъ ея признать Соломона же, какъ по возвышенности сочиненія, такъ и по близкому знакомству писателя съ внутреннею жизнью сего царя и его двора.

Предметъ книги Пѣснь пѣсней.

Въ книгѣ Пѣснь пѣсней воспѣвается любовь двухъ лицъ, дѣвушки—пастушки, или вообще сельской дѣвушки, за свою красоту сдѣлавшейся невѣстою царя, конечно, Соломона, и любовь самаго

¹⁾ Можетъ быть, Соломонъ, по обычаю восточныхъ царей, имѣлъ въ Тирцѣ свою лѣтнюю резиденцію. Героваамъ, который, кажется, самъ былъ родомъ изъ этого города (у LXX, Ферсъ. Сарира (3 Ц. 11. 26-14, 17), естественно могъ избрать его своею столицею, предпочтительно даже предъ Сихемомъ, въ которомъ сначала водворился (3 Ц. 12, 25).

Соломона или—скорѣе—какого-нибудь пастуха, оспаривающаго у царя права на любовь пастушки. Дѣвушка называется Суламитянкой и наводитъ мысль толкователей на Ависагу Суманитянку, послѣднюю подложницу Давида, извѣстную своею красотою и бывшую предметомъ напрасныхъ исканій Адоніи, старшаго брата Соломона (3 Ц. 1; 3; 2, 21 сл.). Но не говоря уже о томъ, что въ самомъ измѣненіи имени Суламиты къ Сунамиту есть уже натяжка,—трудно предположить, чтобы Соломонъ рѣшился оскорбить память отца взятіемъ себѣ въ жены дѣвицу, которая—хотя по минально—считалась женою его отца, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Авессаломъ (2.Ц, 16, 21. 22). Другіе видятъ въ этой возлюбленной дочь Фараова, которой Соломонъ оказывалъ преимущественное вниманіе предъ прочими своими женами и наложницами (3 Ц. 3, 1; 9, 24; 2 Пар. 8, 11), и такимъ образомъ считаютъ Пѣснь пѣсней брачною нѣснью по случаю брака Соломона съ дочерью Фараона. Но здѣсь возлюбленная называетъ себя іерусалимлянкой и пастушкой, чего—конечно—нельзя приложить къ дочери египетскаго царя. Итакъ, можно остановиться на томъ обыкновенномъ мнѣніи, что книга Пѣснь пѣсней есть изображеніе любви Соломона и одной изъ женъ его. Самое имя—Суламита можно здѣсь принять за нарицательное, образованное изъ собственнаго имени—Соломонъ; Суламита—жена Соломонова.

Но принимая такое мнѣніе, естественно спросить, какое же отношеніе имѣетъ эта книга въ цѣлому составу священныхъ книгъ, по какой причинѣ она внесена въ священный канонъ. Было бы странно предположить, чтобы обыкновенное изображеніе любви двухъ лицъ было сочтено книгою священою потому только, что оно относится къ лицу Соломона. И потому еще древніе еврейскіе раввины видѣли въ этой книгѣ изображеніе союза между Богомъ и Его избраннымъ народомъ. Христіанская Церковь, принимая отъ іудейской такое воззрѣніе на книгу Пѣснь пѣсней, въ свою оче-

редь стала прилагать ее въ таинственномъ значеніи къ Іисусу Христу и Ею Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь ближе въ подробности, съ которыми изображаются дѣйствующія лица, мы увидимъ многія черты, не свойственныя ни Соломону, ни одной изъ женъ его, ни вообще какому-нибудь простому человѣку. Такъ возлюбленный здѣсь, отличаясь отъ царя (1; 12. 14; 5, 9; 6 1), и называясь только пастухомъ (1, 7; 6, 2. 3) и владѣтелемъ сада (5, 1; 6, 2),—въ то же время отличается совершенно красотой (5, 10—16), свободой (2. 8—17), мудростью (8, 2) и даже безгрѣшностью (5, 5. 6). Очевидно, это не простой человѣкъ, не Соломонъ. „Здѣсь больше Соломона“ (Мѣ. 12, 42).—Возлюбленная также превосходить своихъ сверстницъ своими совершенствами—красотою (1, 8; 3, 6; 4, 1—7; 6, 1. 4—10), чистотою (4, 7; 5, 2. 6, 9) и силою любви (3, 1—4; 4, 10; 5, 6. 8; 8, 9); но въ то же время, удостоившись царскаго выбора (1, 4), она остается обыкновенной пастушкой (1, 8), хранительницей виноградника (1, 6) и въ почныхъ поискахъ за своимъ возлюбленнымъ подвергается оскорбленіямъ городской стражи (5, 7): что опять нельзя приложить къ обыкновенной жевщицѣ.—

Въ этомъ возлюбленномъ легко узнать того сильнаго царя, о которомъ богомудрый пѣвецъ говоритъ, какъ о *краснѣйшемъ добротою паче сыновъ человеческихъ*, того божественнаго помазанника, котораго *Богъ помазалъ елеемъ радости паче причастникъ своихъ*: однимъ словомъ—Мессію. А въ возлюбленной пѣвѣсть—ту *дочь цареву, слава которой внутрь*,—ту царицу, которая предстаетъ *одесную царя, въ ризахъ позлащенныхъ, рясны златыми одѣяна и преиспещрена* и которой служить *дщери царей и дщи Тирова* предстоить съ дарами (Пс. 44 весь). — Дѣйствительно, какъ въ Вѣтхомъ такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, союзъ Бога съ человѣкомъ представляется подъ образомъ брака. (Исаіи 62, 5; Іез. 16, 8—14; Осіи

2, 19. 20—Мо. 9, 15. 2 Кор. 11, 2; Ефес. 5, 23—27. Апок. 19, 7: 21, 2); сами лица сравниваются съ мужемъ и женою, или женихомъ и невѣстою (тамъ же), и имъ-то лучше всего приличествуютъ названія пастыря, виноградара (Ис. 10, 11: 15, 1); а въ страданіяхъ возлюбленной прилично видѣть страданія и несчастія Церкви, ищущей своего небеснаго Жениха—Христа.

Цѣль написанія.

Опредѣливъ предметъ книги Мѣспей, мы поймемъ и цѣль, съ которою она написана, или лучше—причину, побудившую Соломона къ написанію этой книги. Извѣстно, что во время Соломона народъ израильскій достигъ высшей степени славы и благоденствія. Ослѣпленный блескомъ славы и мудрости Соломоновой и убаюкиваемый счастьемъ, Израиль невольно могъ прийти къ такой мысли, что обѣтованный дому Давидову вѣчный и высочайшій царь есть Соломонъ, и что царство его есть исполненіе древнихъ обѣтованій, данныхъ Аврааму, Іакову и недавно—Давиду (2 Ц. 7. 12—16). *Живя безмечально, кійждо подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, ядуце и піюще. отъ Дана и даже до Вирсавіи, во вся дни Соломона, Іуда и Израиль* (3 Ц. 4. 25) едва ли и могъ представлять себѣ въ лучшемъ видѣ и въ другомъ родѣ царство Мессіи и неземное, обѣщанное черезъ Него, блаженство (Ср. 1 Макк. 14, 8—12). Мудрѣйшій изъ царей, водимый Духомъ Божіимъ, въ лучшія минуты своего неомраченнаго еще пороками и слабостями, царствованія, очень хорошо понималъ это заблужденіе возлюбленнаго народа Божія и старался обратить его взоры на того великаго царя, котораго онъ—Соломонъ служилъ только слабымъ прообразомъ. Какъ представитель того малаго числа избранныхъ, которое никогда не оскудѣвало въ Израили и которое несмотря на все пренятствія и соблазны, исбало только тѣснѣйшаго соединенія съ своимъ Возлюбленнымъ,

Соломонъ въ лицѣ Суламиты отвращаетъ свои взоры отъ царскаго величія и ищетъ только своего Возлюбленнаго. А какъ прообразъ Мессіа - царя, онъ жаждетъ, онъ ищетъ любви этого возлюбленнаго народа Божія и хочетъ насладиться его совершенствами. *Обратися, обратися Суламитино, обратися обратися, и узримъ въ тебѣ* (6, 12¹). *Слыши дщи и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего. И возжелаетъ царь доброты твоея: зане той есть Господь твой* (Пс. 44, 11. 12).

Каноническое достоинство.

Такимъ образомъ, книга Пѣнь пѣней получаетъ высокое значеніе въ ряду другихъ свящ. книгъ и, хотя ни разу не произноситъ имени Божія, но какъ изображеніе Его вѣчнаго завета съ людьми, несомнѣнно считалась и считается книгою богодухновенною. Еврейскіе раввины запрещали читать эту книгу раньше 30-ти лѣтняго возраста, изъ уваженія къ ея таинственному смыслу и изъ опасенія, чтобы не допустить до соблазна пылкое воображеніе молодыхъ людей¹). Христіанская Церковь, предостерегая своихъ чадъ отъ тойже опасности, всегда смотрѣла на книгу Пѣней, какъ на богодухновенную, и когда въ VI в. цѣкто Θεодоръ, епископъ Мопсуетскій, поднялъ свою святотатственную руку на это произведеніе, утверждалъ, что въ немъ не заключается никакого аллегорическаго смысла: то св. Церковь на V вселенскомъ константинопольскомъ соборѣ (553 г.) осудила Θεодора Мопсуетскаго и всѣхъ тѣхъ, которые не видятъ въ книгѣ Пѣсь пѣней ничего далѣе буквального описанія любви, и указала правильное пониманіе этой книги и главную причину влеченія ея въ канонъ.

¹) Впрочемъ, въ церковномъ употребленіи она читается у евреевъ въ субботу на праздникъ Пасхи.

Изложеніе содержанія книги Пѣснь пѣсней. для послѣдовательнаго чтенія ея.

Книга Пѣснь пѣсней представляетъ нѣсколько отдѣльныхъ пѣсней или разговоровъ, которые, соединяясь въ нѣсколько отдѣловъ, представляютъ нѣкоторое сходство съ *дѣйствіями* и *явленіями* нашихъ драматическихъ произведеній. Такихъ дѣйствій, или отдѣловъ въ книгѣ Пѣсней можно различать пять.

Отдѣлъ первый. (1, 1—2, 7).

Невѣста предъ своими подругами описываетъ превосходство и силу любви и ласкъ (слав. *сосуа*) своего возлюбленнаго, говоритъ имъ о своемъ избраніи въ царскія невѣсты и объясняетъ причину своей загорѣлости, неуменьшающей—впрочемъ—ея красоты, тѣмъ, что братья ея поручали ей стеречь виноградникъ; но она его не сберегла (1, 2—5). Потомъ, обращаясь къ самому возлюбленному, проситъ его указать ей мѣсто паствы своихъ овецъ. Онъ же, указавъ это мѣсто, пачинаетъ воспѣвать ея красоту и украшенія ея одежды. Невѣста отвѣчаетъ ему тѣмъ же, сравнивая его съ прекраснымъ цвѣткомъ или кистью, украшающими ея грудь (6—16), а себя съ прекраснымъ парцисомъ Сарона (слав. цвѣтъ польный). Сравнивъ, наконецъ, своего возлюбленнаго съ прекрасною яблонью и изнемогая отъ любви къ нему, она проситъ подругъ своихъ поддержать ее и положить подъ яблоню, надѣясь тамъ найти подкрѣпленіе въ заботливости своего возлюбленнаго (2, 1—6). Онъ дѣйствительно, закликаетъ ея подругъ не нарушать ея сна, пока она сама не проснется (7).

Отдѣлъ второй (2, 8—3, 5).

Возлюбленная, слыша голосъ своего жениха, выхваляетъ его быстроту, рассказываетъ, какъ онъ приходилъ къ ея жилищу и, описывая ей прелесть весны палестинской, вызвалъ ее въ ущелія

горь (слав. покровъ каменный) и въ виноградники, чтобы насладиться ея лицезрѣніемъ и голосомъ (2, 8—15). Теперь она зоветъ его себѣ, рассказываетъ, какъ она ночью искала его на улицахъ города, спрашивала о немъ у стражей городскихъ и, наконецъ, нашедши, привела его въ домъ матери своей (2, 16. 17—3, 4). Возлюбленный снова закликаетъ подругъ невѣсты не нарушать ея покоя (5).

Отдѣлъ третій. (3, 6—5, 1).

Брачный поѣздъ Соломона. Вслѣдъ за облакомъ благовонныхъ куревій появляются великолѣпныя царскія носилки, на которыхъ возсѣдѣтъ царь Соломонъ съ своею невѣстою, окруженный своими оруженосцами. Обитатели Іерусалима вызываютъ дщерей Сіона полюбоваться этимъ зрѣлищемъ (3, 6—11). Затѣмъ возлюбленный, находясь уже въ брачномъ чертогѣ, начинаетъ свою возвышенную пѣснь любви, прекраснѣйшее прославленіе невѣсты. Самые величественные предметы природы и картины мѣстности палестинской служатъ для него естественнымъ выраженіемъ ея красоты. Голуби, стада козъ, пасущихся на Галаадѣ, стада овецъ, возвращающихся отъ водопоя съ своими близнятами, красный шнурокъ, ленточки розы, или разрѣзъ гранатоваго яблока (слав. оброщеніе шипка), башня построенная Давидомъ для храненія оружія (слав. Фалпіооъ—безъ перевода) и близнецы серны: вотъ предметы, съ которыми женихъ сравниваетъ блестящія изъ подъ покрыва (въ слав. кромѣ замолчанія) очи, потомъ волосы, зубы, уста, щеки, шею и перси своей возлюбленной, не имѣющей порока ни въ чемъ (4, 1—7). Пораженный этой красотой своей невѣсты, какъ бы заимствовавшей ее отъ лучшихъ горныхъ мѣстностей Палестины, женихъ приглашаетъ ее прійти къ нему отъ Ливана, Амана (гора между Киликіей и Сиріей—слав. изъ начала вѣры), Санира и Ермона (горы по ту сторону Іордана, къ

югу отъ Дамаска) и признается ей въ своей любви, которую она возбудила въ немъ своимъ видомъ, убожествомъ и ласками (8—11). Но останавливаемый дѣвственною скромностью и естественною застѣнчивостью своей невѣсты, женихъ сравниваетъ ее съ затвореннымъ садомъ, съ сокрытымъ подъ землею источникомъ, и хотѣлъ бы, чтобы хотя вѣтеръ принесъ къ нему ароматы недоступнаго для взора его этого сада (12—16). Но получивъ приглашеніе войти въ этотъ садъ и наслаждаясь его благоуханными и вкусными плодами, женихъ въ восторгѣ приглашаетъ и друзей своихъ принять участіе въ его радостяхъ (5, 1).

Отдѣлъ четвертый (5, 2—6, 3).

Суламита рассказываетъ о томъ, какъ сквозь сонъ она услышала приходъ возлюбленнаго и сначала не рѣшалась отворить дверей ему, но потомъ, когда вышла, уже не нашла его и пошла искать его по—городу; встрѣтившая ее стража городская панесла ей побои и сняла съ нея верхнюю одежду (5, 2—7). Обращаясь къ своимъ подругамъ, она закликаетъ ихъ сказать ей возлюбленному о любви ея къ нему, и на вопросъ ихъ о немъ, кто онъ, воспѣваетъ его красоту, сравнивая наружный видъ его съ лучшими произведеніями природы и поставляя его выше тьмы (множества) другихъ (8—16). Но въ то время, когда онъ, по ея указанію, готовятся съ нею отыскивать ея возлюбленнаго (17; 6. 1. 2), слышится новая пѣснь его, въ которой онъ сравниваетъ ея красоту съ двумя красивѣйшими городами Палестины, Тирцою (слав. благоволеніе) и Іерусалимомъ, и повторивъ прежнія похвалы, говоритъ, что онъ предпочитаетъ ее всѣмъ другимъ царицамъ и наложницамъ своимъ (3—8).

Отдѣлъ пятый (6, 9—8 гл. до конца).

Вдали, въ поразительно-прекрасномъ видѣ, показывается Суламита и, не замѣчая присутствія подругъ, говоритъ, что она

пришла сюда затѣмъ, чтобъ посѣтить свой виноградникъ (6, 9—11). Подруги просятъ ее обратиться къ нимъ лицомъ (12), но явившійся вдругъ женихъ останавливаетъ ихъ любопытство и начинаетъ снова свою похвальную пѣснь своей возлюбленной, заключая ее желаніемъ наслаждаться приятными плодами фицика и винограда, съ которыми онъ сравниваетъ свою невѣсту (7, 1—9). Услышавъ его голосъ, она послѣдно приглашаетъ его идти съ нею въ садъ (10—23) и выражаетъ сожалѣніе, что онъ не братъ ей, чтобъ она могла безпрепятственно всегда встрѣчаться съ нимъ въ домѣ своей матери и наслаждаться его прекрасными наставленіями (8, 1. 2). Въ саду, подъ тою яблонью, подъ которой она родилась, она погружается въ тихій сонъ на рукахъ своего возлюбленнаго; онъ заклинаетъ ее подругъ не тревожить ея сна, наконецъ, будитъ ее и—поддерживая ведетъ, вѣроятно, въ домъ матери ея. Подруги съ удивленіемъ обращаютъ вниманіе на это величественное шествіе Суламиты; она же, обращаясь къ жениху, проситъ скорѣйшаго соединенія съ нимъ, потому что любовь ея чрезвычайно сильна и не можетъ быть ничѣмъ утупена или замѣнена (3—7). Между тѣмъ братья ея совѣщаются между собою о томъ, что дѣлать, когда станутъ покупать ихъ слишкомъ молодую, по ихъ понятіямъ, сестру, и какъ сберечь ее. Она же, насмѣхалась надъ ихъ расчетами, напоминаетъ имъ, какъ они поручали ей стеречь виноградникъ Соломоновъ, приносящій большія выгоды, какъ Соломону, такъ и стражамъ его; но она, улыхавъ привѣтъ возлюбленнаго, просила его поспѣшить къ ней (8—14).

Примѣчаніе. Какъ начало, такъ и конецъ книги Пѣсней заставляеть нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать отрывочность сочиненія и потерю нѣкоторыхъ начальныхъ, конечныхъ, а—можетъ быть—и среднихъ частей. Но нѣтъ никакого основанія утверждать эту нецѣлость или же пред-

полагать путаницу въ сочиненіи: скорѣе, незнаніе нами характера и состава подобныхъ древнихъ сочиненій производитъ путаницу въ нашихъ взглядахъ на единственную въ своемъ родѣ книгу Пѣснь пѣсней.

НЕКАНОНИЧЕСКІЯ УЧИТЕЛЬНЫЯ КНИГИ.

Общія замѣчанія.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами каноническихъ, или богодухновенныхъ книгъ-учительныхъ, въ греческой, латинской и славянской Библии помѣщаются еще нѣкоторыя назидательныя книги, не существующія въ еврейской Библии, но происшедшія несомнѣнно въ нѣдрахъ іудейства, свято хранившаго древне-отеческія писанія и преданія. Какъ произведенія благочестивыхъ мужей, *множайше себя вдавшихъ въ чтеніе закона-же и пророковъ и иныхъ отеческихъ книгъ, и въ сихъ довольное искусство стяжавшихъ* (Слав. предисл. къ Сираху), эти книги служатъ памятниками вѣры и религіознаго созерцанія той эпохи ветхозавѣтной Церкви, когда она, съ прекращеніемъ непрерывнаго ряда пророковъ и съ заключеніемъ канона св. книгъ, самостоятельно, хотя не всегда и не во всемъ успѣшно, продолжала готовиться къ принятію обѣтованнаго Искупителя и пролагать пути къ познанію истины и другимъ народамъ, невѣдущимъ едиаго Бога. Христіанская Церковь, строго отличая ихъ отъ книгъ богодухновенныхъ, тѣмъ неменѣе оказывала имъ величайшее уваженіе, что видно, какъ изъ того, что она всегда сохраняла ихъ въ Библии па ряду съ книгами каноническими и постоянно заимствуетъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста и выраженія,

такъ и изъ того, что она назначаетъ ихъ не только для чтенія вступающимъ въ Церковь, но и вступившимъ уже предлагаетъ нѣчто изъ нихъ для наставленія *). На Западѣ же, со времени Тридентскаго собора (1545—1564 г.), двѣ изъ этихъ учительныхъ книгъ—Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса сына Сирахова, вмѣстѣ съ другими, историческими, книгами, внесены даже въ число каноническихъ, богодухновенныхъ.

КНИГА ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНОВОЙ.

Названіе и мнѣнія о писателѣ и времени происхожденія книги

Первое мѣсто въ ряду неканоническихъ учительныхъ книгъ принадлежитъ книгѣ Премудрости Соломоновой, въ греч. *Σοφία Σαλωμῶν*, въ лат. *Liber Sapientiae*. Названіе Соломоновой она получила не потому, что написана Соломономъ или во времена Соломона; но, вѣроятно, потому что писатель ея, пишущій наставленія для царей и судей, хотѣлъ именемъ Соломона сильнѣе подействовать на своихъ читателей и говорить въ срединѣ книги отъ имени Соломона (7, 5—11; 9, 7. 8). Касательно писателя книги и времени происхожденія ея ничего не извѣстно; но судя по витіеватому языку книги, чисто греческому, и по нѣкоторымъ философскимъ понятіямъ и выраженіямъ, она обязана своимъ происхожденіемъ какому-нибудь александрійскому еврею, знакомому съ Платоновой философіей и съ греческой образованностью. Но кто именно былъ этотъ еврей и когда онъ жилъ, мнѣнія различны.

*) Последнее замѣчаніе относится собственно къ кн. Премудрости, изъ которой, какъ увидимъ далѣе, постоянно берутся *пареміи*.

Блаженный Иеронимъ, отвергающій навязываемое этой книгѣ еврейское происхожденіе, сохранилъ преданіе, что эту книгу считали за произведеніе Филона іудея, жившаго въ I в. по Р. Хр. Нѣкоторые, по этому поводу, искали въ кн. Премудрости сходства съ дошедшими до насъ сочиненіями Филона, извѣстнаго подражателя Платона и толкователя Ветхаго Завѣта въ аллегорическомъ смыслѣ, приспособительно къ идеямъ Платона. Думали даже находить поводъ къ сочиненію книги Премудрости, занимающейся по преимуществу обличеніемъ идолопоклонства, въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни Филона, что онъ былъ двукратно посылаемъ египетскими іудеями въ Римъ при императорѣ Каѣ Калигулѣ (37—41 г. по Р. Хр.) и Тиберіи Клавдіи (41—54) съ просьбою объ отмятѣ повелѣнія императора Калигулы, приказавшаго поставить свою статую въ храмъ іерусалимскомъ, и о возвращеніи отнятыхъ у іудеевъ Клавдіемъ правъ гражданства. Просьбы Филона не были уважены, и въ первый разъ, какъ извѣстно (Флавій, Древн. іуд. 18, 8), едва не вовлекли раздраженнаго Калигулу въ опасную для іудеевъ войну. Думаютъ, что тогда-то Филонъ, желая обличить заблужденіе императора, составилъ книгу Премудрости, въ которой отъ имени мудрѣйшаго изъ царей говоритъ о происхожденіи идолопоклонства. Но не смотря на такіе видимые доводы въ пользу принадлежности книги Премудрости Филону, она никогда не признавалась и не можетъ быть признана сочиненіемъ его, какъ по времени своего происхожденія, несомнѣнно предшествовавшему времени Іисуса Христа, а слѣд. и Филона, такъ еще болѣе по нѣкоторымъ частнымъ понятіямъ, отличнымъ отъ понятій Филона*). — Другое распространенное мнѣніе утверждало

*) Сочиненіе Филона, написанное имъ по поводу посольства къ имп. Калигулѣ, сохранилось и до нашего времени и носитъ заглавіе: *περί ἀρετῆς καὶ ἀσχημάτων πρὸς Γαίον*, т. е. о добродѣтеляхъ и о посольствѣ къ Каю.

принадлежность этой книги ученому александрийскому иудею Аристовулу, учителю царя Птолемея Филометора (181—145 до Р. Хр. см. 2 Макк. 1, 10), по свидѣтельству древнихъ (Климентъ Ал., Евсевій Памф.), писавшему для этого царя учебное аллегорическое толкованіе на книги Моисея, и составившему нѣсколько подложныхъ сочиненій религіозно-философскаго содержанія отъ имени Орфея, Меландра, Гезіода, Софокла и другихъ греческихъ мудрецовъ и поэтовъ, съ цѣлію доказать, что эти лица заимствовали лучшія свои идеи изъ книгъ еврейскихъ. Полагаютъ, что точно такимъ же образомъ Аристовуль могъ составить и подложное сочиненіе—кн. Премудрости, приписавъ ее Соломону. Но противъ такого мнѣнія говорить и характеръ отношенія писателя Премудрости къ философскимъ ученіямъ, еще непристрастнаго и не увлекающагося философией какъ Аристовуль,—и политическое состояніе иудеевъ въ Египтѣ, по Флавію (Древп. 13, 3), самое счастливое при Филометорѣ и слѣд. при Аристовулѣ, и несчастное при писателѣ кн. Премудрости, какъ это видно изъ содержанія книги (гл. 1 и 2). Последнее обстоятельство приводитъ ко времени Птолемея Филопатора (221—204 г.), отличавшагося жестокостью, распутствомъ и невоздержностію и послѣ неудачной попытки проникнуть въ святилище храма (127 г. см. 3 Макк. 1, 10; 2, 16 17 и дал.) сдѣлавшагося гонителемъ иудеевъ, какъ это изображается въ 3-й кн. Маккавейской. Этому времени лучше всего и приличествуетъ кн. Премудрости Соломона.

Основная мысль содержанія и ея раскрытіе.

Книга премудрости, какъ показываетъ самое названіе ея, разсуждаетъ объ истинной мудрости, ея пачалѣ, видахъ, дѣйствіяхъ, слѣдствіяхъ и наградахъ. Какъ во всѣхъ свящ. книгахъ, эта истинная премудрость полагается въ истинномъ боговѣдѣніи и соединенномъ съ нимъ благочестіи и поставляется самымъ вѣр-

нымъ средствомъ къ достиженію счастія и вѣчнаго блаженства. Раскрывая эту истину, писатель, очевидно, хотѣлъ опровергнуть ложное мнѣніе греческихъ философовъ, которые полагали мудрость въ безполезныхъ умозрѣніяхъ или въ нравственныхъ правилахъ не возвышавшихся далѣе честности, приличія и естественности, и приписывали собственнымъ силамъ человѣка возможность достиженія такой мудрости. Писатель доказываетъ, что мудрость даръ Божій и имѣетъ цѣлью истинную святость человѣка. Показывая достойное смѣха происхожденіе идолопоклонства, писатель старался доказать виновность людей и особенно философовъ, которые не заботились о познаніи истиннаго Бога, и разбираетъ ихъ ложныя мнѣнія о безсмертіи души, судѣ, адѣ, наградахъ и наказаніяхъ будущей жизни. Такимъ образомъ, книга Премудрости представляетъ намъ образецъ истинной и прочной философіи.

Достоинство книги и употребленіе въ Церкви.

Высота ученія, заключающагося въ кн. Премудрости, и представительный характеръ ея были причиною того, что кн. Премудрости съ самой глубокой древности пользовалась въ Церкви христіанской величайшимъ уваженіемъ. Уже, кажется, евангелія ссылаются на эту книгу (Ср. 2, 13—17—Мѡ. 27, 43. 49). Отцы I-го и II-го вв., какъ напр., ап. Варнава, Климентъ Ал., Иустинъ, Тертуліанъ, на ряду съ другими ветхозавѣтными книгами, приводятъ мѣста и изъ этой книги. На западѣ, со времени Тридентскаго собора, она признана богодухновенною, девтероканоническою. Наша, православная Церковь, предпочтительно предъ всѣми неканоническими писаніями, постоянно употребляетъ ее въ церковномъ Богослуженіи. Въ навечеріи дней памяти Предтечи, пророковъ, мучениковъ, преподобныхъ и всѣхъ свитыхъ, а также праздниковъ Срѣтенія и Благовѣщенія, Церковь предлагаетъ изъ этой книги приличныя характеру праздниковъ чтенія, или *пареміи*

часто въ соединеніи съ мѣстами кн. Притчей *). При всемъ томъ, Церковь восточная не вноситъ ее въ канонъ книгъ свѣщ., какъ произведеніе чисто—человѣческое, заключающее въ себѣ нѣкоторыя мнѣнія и сказанія, несогласныя съ духомъ божественной истины. Такъ писатель, кажется, допускаетъ, вмѣстѣ съ греческими философами, предсуществованіе хаотической матеріи, изъ которой Богъ создалъ міръ (11, 18), вѣрить въ предсуществованіе души, какъ и Платонъ (8, 19, 20), а на тѣло смотритъ, какъ на узы для души (9, 15). Въ сказанія объ Авраамѣ (10, 5), Іосифѣ (ст. 14), о пребываніи евреевъ въ Египтѣ (ст. 15 и 20), о казняхъ египетскихъ (16, 16—18; 17, 6), о переходѣ чрезъ Черное море (19, 7) и о путешествіи въ пустыни (ст. 11 12 и 16, 20 21), писатель вноситъ нѣкоторыя подробности и взгляды, не соответствующія истиннымъ сказаніямъ Моисея. Замѣчательно, что изъ этой части книги, какъ наиболѣе носящей на себѣ слѣды ограниченности ума человѣческаго, Церковь вовсе не предлагаетъ чтеній своимъ чадамъ.

Изложеніе содержанія кн. Премудрости для послѣдовательнаго чтенія.

Кн. Премудрости по содержанію дѣлится на двѣ почти равныя части, находящіяся между собою въ строгой послѣдовательной связи, хотя и представляющіяся съ перваго взгляда различными по содержанію, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, и по изложенію. Въ первой изъ нихъ, писатель сначала (1—6 гл.), въ видѣ предисловія, или введенія въ книгу, подобно какъ и составитель книги Притчей (ср. 1—9 гл.), увѣщаетъ царей и князей къ изученію премудрости и, облекшись именемъ Соломона, онъ въ своей жизни представляетъ имъ примѣръ, какъ достигнуть этой

*) Собственно изъ книги Премудрости предлагаются для чтенія: 3, 1—9; 4, 7—20; 5 вся глава, по частямъ въ разные дни, и 6, 1—12. Прочія части не употребляются. См. указат. Чт. изъ св. кн. Гречулевича, или бого-служебныя книги.

мудрости (гл. 7. 8). Наконецъ, повторяетъ (гл. 9) молитву Соломона о дарованіи ему мудрости (3 Цар. 3, 6—9). Во 2-й части онъ продолжаетъ эту молитву, или лучше—размышленіе о мудрости, и прииѣрами, взятыми собственно изъ исторіи еврейскаго народа, старается оправдать дѣйствія премудрости, показать тщету и безуміе идолопоклонства и плоды его, сравнительно съ наградами за благочестіе (гл. 10—19). По замѣчанію критиковъ, книга не окончена, или не дошла до насъ въ цѣлости.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. (1—9 гл.).

Предполагая дать наставленіе царямъ и судіямъ, писатель увѣщаетъ ихъ быть правосудными и искать Бога, а съ Нимъ и мудрости, въ простотѣ сердца, потому что Онъ открывается только такимъ людямъ; напротивъ, удаляется отъ грѣшниковъ и отъ помышленій злыхъ (1, 1—5). Будучи всевѣдущимъ и вседѣющимъ, Онъ накажетъ всякое зло, ропоть и ложь (6—11). Писатель совѣтуетъ не желать себѣ смерти, такъ какъ это противно цѣли, съ которою Богъ все сотворилъ (12—14). Если же несчастивые и дѣлами и мыслями своими доказываютъ, что они ищутъ смерти, то они достойны такой участи (15—16), потому что они смотрятъ на жизнь, какъ на случайное, кратковременное явленіе, имѣющее цѣлю только наслажденіе (2, 1—9). Вслѣдствіе такого воззрѣнія на жизнь, они враждебно относятся къ праведнику и стараются погубить его за то только, что онъ не такъ смотритъ на цѣль жизни, какъ они, и всю жизнь свою поставляетъ въ зависимости отъ небснаго Отца (10—20—Мф. 27, 42. 43. 49). Но они забываютъ, что для праведника нѣтъ смерти, потому что смерть, какъ произведеніе зависти діавола, постигаетъ только несчастивыхъ (21—24). Тоже, что кажется для другихъ смертію праведника, есть ни что иное, какъ временное испытаніе, искушеніе, которое будетъ сопровождаться безсмертною славою и вѣчнымъ

блаженствомъ съ Господомъ (3, 1—9). Не такова участь нечестивыхъ. И они, и жены ихъ, и дѣти осуждены на гибель. Таеъ что, вопреки всеобщему убѣжденію евреевъ, безчадіе женщины и склопство мужчины ихъють больше преимущества, чѣмъ многочадіе, зараженное грѣхомъ. Такое потомство несчастно и, хотя бы существовало долго, кончится гибелью (10—19). Всматриваясь ближе въ судьбу праведныхъ и нечестивыхъ и особенно ихъ потомства, мы увидимъ, что имя праведника, не оставившаго вовсе потомства, безсмертно, напротивъ самое многочисленное потомство нечестиваго непрочно: оно только свидѣтель беззаконій своихъ предковъ (4, 1—6). Что же касается продолжительности жизни праведника и неправедника, то ей нельзя поставлать въ числѣ дѣтъ. Часто праведникъ умираетъ очень рано, чтобы не испортиться среди нечестивыхъ (7—14). Нечестивые обыкновенно не понимаютъ этой цѣли ранней смерти праведныхъ и осуждаютъ ихъ (15—18); но когда ихъ самихъ постигнетъ лютаа смерть (19, 20), когда они предстанутъ на страшный судъ и увидятъ того самого праведника во славу, котораго они осмѣивали здѣсь: тогда-то они узнаютъ свое заблужденіе (5, 1—14); тогда-то Господь, наградившій праведниковъ вѣчною жизнью и царскимъ благолѣшемъ, влѣтетъ съ ними, вооружится на отмщеніе нечестивымъ (15—24). Поэтому, писатель настойчиво увѣщаетъ царей и князей смотрѣть на свое дѣло, какъ на служеніе Богу, и не забывать, что Богъ судія праведный, который наиболѣе и потребуетъ отъ имущихъ болѣе власти (6, 1—8). Властители, находящіе для себя наслажденіе въ управленіи народами, желающіе вѣчнаго царствованія, должны искать премудрости и о ней одной помышлать (9—21). А что такое премудрость и откуда она происходитъ, это онъ обѣщаетъ безъ утайки открыть имъ (22—27).

Писатель, принявшій здѣсь имя Соломона, начинаетъ говорить здѣсь о мудрости, какъ несомнѣнно обладающій ею. Но что-

бы кто не подумалъ, что онъ, какъ мудрѣйшій изъ царей, имѣлъ какое нибудь особенное происхожденіе, Соломонъ говоритъ, что онъ родился подобно всѣмъ людямъ и что такое рожденіе, равно какъ и смерть, имѣютъ всѣ цари (7. 1—6). Премудрость же получилъ отъ Бога по молитвѣ, такъ какъ считалъ ее лучшею всѣхъ благъ и сокровищъ (7—10). Дѣйствительно, вмѣстѣ съ нею онъ получилъ все и можетъ всѣмъ преподавать ее, потому что она неистощима (11—14). Съ полученіемъ премудрости онъ сталъ обладать знаніемъ всего существующаго, того, что составляетъ предметъ усиленныхъ и напрасныхъ исканій философіи (15—21): потому что премудрость, о которой онъ говоритъ, и которая одна можетъ сообщить человѣку истинную мудрость, божественна. Она обладаетъ всею полнотою (7,3) совершенствъ, потому что раждается отъ Бога и есть *сіяніе свѣта присносущнаго и образъ благодѣтели его* (22—26 = Евр. 1, 3): она всемогуща, славна и вездѣсуща (27—30; 8, 1). Вотъ почему онъ съ молодыхъ лѣтъ сталъ искать ея и увѣренъ, что она, обладая всѣми совершенствами, доставитъ и ему оныя; что она доставитъ самыя необходимыя для жизни, по мнѣнію аѳинскихъ философовъ (Платона), добродѣтели—цѣломудріе и разумъ, правду и мужество*) (2—7). Надѣясь вмѣстѣ съ мудростью получить вѣдѣніе, славу, безсмертіе и умѣнье управлять народомъ, а зная также, что она подается Богомъ, онъ обратился къ Нему съ слѣдующею молитвой (8—21): Боже отецъ создавшій все мудростью, избравшій меня въ правителя Твоему народу и повелѣвшій создать храмъ Тебѣ, послѣ мнѣ Твою вѣчную мудрость, чтобы я могъ своими дѣлами угодить Тебѣ (9, 1—12), потому что слабый человѣкъ едва можетъ понимать происходящее на землѣ, а волю Божію, безъ божественной премудрости, никто не можетъ постигнуть, какъ это показываютъ историческіе примѣры (13—19).

*) У Платона: *σωφροσύνη, φρονιμία, δικαιοσύνη, ἔδνησις.*

—
ВТОРАЯ ЧАСТЬ (10—19).

Эта премудрость сохраняла Адама, пока онъ не отступилъ отъ нея (10, 1—3), сохранила потомъ Ноя (4), Авраама (5), Лота (6—9), Иакова (10—12), Иосифа (13.14) и избавила избранный народъ отъ египетскаго ига, изведши его рукою Моисея (15—21). Премудрость привела израильтянъ въ пустыню, погубивши ихъ враговъ и давши имъ воду изъ камня (11, 1—4), и чѣмъ однихъ она наказывала, тѣмъ же другимъ благодѣйствовала (5—9), съ цѣлью привести людей къ сознанию своихъ неправдъ (10—15). Такъ, Господь всегда наказываетъ тѣмъ, что служить для чело-вѣка предметомъ грѣха, желая доказать свое могущество и постоянный Промыслъ о мѣрѣ (16—23). Если же мѣръ не погибъ, то потому только, что Богъ милостивъ и благъ (24—27). Это видно изъ того, что, даже наказывая враговъ, онъ не спѣшитъ ихъ истребленіемъ, но даетъ время для раскаянія, хотя и знаетъ о ихъ нераскаянности и хотя, какъ всемогущій, могъ бы вдругъ истребить всѣхъ (12, 1—12). Такое правдивое вниманіе къ самимъ врагамъ, доказывая божественное правосудіе ко всѣмъ, должно было показать евреямъ, что Господь еще съ большимъ вниманіемъ и долготерпѣніемъ щадитъ и наказываетъ ихъ за ихъ грѣхи (13—22). Чтобы видѣть, какъ заслужено было наказаніе, посланное Богомъ на прежнихъ жителей Палестины, бывшихъ идолопоклонниками, достаточно бросить взглядъ на происхожденіе идолопоклонства (23—28). Вотъ люди часто прельщаются совершенствами тварей и стихій и почитаютъ ихъ богами; но если они могли понять красоту и совершенства тварей, то—конечно—еще скорѣе могли бы понять совершенства Того, кто все сотворилъ (13, 1—9). Болѣе достойнымъ сожалѣнія являются тѣ, которые кланяются дѣлу своихъ рукъ. Плотникъ, приготовившій какуюнибудь полезную утварь, изъ негоднаго ни на что, даже къ сожженію, куска

дерева, приготовляетъ какую-нибудь странную фигуру и, придавъ ей чей-нибудь образъ, прикрѣпляетъ къ стѣнѣ. Выдумка нравится, и вотъ является идолъ, которому кланяются, какъ чему-то высшему и сильному, и просятъ у него благъ, которыхъ онъ самъ не имѣетъ (10—19). Такое изобрѣтеніе — конечно — нужно отличать отъ изобрѣтеній полезныхъ, какъ это мы видимъ въ ковчегѣ, въ которомъ нѣкогда спасся праведникъ отъ всеобщей гибели. Тамъ дерево благословенно, здѣсь — въ идолахъ — оно проклято, вмѣстѣ съ изобрѣтателями ихъ (14, 1—11). Всматриваясь ближе въ побужденія, которыми руководится человѣкъ при поклоненіи идоламъ, писатель находитъ, что началомъ идолопоклонства былъ развратъ, тщеславіе, скорбь родителей о потери любимаго дитяти, желаніе имѣть предъ собою образъ почитаемаго царя и, наконецъ, даже увлеченіе художественнымъ изображеніемъ какого-нибудь лица (12—20). Отъ чувства простаго удивленія перешли къ настоящему почитанію этихъ идоловъ и къ жертвоприношеніямъ, а за симъ слѣдовали всевозможные пороки и неизбѣжный на нихъ судъ (21—31). Премудрый благодаритъ Господа, что Онъ сохранилъ свой народъ отъ такого заблужденія, и увѣренъ, что поклонники идоловъ сами заслужили себѣ наказаніе (15, 1—6). Ибо, если ваятель, вмѣсто того, чтобы дѣлать сосуды необходимыя для житейскаго употребленія начинаетъ производить бездушныхъ идоловъ, зная очень хорошо свойство того матеріала, изъ котораго онъ произвелъ ихъ, то онъ овазывается безумнѣйшимъ изъ людей и достойнѣйшимъ самаго строгаго суда, такъ какъ почитаетъ богомъ, что не имѣетъ даже жизни, какую онъ самъ имѣетъ (7—19).

Проводя затѣмъ параллель между поклонниками идоловъ и почитателями истиннаго Бога, премудрый показываетъ, какъ египтяне по заслугамъ подвергаются наказаніямъ отъ того же, чему прежде кланялись, а евреи за страданія отъ голода получили небесную пищу; по египтяне роптали на Бога, то и наказывались

укушеніемъ змѣй и спасались отъ укушенія воззрѣніемъ на змѣю же (16, 1—12). Какъ при наказаніи нечестивыхъ враждебныя между собою стихіи, огонь и вода, не мѣшали другъ другу истреблять нечестивыхъ: такъ при облагодѣтельствovanіи праведниковъ эти стихіи не ослабляли другъ друга, чтобы доставить праведникамъ ангельскую пищу (манну) (18—29). Египтяне, желавшіе утѣснить евреевъ, наказаны тридневною страшною тьмою и поражены были страхомъ и ужасомъ, въ то время, какъ весь міръ наслаждался свѣтомъ, потому что египтяне носили эту тьму въ себѣ самихъ (17, 1—20); евреи же имѣли великій свѣтъ и были руководимы огненнымъ столпомъ (18, 1—4). За истребленіе еврейскихъ младенцевъ египтяне наказаны истребленіемъ ихъ первенцевъ отъ ангела (5—19). Подобное нѣкогда, хотя не надолго, обнаружилось и въ жизни евреевъ: за возмущенію противъ священства Ааронова они наказаны моровою язвою; но и спасены ходатайствомъ того же первосвященника, противъ котораго возмущались (20—25). Наконецъ, когда египтяне, еще невразумленные потерю первенцевъ и другими чудесами, погнались за евреями, то погибли въ Черномъ морѣ, съвозъ которое евреи чудесно прошли (19, 1—3). Потомъ они видѣли рядъ чудесъ, которыя служили для удовлетворенія ихъ нуждъ и для наказанія ихъ похотей, и могли убѣдиться, что Господь всегда нестраннопримныхъ, каковы были египтяне, наказываетъ, а страннопримцевъ, какъ Лотъ, награждаетъ, и что Онъ для славы своего народа совершаетъ великія чудеса всегда и вездѣ (9—21).

КНИГА ПРЕМУДРОСТИ ИСУСА СЫНА СИРАХОВА.

Название книги.

Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, съ греческаго *Σοφία Ἰησοῦ υἱοῦ Σιραχ*, въ еврейскомъ подлинникѣ, который видѣлъ бл. Иеронимъ, носила названіе *мешалим*, притчи, по сходству содержанія съ книгой Притчей Соломоновыхъ, а въ латинскомъ называется *Ecclisiasticus*, по частому употребленію ея въ древней церкви христіанской. Отцы церкви называли ее *сокровищемъ добродѣли*—*πανάρητος* и книгою премудрости и назначали ее для чтенія вступающимъ въ Церковь. На Западѣ она считается каноническою; на Востокѣ же, не смотря на частое употребленіе въ древней церкви и на постоянныя ссылки на нее Отцовъ и даже новозавѣтныхъ писателей *), она не помѣщается въ канонъ св. книгъ и вовсе неупотребляется теперь въ церковномъ богослуженіи.

Сущность содержанія.

Сущность содержанія книги Сираха, какъ можно видѣть изъ различныхъ названій ея и изъ словъ самого писателя, есть *наказаніе разума и вѣдѣніе*, (50, 29), иначе—ученіе мудрости и благочестія. Подражая книгѣ Притчей, или вообще книгамъ Соломоновымъ, писатель, кромѣ общихъ правилъ поведенія, даетъ довольно подробныя частныя правила, касающіяся всякаго состоянія, возраста, пола и званія; представляетъ сильныя побу-

*) Хотя нигдѣ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ не указывается на имя Сираха или на его книгу; но сходство и даже тожество многихъ выраженій Нов. Зав. съ выраженіями этой книги говорятъ о знакомствѣ съ нею новозав. писателей. Ср. 2, 15—Ис. 14, 21; 11, 18—Лук. 12, 19; 25, 11—Іак. 3, 2; 33, 13—Римл. 9, 21 и др.

жденія ко всѣмъ добродѣтелямъ и заключаетъ похвалою всѣмъ бывшимъ прежде его праведникамъ. И если онъ не исчерпалъ всей сущности нравственнаго ученія, то и никого не оставилъ безъ своихъ мудрыхъ наставленій: такъ что, по замѣчанію толкователей, книга Сираха отличается отъ другихъ учительныхъ книгъ подобнаго содержанія тѣмъ, что Притчи наставляютъ сыновъ и домашнихъ, Премудрость Соломона — царей и судей, Сирахъ — весь народъ.

Писатель, время написанія и языкъ книги.

Писатель прямо называетъ себя въ концѣ книги (50, 29) Ижусомъ, сыномъ Сираха, іерусалимляниномъ. Но кто онъ былъ и когда онъ жилъ, опредѣленно что-нибудь трудно сказать. Въ предисловіи къ греческому переводу этой книги *), сдѣланному внукомъ писателя, прибавляется только, что онъ былъ очень ученый мужъ, свѣдущій въ законѣ и пророкахъ и отеческихъ писаніяхъ; а по нѣкоторымъ указаніямъ книги можно догадываться, что онъ принадлежалъ къ священническому роду (7, 31—34, 45, 7—21; 50, 1—23). Что касается времени написанія книги, то переводчикъ книги, внукъ писателя, говоритъ о себѣ, что онъ пришелъ въ Египетъ въ царствованіе Птолемея Евергета, на 38-мъ году или своей жизни, или его царствованія. Но такъ какъ изъ исторіи намъ извѣстны два Птолемея съ прозваніемъ Евергета, между которыми разстояніе времени цѣлое столѣтіе, — Птоломей III, сынъ Филадельфа (246—221 г. до Р. Хр.) и Птоломей VII, иначе Фисконъ, царствовавшій сначала съ братомъ Филометоромъ (10—162), а потомъ одинъ (145—117 г.): то происхожденіе книги Сираха одни относятъ къ началу 3-го ст. до Р. Хр., а другіе —

*) Въ славянской Библии это предисловіе въ первый разъ переведено въ елисаветинскомъ изданіи, 1751 г., и съ тѣхъ поръ помѣщалось предъ книгою Сираха. но въ нынѣшнихъ перепечаткахъ Библии, петербургскаго изданія, оно почему-то опущено.

позже, къ началу 2-го. Послѣдніе основываютъ свое мнѣніе на томъ, что Птоломей Фисконъ любилъ собирать книги и уважалъ ученыхъ мужей, что, можетъ быть, и было причиною перехода внука Сирахова въ Египетъ; и прилагаютъ къ нему 38-й годъ, въ который пришелъ переводчикъ въ Египетъ; упоминаемаго же въ книгѣ (50, 1—23) первосвященника Симона, сына Оніи, какъ ближайшаго къ писателю лица, считаютъ Симономъ II (233—177 г.), — и бѣдственное состояніе Іудей, объ избавленіи отъ котораго молится Сирахъ (36, 1—19), относятъ къ гоненіямъ Антіоха Епифана (176—164). Первые же, съ большею вѣроятностью, относятъ это бѣдствіе ко времени Птолемея I (312 г.) и такимъ образомъ первосвященника Симона, современнаго Сираху, считаютъ Симономъ I, праведнымъ († 292 г.), котораго Талмудъ почитаетъ послѣднимъ представителемъ великой синагоги и собирателемъ, или заключителемъ канона св. книгъ. 38-й годъ, въ который внукъ писателя пришелъ въ Египетъ, будетъ годомъ его жизни, а не правленія Птолемея Еввергета. Этотъ Птоломей кажется III, а не VII, — и дѣдъ переводчика, писатель книги Сираха, будетъ современникомъ и какъ бы ближайшимъ преемникомъ и собирателемъ мудрости послѣ великаго собирателя св. канона, Симона праведнаго (См. 33, 15. 16). Есть даже мнѣніе, что этотъ Іисусъ былъ однимъ изъ числа LXX переводчиковъ, такъ какъ имя Іисуса находятъ въ спискѣ именъ LXX у Аристеев.

Первоначальный языкъ книги, какъ показываетъ предисловіе греческаго перевода и какъ доказываетъ слогъ книги, былъ еврейскій, конечно, современный писателю. Вл. Іеронимъ имѣлъ въ рукахъ еврейскій текстъ этой книги, но онъ до насъ не дошелъ. Существующіе нынѣ переводы, латинскій, сирскій и арабскій, и нашъ славянскій, сдѣланы съ греческаго перевода, но несмотря на то разнятся и отъ подлинника греческаго и между собою числомъ и расположеніемъ главъ и стиховъ и ясностью смысла.

Изложение содержания книги Сираха въ последовательномъ порядкѣ.

Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова не представляетъ строгаго единства и последовательности частей содержанія. Какъ сборникъ отдѣльныхъ правилъ и наставленій, она состоитъ изъ нѣсколькихъ отрывковъ не ровной величины, не легко различающихся содержаніемъ, частыми обращеніями писателя къ сыну и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ показываетъ греческій текстъ, особыми надписями *). Такихъ отдѣловъ съ особыми надписями считается 11, но и кромѣ ихъ можно легко замѣтить другіе отдѣлы, не имѣющіе подписей. Все же содержаніе книги Сираха можно раздѣлить на три большіе отдѣла, или части. Въ первой части, 1—23 гл., послѣ похвалы премудрости, писатель входитъ въ нѣкоторыя частныя правила жизни. Во второй, 24—42, 24, сама премудрость увѣщаетъ людей къ последованію добродѣтели и даетъ имъ наставленія. Въ третьей, 42, 25—50 гл., прославленіе Бога и похвала отцамъ, отъ Адама до своего времени. Гл. 51-я, заключающая въ себѣ молитву Сираха, составляетъ какъ бы заключеніе цѣлой книги.

Предисловіе переводчика **).

Въ этомъ предисловіи переводчикъ говоритъ, что Израилѣтяне чрезъ чтеніе закона, пророковъ и другихъ писаній дѣлаются и сами свѣдущими и для другихъ полезными. Такъ и дѣдъ его Иисусъ начитанный и опытный рѣшился написать нѣчто о мудро-

*) Къ сожалѣнію, въ слав. переводѣ онѣ опущены. Въ русскомъ онѣ есть.

**) Кромѣ этого предисловія, въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ и изданіяхъ Сираха помѣщается другое предисловіе, извлеченное изъ Синопекса, приписываемаго св. Афанасію. Въ немъ говорится о писателѣ книги, что онъ жилъ послѣ всѣхъ пророковъ и собиралъ ихъ мысли, присоединилъ къ нимъ и свои собственныя; что вѣкъ его, называвшійся подобно дѣду своему, Иисусомъ сыномъ Сираха, перевелъ эту книгу на греческій языкъ и назвалъ ее *Премудростію*.

сти. Это написанное Иисусомъ его внукомъ, переселившійся въ Египетъ при Птоломѣѣ Еввергетѣ, перевелъ на греческій языкъ для назиданія живущихъ въ переселеніи; при чемъ проситъ читателей быть снисходительными къ неточностямъ перевода, которыя встрѣчаются не только у него, но и въ переводѣ св. книгъ.

Часть первая (1—23 гл.).

Свои наставленія писатель начинаетъ похвалою премудрости. Премудрость происходитъ отъ Господа и обладаетъ божественными свойствами и совершаетъ божественныя дѣйствія. Она состоитъ въ страхѣ Божіемъ (1, 1—14 по слав. счету), который составляетъ и начало, и полноту, и вѣнецъ, и корень премудрости (15—20). Кто желаетъ обладать премудростью, тотъ терпѣливъ, благоразуменъ, исполняетъ заповѣди Божіи и избѣгаетъ лицемерія (21—30). Затѣмъ обращаясь къ сыну, проситъ его быть готовымъ къ перенесенію испытаній, т. е. несчастій (2, 1—6); боящихся Господа убѣждаетъ не терять надежды на Господа, потому что маловѣріе влечетъ за собою горе, а надѣющіеся предаются волѣ Божіей и убѣждены, что милость Божія равна Его величію (7—18). Дѣтямъ особенно поставляется на видъ почитаніе родителей, какъ средство получить отъ Бога прощеніе грѣховъ, а отъ родителей благословеніе, которое необходимо для утвержденія домовъ (3, 1—9); непочтеніе же къ родителямъ, хотя-бы и есудоумнымъ, влечетъ за собою безчестіе и проклятіе отъ Господа (10—16). Смирненіе похвально, превозношеніе же своимъ разумомъ, излишняя пытливость, какъ и отвага, бывають посрамлены: это легко пойметъ всякій разсудительный (17—29). Такъ какъ милостыня очищаетъ грѣхи (30. 31), то она особенно выставляется на видъ сыну (4, 1—10). Достигнувшій премудрости пріобрѣтаетъ большую славу и блага и хотя сначала подвергается труднымъ испытаніямъ, но потомъ будетъ утѣшенъ; если же со-

вратится съ пути, то падеть (12—22). Впрочемъ стыдиться своего паденія, т. е. скрывать оное, не должно, равно какъ не должно быть лицепріятнымъ, лѣнивымъ, недовѣрчивымъ къ домашнимъ, немилосерднымъ (23—35). Самонадѣянность, нераскаянность вслѣдствіе долгой ненаказанности—признаки грѣшника (5, 1—11). Человѣкъ разсудительный остороженъ въ словахъ, не клеветаетъ на ближняго (12—18). Онъ дорожитъ своими друзьями, съ осторожностью избираетъ изъ нихъ совѣтника въ своихъ дѣлахъ, потому что есть друзья случайные, а вѣрный и постоянный другъ—истинное сокровище (6, 1—17). Сынъ долженъ съ малыхъ лѣтъ предаться ученію и приобрѣтенію мудрости, надѣтъ на себя ея узы, чтобы потомъ обрѣсти въ ней покой и славу (18—37); онъ не долженъ дѣлать зла, чтобы и его не постигло зло (7, 1—5). Власть имѣетъ свои неудобства, и потому премудрый совѣтуетъ не искать ея, грѣховъ не повторять, надъ ближнимъ не смѣяться, къ толпѣ грѣшниковъ не приставать (4—17). Въ обращеніи съ друзьями, женою, рабами, даже съ домашнимъ скотомъ быть добрымъ и снисходительнымъ (18—25); заботиться о воспитаніи дѣтей, о хорошей жизни съ женою, исполнять требованія закона по отношенію къ священникамъ, быть милостивымъ къ бѣднымъ, не забывать и мертвецовъ, не удаляться отъ несчастныхъ,—и вообще помнить о своемъ концѣ: вотъ правила счастливой и безгрѣшной жизни (26—39).

Въ другихъ правилахъ, касающихся общественной жизни, сколько видится благоразуміе опытнаго человѣка, столько же слышится чувство взаимной любви между людьми. Мудрый наставникъ не совѣтуетъ вступать въ ссоры и тяжбы съ человѣкомъ сильнымъ, не шутить съ невѣждой (8, 1—5); оберегаетъ отъ насмѣшки надъ исправленіемъ человѣка и отъ радости о смерти врага,—а вмѣсто того совѣтуетъ быть внимательнымъ къ совѣтамъ мудрецовъ и стариковъ (6—12). Въ спорахъ съ раздражи-

тельными, въ тяжбѣ съ судьей, въ совѣтахъ съ глупцомъ человѣкъ можетъ погибнуть отъ неразумія другаго (13—22); но въ обращеніяхъ съ женщиной можетъ самъ поползнуться и пасть (9, 1—11). Затѣмъ премудрый даетъ правила не оставлять стараго друга, не завидовать грѣшнику и не обращаться съ людьми опасными и грѣшными (12—21). Указавъ на то, что отъ мудрости правителя зависитъ благоденствіе народа, вѣрениаго ему Господомъ, и указавъ на ничтожество человѣка, созданнаго изъ праха,—премудрый сильно возстаеъ противъ гордости и говоритъ, что Господь за гордость низвергаетъ самыхъ сильныхъ владыкъ (22. 23. 10, 2—21). И потому почтенны бываютъ не властители, не богачи, а боящіеся Господа (22—27). Тоже бываетъ и въ жизни: умному рабу служить свободные, трудящійся не нуждается, бѣдный почитается за умъ, а богатый за богатство; но лишившись его, лишается и почтенія (28—34). Поэтому о человѣкѣ нужно судить не по внѣшнему виду, а по его дѣламъ, и опять, судить не по отзывамъ другихъ, а по собственному усмотрѣнію (11, 1—9). Предостерегая отъ свойственной молодымъ людямъ самоувѣренности, опытный наставникъ удерживаетъ сына отъ трудовъ и предпріятій превосходящихъ силы и слишкомъ утомляющихъ (10—13), а совѣтуетъ во всемъ возлагать упованіе на Господа, отъ котораго зависитъ все въ жизни человѣка (14—19), такъ что о счастіи или несчастіи человѣка можно сказать только послѣ смерти его (20—28). Какъ необходима осторожность въ обращеніи съ людьми, премудрый указываетъ въ томъ, что приглашенный въ домъ неизвѣстный человѣкъ можетъ внести смуты (29—34),—что даже за благотворенія злой человѣкъ можетъ нанести неприятели (12, 1—7), что многіе мнимые друзья въ несчастіяхъ оказываются врагами (8—18), что обращеніе съ гордыми и знатными людьми можетъ кончиться разореніемъ или презрѣніемъ со стороны не равнаго по богатству и положенію человѣка (13, 1—18),—и какъ

животное дружится съ подобнымъ себѣ, такъ и человекъ долженъ искать себѣ равныхъ (19—24). Особенно эта разница открывается при сравненіи богача и бѣдняка: тому поддержка и почетъ, этому презрѣніе (2,5—23). Но для скупяго и завистливаго и богатство не въ прокъ; его трудами воспользуются другіе (14, 1—10). И потому лучше при жизни благотворить другимъ, зная, что нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ (11—20); но еще лучше приобрести богатство мудрости и умереть съ нею (12—27). Боящійся Господа такъ и поступаетъ: онъ живетъ подъ кровомъ мудрости (15, 1—10). Но все зависитъ отъ свободнаго выбора самого человека, потому что Господь, сотворивши человека, предоставилъ ему самому избирать лучшее, и къ избравшимъ лучшее, т. е. мудрость Онъ благоволяетъ;—грѣшникъ же никому не дозволяетъ (11—20).

Вопреки общему убѣжденію евреевъ, смотрѣвшихъ на многочадіе, какъ на благословіе Божіе, писатель совѣтуетъ не желать множества чадъ, если они будутъ нечестивы, и указываетъ на поразительные примѣры истребленія множества людей за нечестіе въ потофѣ, въ огнѣ Содома, въ 40-лѣтнемъ странствованіи по пустынѣ (16, 1—11 до половины ст.): такъ что трудно допустить, чтобы и одинъ грѣшникъ избѣжалъ строгаго суда Божія, напрасно бы кто-нибудь воображалъ, что всевѣдущій Господь можетъ не замѣтить нечестія ничтожнаго человека (11—23). И потому наставникъ приглашаетъ сына къ познанію Промысла Божія, въ дѣлахъ міра (24—31). Создавши человека изъ земли и предоставивъ ему власть надъ землею, Господь заповѣдалъ ему прославлять своего Творца добрыми дѣлами; избралъ для сего по преимуществу народъ Израильскій и слѣдить за нимъ во всѣхъ путяхъ его (17, 1—20,) и потому, пока есть время, грѣшникъ долженъ покаяться и обратиться къ Господу (21—31). Онъ одинъ праведникъ, и, зная слабость и недолговѣчность человека, долготерпитъ къ его грѣхамъ (18, 2—24).—Затѣмъ премудрый даетъ

совѣты, не пятнать благотвореній упреками нуждающемуся, не оставаться неисправимымъ до времени болѣзни и до смерти (15—29), и въ особомъ отдѣлѣ, носящемъ въ греческомъ заглавіе: *воздержаніе души*, даетъ совѣтъ не поглажать своимъ прихотямъ и не искать частныхъ удовольствій (30—33), потому что худыя склонности дѣлаютъ человѣка и бѣднымъ и глупымъ (19, 1—3). Вредны воздержанію души легкомысленная довѣрчивость всякимъ слухамъ и болтливость (4—12), и потому услышавши что-нибудь недоброе о другѣ, лучше объясниться съ нимъ (13—18—). Вообще же совѣтуется осторожность, какъ лучшее средство противъ лукавства, и наблюдательность, какъ средство узнать человѣка, потому что человѣкъ видѣнъ и по взгляду, и по одеждѣ, и по улыбкѣ, и даже по походкѣ (—18—27). Касательно обличенія замѣчено, что оно хорошо, когда дѣлается во время и съ благоразумной умѣренностью въ словѣ (28. 20, 1—8), и потому, въ случаѣ нужды, лучше обращаться за помощью къ человѣку мудрому, потому что глупый свое благодареніе сопровождаетъ горькими упреками (9—17). Глупца легко узнать по словамъ, но чтобъ судить о человѣкѣ нужно брать во вниманіе тѣ обстоятельства, которыя удерживаютъ его отъ зла или склонили его къ преступленію (18—23). По мнѣнію премудраго, ложь есть самый гнусный порокъ для человѣка (24—26).

Въ отдѣлѣ: *слова притчей*, указывается преимущество мудраго предъ глупымъ (24—31), предлагается избѣгать грѣха, какъ самой страшной опасности, оканчивающейся гибелью самого грѣшника (21, 1—11), тогда какъ мудрецъ возвышается и пользуется общимъ уваженіемъ и за свои слова и за поступки (12—13); особенно же порицается лѣнь и считается позоромъ для родителей неблаговоспитанность дѣтей,—а глупость ихъ заслуживающею плача болѣе, чѣмъ смерть (22, 1—11), потому что съ такимъ человекомъ нельзя имѣть никакого дѣла (12—20). Что касается дружбы,

то не обиды и не ругательства расторгаютъ ее, а презрѣніе, открытіе тайнъ и лукавство; важно даже въ дружбѣ постоянство, неизмѣняемое и при несчастіяхъ (21—30).—Созпавая вполнѣ важность употребленія слова, писатель обращается съ молитвой къ Господу, чтобъ Онъ сохранилъ его отъ грѣховъ языка (31. 23, 1—5) и пишетъ для дѣтей *наставленіе для устъ* (особый отдѣлъ), въ которомъ остерегаетъ ихъ отъ клятвы и отъ невѣжливаго употребленія слова предъ старшими (6—19). Эту часть премудрый заключаетъ словомъ о блудѣ и прелюбодѣіи, которые, какъ-бы тайно не совершались, не могутъ скрыться отъ очей Божиихъ,—и приводитъ къ тому, что самое лучшее въ жизни исполнять заповѣди (20—37).

Часть вторая (24—42, 14)

Для большаго убѣжденія въ справедливости и важности своихъ сѣтовъ, премудрый заставляетъ говорить самое премудрость. Подобно тому, какъ въ кн. Притчей (8. 12—31), премудрость начинаетъ здѣсь восхвалять себя, или лучше, описывать свое божественное происхожденіе и свои божественныя свойства, указывая на особенное свое присутствіе въ избранномъ народѣ (24, 1—13). Здѣсь она произрасла, какъ лучшія деревья, и распространила свое благоуханіе, какъ самыя благовопныя вещества (слав. *аспалаѳъ* = гвоздика, *галвани* = благовопная смола Сиріи, *ониксъ* = пахучая раковина, *стакти* = сокъ миртовыхъ кустовъ), и приглашаетъ людей наслаждаться ею (14—24). Отожествляя себя съ книгою завета, даннаго Моисеемъ, премудрость сравниваетъ свои дѣйствія съ дѣйствіями 4-хъ рѣкъ райскихъ и Иордана, и общаетъ быть неизякаемымъ источникомъ и моремъ свѣта и ученія (25—37). Она считаетъ для себя украшеніемъ единопмысліе братьевъ, любовь ближнихъ и согласіе сурруговъ; напо-

тивъ, ненавидитъ гордаго бѣдняка, лживаго богача и прелюбодѣя старика: потому что каждому возрасту и каждому состоянію приличны особенныя дѣйствія и страсти (25, 1—5). Исчисляя девять видовъ счастья, премудрость полагаетъ высшее счастье въ страхѣ Божіемъ (9—14), и изъ семи видовъ несчастія, какъ на самое опасное, указываетъ на то, которое происходитъ отъ лувавства жены (15—29). Обращаясь собственно къ этому предмету, премудрость прославляетъ счастье мужа, имѣющаго добрую жену, и изображаетъ печаль человѣка отъ недоброй и безстыдной жены или блдочери* (26, 1—15), и оканчиваетъ это изображеніемъ достоинствъ женщины (16—23), (а въ Александрійскомъ кодексѣ—и противоположнымъ изображеніемъ безстыдства женщины, съ увѣщаніемъ къ молодому человѣку избѣгать ея**). Сама она печалится о скудости воина и объ отверженіи мудреца, видя, конечно, въ нихъ людей, заслуживающихъ помощи и уваженія,—и негодуетъ на праведника падающаго въ грѣхъ (24—26). Далѣе указываетъ опасности торговаго сословія (27; 27, 1—3), употребленію и значенію дара слова (4—7), различію между бесѣдами благочестиваго и глу-

*) Въ книгѣ Сираха, какъ и у другихъ ветхозавѣтныхъ писателей, мы встрѣчаемъ самыя неслестныя отзывы о женщинахъ; особенно при изображеніи лувавой жены библейскіе писатели не щадятъ черныхъ красокъ и ставятъ ея зло величайшимъ несчастьемъ для человѣка. Такой неблагопріятный взглядъ легко объясняется положеніемъ женщины у восточныхъ народовъ. Многоженство, столь унижительно для достоинства человѣка, отняло у женщины равноправность съ мужчиной и значеніе ея въ семействѣ; кочевая жизнь и частыя войны съ сосѣдними народами дали перевѣсъ мужской силѣ, которою мужчина сталъ злоупотреблять въ ущербъ правамъ женщины. По замѣчанію одного писателя, это было праведное наказаніе женщ за грѣхъ въ раю. Христіанство, освятивъ одноженство и установивъ прочныя основанія общественной жизни, возвратило женщинамъ ея древнія права.

2) Въ греч. спискахъ здѣсь идетъ большая разница въ счетѣ стиховъ и въ количествѣ. Послѣ 23 ст. въ слав. или 18 въ греч. Алекс. недостаетъ цѣлыхъ девяти стиховъ, содержаніе которыхъ мы означили въ скобкахъ. Въ слав. ихъ пять; по въ синодальномъ изданіи греч. Александр. текста (1821 г.) они есть. Исслѣдователи вообще замѣчаютъ объ этой главѣ, что она въ разныхъ спискахъ потерпѣла большія измѣненія, что легко объясняется ея содержаніемъ.

паго, и съ отращеніемъ изображаетъ болтливаго, насмѣшника и коварнаго (8—33). Желая удоржать чловѣка отъ ненависти и гнѣва на ближняго своего премудрость говорить, что мстительный самъ подвергнется мщению правосуднаго Бога, что не милостивый къ ближнему не умилостивитъ Господа, яращійся подвергнется ярости другихъ; клеветникъ и лжощъ, и вообще оставляющій Господа будетъ оставленъ Имъ (28, 3—30). Напротивъ, милостивый только даетъ въ займы ближнему, и можетъ самъ надѣяться на милость, какъ на возвратъ даннаго въ займы (29, 1—3). Правда, иногда ссуда причиняетъ много непріятностей заемодавцу; но премудрость настаиваетъ на безусловномъ исполненіи заповѣди о милостынѣ (4—16); только въ отношеніи къ поручительству она совѣтуетъ быть осторожнымъ (17—23),—и научая умѣренности въ жизни, говорить, что надобно довольствоваться тѣмъ, что есть, чтобы не пришлось просить пріюта у другихъ и терпѣть отказа (24—31).

Въ отдѣлѣ *о дѣтяхъ* премудрость требуетъ строгости въ воспитаніи ихъ и на испорченность дѣтей смотритъ, какъ на слѣдствіе излишней любви къ нимъ (30, 1—13); *о здоровьѣ* говоритъ, что оно дороже всѣхъ сокровищъ земли, и что на уменьшеніе здоровья и сокращеніе жизни много имѣетъ вліянія печаль и забота (14—26). Въ подтвержденіе это она приводитъ, что веселое сердце заботится о пирахъ (27, по Ватик. списку=33, 14), *) а заботящійся о богатствѣ изнуряетъ свое здоровье не менѣе бѣдняка (31 гл. Алекс. и Ват. 34, 1—7); только безкорыстіе и употребленіе богатства на милостыню дѣлаютъ его прочнымъ (8—12). По-

*) Съ послѣдняго стиха 30-й гл. и до конца 36-й порядокъ текста въ разныхъ изданіяхъ очень различенъ. Въ Комплютенской полиглоттѣ (1514—1520 г.), которой слѣдовалъ нашъ славянской переводъ иначе, чѣмъ въ древнѣйшемъ Ватиканскомъ стихѣ и въ синодальномъ изданіи греч. Александрійскаго кодекса. Слѣдуя славянскому тексту, мы въ скобкахъ указываемъ соответствующіе стихи другихъ списковъ.

ставляя умѣренность, какъ лучшее средство къ сохраненію здоровья, она учитъ не объѣдаться за роскошнымъ столомъ богача и не напиваться вина (13—37). *О начальникахъ* пира премудрость говоритъ, что они должны наблюдать порядоки въ усаживаньи за трапезу, благоразуміе въ веденіи рѣчи и умѣренность въ продолженіи пира (32 гл. 1—15 Ал. и Ват. 35, 1—13). Впрочемъ, эти правила будутъ приняты и исполняемы боящимися Господа и благоразумными (16—25—Ал. 14—24), которые, потому, не подвергнутся никакому злу: тогда какъ неслушающій совѣтовъ премудрости подобенъ кораблю въ бурномъ морѣ (32, —Ал. 36, 1—2). Отъ различія разумныхъ и глупыхъ людей, премудрость переходитъ къ различенію судьбы тѣхъ и другихъ, и указываетъ на то, что Богъ въ самыхъ сходныхъ дняхъ различилъ дни праздничные, указываетъ, что и въ равныхъ по происхожденію людяхъ Онъ премудро различаетъ добрыхъ и злыхъ (3—14—Ал. 3—15). Здѣсь снова выступаетъ Сирахъ и указывая на себя какъ на послѣдняго собирателя мудрости, приглашаетъ князей лѣдовать его совѣтамъ (15—18—Ал. и Ват. 36, 15; 30, 25—27), и сохранять самостоятельность во всѣхъ дѣлахъ до конца жизни (19—24—Ал. 30, 28—32); *о рабахъ* замѣчаетъ, что постоянная работа и строгость обращенія — хотя и лучшія средства къ управленію ими; но и на нихъ нужно смотрѣть, какъ на подобныхъ себѣ людей (25—33—Ал. и В. 33—40). Какъ человекъ опытный, Сирахъ предостерегаетъ отъ вѣры въ сповиданія (34—Ал. и В. 31, 1—8). Онъ по опыту узналъ, что только болащійся Бога безстрашенъ, и длиннымъ разсужденіемъ доказываетъ неугодность Богу жертвъ грѣшника (9—26—9—31), совѣтуя угождать Ему законными и праведными жертвами, сопровождаемыми исполненіемъ заповѣдей и милостью къ несчастнымъ 35, 1—23—Ал. 32, 1—26). При воспоминаніи о несчастныхъ, Сирахъ обращается съ горичею молитвою къ Господу и проситъ помилованія несчастному избранному народу

страдающему подъ игомъ враговъ, и возобновленія прежнихъ милостей къ Израилю (36, 1—19—Ал. и Ват. 33, 1—13; 36, 16—22).

Сравненіемъ съ различными родами пищи, Сирахъ научаетъ благоразумному выбору жены (36, 20—29—Ал. и Ват. 23—31). друзей (37, 1—6) и совѣтниковъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, полагал лучшимъ совѣтникомъ собственное сердце, молитву къ Богу и размышленіе о предпринимаемомъ дѣлѣ: такъ какъ только такимъ образомъ можно сдѣлаться мудрымъ (7—23). О самой пищѣ онъ говоритъ, что многояденіе причиняетъ болѣзнь (30—34), что приводитъ его къ мысли о почитаніи врачей, какъ лицъ очень полезныхъ для человѣка, и о благоговѣніи къ Богу, лучшему Врачу и Создателю всѣхъ врачебныхъ средствъ (38, 1—15). Дозволяя, затѣмъ, плакать надъ мертвецемъ, Сирахъ остерегаетъ отъ излишней печали и унынія (16—23). Призывая навѣкъ необходимымъ для пріобрѣтенія надлежащаго умѣнья въ какомъ нибудь искусствѣ и занятіи, Сирахъ говоритъ, что и для пріобрѣтенія книжной мудрости нужно занятіе книгами и свободное къ тому время (24). Но, указывая на важность и необходимость для общественной жизни—земледѣльца, скотовода, рѣщика, кузнеца и горшечника, Сирахъ замѣчаетъ, что эти лица не пользуются въ обществѣ такимъ почетомъ и такими правами, какъ человѣкъ образованный, изучавшій законъ Всевышняго, размышляющій о дѣлахъ Его и прославившійся мудростью (25—39). Собственнымъ примѣромъ онъ побуждаетъ къ прославленію Бога и къ размышленію о Его дѣлахъ, въ которыхъ проявляется Его мудрость, всевѣдѣніе и правосудіе (15—42). Размышленіе о безпокойствѣ, составляющемъ удѣлъ человѣка, привело Сираха къ признанію вѣры и милостыни единственно вѣчными предметами въ жизни людей,—и изъ девяти превосходныхъ состояній самымъ славнымъ страхъ Божій (40, 1—28), а самымъ позорнымъ попрошайство (29—32). Затѣмъ, отъ размыш-